Выходятъ три раза въ мѣсяцъ въ г. Кременцѣ Волынской губерніи. | Цѣна годовому изданію съ пересылкою 5 руб.,—безъ перес. 4 руб.

1 и 6 Апрѣля №№ 10 и 11 1885 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Перемѣны въ церковной іерархіи.

Государь Императоръ, 9 Марта сего 1885 года Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода объ увольненіи епископа тобольскаго и сибирскаго *Василія*, согласно просьбѣ его, по разстроенному здоровью, отъ управленія ввѣренною ему епархіею и о бытіи епископу брестскому, второму викарію Литовской епархіи, *Авраамію* епископомъ тобольскимъ и сибирскимъ.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

Отъ 31-го января—11-го февраля 1885 года, за № 28, о воспрещеніи нехристіанамъ изготовлять предметы чествованія христіанъ и торговать таковыми.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24-го января 1885 г. за № 382, слѣдующаго содержанія: Согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 23-го ноября—21 декабря 1883 г., имъ, г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, внесено было въ Государственный Совѣтъ представленіе о дополненіи закона 20-го апрѣля 1882 г. правиломъ касательно воспрещенія нехристіанамъ производства вещей, составляющихъ предметъ чествованія христіанъ. Нынѣ государственный секретарь препроводилъ выписку изъ журналовъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи 17-го ноября и общаго собранія 27-го декабря 1884 г., изъ коей видно, что Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ означенное представленіе, мнѣніемъ положилъ: I. Дополненіе къ статьѣ 107 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (св. зак. т. XIV, кн. III, по прод. 1883 г.) замѣнить слѣдующимъ правиломъ: «Лицамъ нехристіанскихъ вѣроученій воспрещается писаніе иконъ, изготовленіе крестовъ и другихъ подобныхъ сему предметовъ чествованія христіанъ, равно какъ всякая вообще торговля всѣми означенными предметами». II. Въ дополненіе устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, постановить: «за писаніе иконъ, изготовленіе крестовъ и другихъ подобныхъ сему предметовъ чествованія христіанъ, а также за торговлю таковыми предметами, лица нехристіанскихъ вѣроученій, сверхъ отобранія всѣхъ найденныхъ у нихъ предметовъ означеннаго рода, подвергаются денежному взысканію не свыше *пятидесяти* рублей». Таковое мнѣ-

ніе Государственнаго Совѣта Его Императорское Величество Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. И, по справкѣ, приказали: Объ изъясненномъ въ настоящемъ предложеніи Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта относительно воспрещенія нехристіанамъ изготовлять предметы чествованія христіанъ и торговать таковыми предметами сообщить редакціи «Церковнаго Вѣстника» по принятому порядку для напечатанія.

— Отъ 14-го января—8-го февраля 1885 года, за № 59, о примѣненіи п. 4 ст. 45 Уст. о герб. сборѣ къ прошеніямъ лицъ духовнаго званія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе товарища г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 16-го ноября 1884 г. № 242, при коемъ приложено отношеніе товарища министра финансовъ, отъ 5-го ноября 1884 г. № 2730, по вопросу о примѣненіи п. 4 ст. 45 Уст. о герб. сб. (прим. 1 къ ст. 2 т. V Уст. пошлин. по прод. св. зак. 1883 г.) къ прошеніямъ лицъ духовнаго званія о перемѣщеніи ихъ съ одного мѣста на другое, а также о рукоположеніи ихъ въ тотъ или другой священный санъ. Приказали: Секретарь одной духовной консисторіи обратился къ г. синодальному Оберъ-Прокурору съ представленіемъ о разъясненіи возникшаго въ епархіальномъ управленіи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли подводить подъ дѣйствіе п. 4 ст. 45 Уст. о герб. сб. (прил. 1 къ ст. 2 т. V Уст. пошлин. по прод. св. зак. 1883 г.) одни первоначальныя прошенія лицъ духовнаго званія объ опредѣленіи ихъ на мѣста служенія, или же правило это въ равной мѣрѣ распространяется на всѣ случаи, въ коихъ лица духовнаго званія просятъ о перемѣщеніи ихъ съ одного мѣста на другое, а также о рукоположеніи ихъ въ тотъ или другой священный санъ. Товарищъ министра финансовъ въ отзывѣ, отъ 5-го ноября 1884 г. № 2730, по сему предмету сооб-

*

щилъ, что по п. 4 ст. 45 Устава о гербовомъ сборѣ отъ сбора изъяты вообще дѣла объ опредѣленіи на мѣста священно и церковно-служительскія, причемъ не оговорено, что льгота эта распространяется только на дѣла о первоначальномъ опредѣленіи духовныхъ лицъ на помянутыя мѣста, и что по мнѣнію его, товарища министра финансовъ, на основаніи 4 п. 45 ст. герб. уст., не подлежатъ оплатѣ гербовымъ сборомъ прошенія и другія бумаги, означенныя въ п. 1 ст. 6 того же устава, равно и разрѣшительныя бумаги не только по дѣламъ о первоначальномъ опредѣленіи духовныхъ лицъ на мѣста священно и церковно-служительскія, но и по дѣламъ о перемѣщеніи ихъ съ одного мѣста на другое, а также и по дѣламъ о рукоположеніи ихъ въ тотъ или другой священный санъ. Признавая полезнымъ настоящее разъясненіе товарища министра финансовъ сдѣлать извѣстнымъ по духовному вѣдомству, для устраненія подобныхъ настоящему недоразумѣній, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: объявить о семъ для надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства чрезъ напечатаніе въ «Церковномъ Вѣстникѣ», сообщивъ для сего редакціи сего журнала выписку изъ настоящаго опредѣленія по принятому порядку.

— Отъ 25—28 февраля 1885 года за № 366, объ отмѣнѣ ношенія свѣтскихъ знаковъ отличія духовными лицами при совершеніи богослуженія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 23 сего февраля, за № 843, коимъ объявляетъ Святѣйшему Синоду, для зависящихъ распоряженій, о томъ, что Государь Императоръ, имѣя въ виду, что существующій обычай носить жалуемые духовнымъ лицамъ ордена, медали и прочіе свѣтскіе знаки отличія при отправленіи богослуженія и надѣвать оные поверхъ священныхъ обла-

ченій,—не находя основанія въ уставахъ орденовъ,— не представляется соотвѣтствующимъ священнодѣйствію въ лицѣ совершающихъ оное, въ 23-й день сего февраля, Высочайше повелѣть изволилъ: отмѣнить ношеніе свѣтскихъ знаковъ отличія духовными лицами при совершеніи богослуженія въ священномъ облаченіи. Исключеніе изъ сего правила допускается примѣнительно къ 373 ст. Учрежд. орд., лишь для знаковъ ордена св. великомученика Георгія, наперсныхъ крестовъ на георгіевской лентѣ, жалуемыхъ за военное время, и для таковыхъ же крестовъ, пожалованныхъ въ память войны 1853—1856 гг. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи, для зависящихъ распоряженій и исполненія, дать знать по духовному вѣдомству, циркулярно, чрезъ «Церковный Вѣстникъ».

— Отъ 12—17 февраля 1885 года за № 229, объ учрежденіи екатеринбургской епархіи и о назначеніи въ оную епархіальнаго архіерея.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: Высочайше утвержденный всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода, объ учрежденіи екатеринбургской епархіи и о назначеніи въ оную епархіальнаго архіерея, слѣдующаго содержанія: По обширности пермской епархіи и по значительной въ ней численности православнаго населенія, храмовъ Божіихъ и служащаго при нихъ духовенства неизбѣжно встрѣчаются большія неудобства и затрудненія въ управленіи зауральскою частію пермской епархіи, особливо же въ благоуспѣшномъ теченіи дѣлъ, касающихся священнослужителей, благоустройства приходовъ и мѣропріятій противъ раскола. Для устраненія таковыхъ неудобствъ и затрудненій Синодъ полагаетъ: Взамѣнъ существующаго нынѣ въ пермской епархіи викаріатства образовать особую самостоятельную екатеринбургскую епархію съ архіерей-

скою каѳедрою въ городѣ Екатеринбургѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ составъ вновь обращенной екатеринбургской епархіи включить находящіеся за Уральскими горами въ Азіи всѣ уѣзды пермской епархіи, а именно: екатеринбургскій, ирбитскій, верхотурскій, камышловскій и шадринскій; 2) епархіальному архіерею сей епархіи именоваться епископомъ екатеринбургскимъ и ирбитскимъ и мѣстопребываніе имѣть въ городѣ Екатеринбургѣ въ томъ самомъ помѣщеніи, въ которомъ нынѣ пребываетъ викарій пермскій; 3) содержаніе екатеринбургскаго архіерея, его свиты, архіерейскаго дома, каѳедральнаго собора и екатеринбургской духовной консисторіи опредѣлить штатами, которые имѣютъ быть внесены на утвержденіе особо, въ установленномъ для сего порядкѣ; 4) съ открытіемъ екатеринбургской духовной консисторіи существующее въ Екатеринбургѣ духовное правленіе закрыть и дѣла онаго передать въ консисторію, и 5) за отчисленіемъ города Верхотурска во вновь учреждаемую епархію, титулъ пермскаго архіерея, именующагося нынѣ пермскимъ и верхотурскимъ, измѣнить, и именовать его епископомъ пермскимъ и соликамскимъ. Вмѣстѣ съ симъ Синодъ признаетъ полезнымъ назначить епархіальнымъ архіереемъ во вновь учреждаемую екатеринбургскую епархію викарія пермской епархіи епископа Наѳанаила. Всеподданнѣйше повергая на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе таковыя предположенія свои, Синодъ испрашивалъ на оныя Всемилостивѣйшаго Его Величества соизволенія. На докладѣ семъ Его Императорскому Величеству въ 29 день января 1885 года благоугодно было собственноручно начертать: «Быть по сему». Приказали: Для припечатанія во всеобщее извѣстіе объ изъясненномъ Высочайше утвержденномъ докладѣ Святѣйшаго Синода, относительно учрежденія екатеринбургской епархіи и назначенія въ оную епархіальнаго архіерея, сообщить редакціи «Церковнаго Вѣстника».

— *Отъ 19—28 февраля 1885 года за № 508, о закрытіи присутствія по дѣламъ правосл. духовенства и измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій касательно устройства церковныхъ приходовъ и состава причтовъ.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 17-го февраля 1885 г. за № 719, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 21-го декабря—25-го января 1884—85 года, въ 16-й день текущаго февраля, Высочайше соизволилъ: а) на закрытіе Высочайше учрежденнаго 28-го іюня 1862 года присутствія по дѣламъ православнаго духовенства и б) на приведеніе въ дѣйствіе изложенныхъ въ томъ опредѣленіи предположеній Святѣйшаго Синода объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій касательно устройства церковныхъ приходовъ и состава причтовъ, и 2) справку, по коей оказалось: Святѣйшій Синодъ 21-го декабря — 25-го января 1884—85 года опредѣлилъ: I. Установить на будущее время нижеслѣдующія правила о составѣ приходовъ и причтовъ: 1) Епархіальнымъ преосвященнымъ предоставляется возстановлять самостоятельные причты, по просьбамъ прихожанъ и при наличности достаточныхъ по мѣстнымъ условіямъ средствъ содержанія, при такихъ церквахъ, которыя, на основаніи прежнихъ штатовъ или особыхъ разрѣшеній Святѣйшаго Синода, были приходскими, а по новымъ штатнымъ росписаніямъ, составленнымъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 16 апрѣля 1869 г. постановленія присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, вошли въ составъ другихъ приходовъ, безъ назначенія къ нимъ особыхъ причтовъ; причемъ на учрежденіе новыхъ причтовъ во вновь открываемыхъ приходахъ и на всякое измѣненіе въ штатномъ составѣ существующихъ причтовъ епархіальные преосвященные и впредь имѣ-

ютъ испрашивать разрѣшеніе Святѣйшаго Синода. 2) Всѣ приходскія церкви, вошедшія по новымъ штатнымъ росписаніямъ въ составъ соединенныхъ приходовъ, съ сохраненіелъ при нихъ, или съ назначеніемъ къ нимъ вновь, особыхъ священниковъ и причетниковъ, выдѣливъ съ ихъ прихожанами изъ состава соединенныхъ приходовъ, признать самостоятельными, о чемъ и предоставить мѣстнымъ преосвященнымъ сдѣлать надлежащее распоряженіе. 3) Съ признаніемъ всѣхъ церквей, имѣющихъ свои причты, самостоятельными, раздѣленіе священниковъ на настоятелей и помощниковъ настоятеля отмѣнить. 4) Отмѣнивъ также раздѣленіе причетниковъ на псаломщиковъ и исправляющихъ должность псаломщика, предоставить всѣмъ состоящимъ при церквахъ причетникамъ званіе псаломщика. 5) Во всѣхъ епархіяхъ, за исключеніемъ западныхъ и закавказскихъ, церковные причты въ приходахъ, имѣющихъ менѣе 700 душъ мужскаго пола, состоятъ изъ священника и псаломщика, а въ приходахъ, имѣющихъ болѣе 700 душъ—изъ священника, діакона и псаломщика. Въ городахъ, а равно и въ селахъ, при существованіи особыхъ мѣстныхъ средствъ къ обезпеченію духовенства, преосвященнымъ предоставляется назначать діаконовъ и при меньшемъ числѣ прихожанъ. 6) Если при приходской церкви состоятъ два священника или болѣе, то въ составъ причта входятъ діаконъ и псаломщики, соотвѣтственно съ числомъ священниковъ, по одному на каждаго 7) Въ случаѣ неимѣнія въ епархіи кандидатовъ для замѣщенія свободныхъ священническихъ мѣстъ изъ окончившихъ въ семинаріи полный курсъ богословскихъ наукъ, предоставить преосвященнымъ рукополагать во священники лицъ, кои, по научному образованію, безукоризненной нравственности и знанію чина богослуженія, вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ сего сана. 8) Въ діаконскій санъ могутъ быть посвящаемы воспитанники семинаріи по окончаніи ими курса, а равно и такія лица, кои, по своимъ нравственнымъ качествамъ и познаніямъ,

будутъ признаны епархіальнымъ преосвященнымъ достойными посвященія въ сей санъ. Прохожденіе діаконскаго служенія, будучи естественнымъ подготовленіемъ къ священству, соединяется, по возможности, съ обязанностями законоучителя и учителя въ начальныхъ школахъ. 9) На должность псаломщика, при недостаткѣ въ лицахъ, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, епархіальнымъ преосвященнымъ предоставляется назначать лицъ безукоризненнаго поведенія, твердыхъ въ знаніи церковнаго устава и искусныхъ въ чтеніи и пѣніи церковномъ. 10) Впредь до пересмотра правилъ штатнаго содержанія духовенства, получаемое нынѣ членами причтовъ жалованье производить имъ и преемникамъ ихъ на существующемъ основаніи, въ нынѣ получаемыхъ ими размѣрахъ, а о распредѣленіи окладовъ, освобождающихся въ случаѣ закрытія цѣлыхъ причтовъ, или отдѣльныхъ вакансій въ ихъ составѣ, представлять на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода. II. Предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору повергнуть вновь составленныя правила на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе и утвержденіе и испросить Высочайшее соизволеніе на закрытіе учрежденнаго 28-го іюня 1862 года присутствія по дѣламъ православнаго духовенства съ передачею дѣлъ сего присутствія въ Св. Синодъ, на введеніе въ дѣйствіе означенныхъ правилъ и отмѣну, въ соотвѣтствіе съ симъ, нижеслѣдующихъ постановленій: а) примѣчанія къ 81 статьѣ Устава духовныхъ консисторій, и б) заключающихся въ Высочайше утвержденныхъ журналахъ присутствія по дѣламъ православнаго духовенства:—отъ 16 апрѣля 1869 г. статей: I, II пунктовъ 1, 2, 3 и 7, III, и IV пунктовъ 1, 2, 3 и 5;—отъ 20-го марта 1871 г. статей: I, II, III, V и VII; —отъ 24-го марта 1873 года § 19 приложенія;—отъ 7 го апрѣля 1873 года статей: I, III, IV, пунктовъ 1, 2 и 3, VII;—отъ 27-го декабря 1875 года статей. II, III и VII пункта 1;—отъ 17-го января 1876 года статей: I, III, пунктовъ 1, 2 и 3, и V;—отъ 24-го апрѣля

1876 года статьи I и отъ 2-го апрѣля 1877 года статей: I, II до пункта б) III, IV и V. Приказали: Объ изъясненномъ Высочайше утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, для надлежащихъ по оному распоряженій и исполненія, дать знать всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ печатными указами, пояснивъ въ оныхъ, что при распредѣленіи доходовъ между членами причта соблюдаются по прежнему Высочайше утвержденныя 24-го марта 1873 года правила, за исключеніемъ изложеннаго въ сихъ правилахъ § 19, причемъ относительно раздѣла собственно кружечныхъ доходовъ между членами причта должно быть принято на будущее время слѣдующее положеніе: При составѣ причта изъ двухъ членовъ — священника и псаломщика, первый изъ доходнаго рубля получаетъ 75 к., а послѣдній 25 к. При трехчленномъ составѣ причта священникъ получаетъ 50 к., діаконъ $33^{1}/_{3}$ к., псаломщикъ $16^{2}/_{3}$ к. При пятичленномъ составѣ каждый священникъ получаетъ по 60 к. изъ доходнаго рубля, діаконъ по 20 к. изъ каждой кружки, и каждый псаломщикъ по 20 к. При семичленномъ составѣ священникъ получаетъ $64^{2}/_{7}$ к., діаконъ по $14^{2}/_{7}$ к. изъ каждой кружки, псаломщикъ $21^{3}/_{7}$. При девятичленномъ составѣ священникъ получаетъ $66^{6}/_{9}$ к., діаконъ по $11^{1}/_{9}$ к. изъ каждой кружки, псаломщикъ $22^{2}/_{9}$ к. Вмѣстѣ съ симъ для напечатанія объ означенномъ Высочайшемъ повелѣніи во всеобщее свѣдѣніе сообщить редакціи «Церковнаго Вѣстника».

— *Отъ 12—27 февраля 1885 года, за № 228, объ учрежденіи при Св. Синодѣ особаго Совѣта для завѣдыванія церковно-приходскими школами.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24-го января 1885 г., за № 370, слѣдующаго содержанія: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу опредѣленія Свя-

тѣйшаго Синода, отъ 19-го декабря—9-го января 1884—85 года, Высочайше соизволилъ, въ 19 день января сего года, на учрежденіе при Святѣйшемъ Синодѣ особаго Совѣта для завѣдыванія церковно-приходскими школами, на изъясненныхъ въ томъ опредѣленіи основаніяхъ. Справка: по Высочайше утвержденному 12-го января 1882 года положенію комитета министровъ духовному вѣдомству предоставлено войти въ разсмотрѣніе вопроса объ обезпеченіи за православнымъ духовенствомъ надлежащаго вліянія на народное образованіе и объ изысканіи источниковъ для оказанія духовенству необходимой для того поддержки. По обсужденіи означеннаго вопроса признано, что для достиженія изъясненной цѣли самою важною мѣрою должно быть предоставленіе православному духовенству большей самостоятельности и преподаніе ему болѣе опредѣлительныхъ правилъ по устройству и завѣдыванію церковно-приходскими школами и другими начальными народными училищами, открываемыми духовенствомъ, и что лишь при благопріятномъ осуществленіи этой главной мѣры можно будетъ, сообразуясь съ разрѣшеніемъ оной, войти въ дальнѣйшія соображенія о мѣропріятіяхъ по означенному вопросу. Составленныя на семъ основаніи Синодомъ правила о церковно-приходскихъ школахъ удостоены Высочайшаго утвержденія въ 13 день іюня 1884 года и предложены при указѣ Святѣйшаго Синода, отъ 12-го іюля 1884 г., къ свѣдѣнію и надлежащему исполненію во всей Имперіи, за исключеніемъ епархіи рижской и великаго княжества финляндскаго. Въ настоящее время представляется необходимость приступить къ разсмотрѣнію другихъ предположеній, имѣющихъ цѣлію упрочить надлежащее вліяніе православнаго духовенства на народное образованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ по силѣ вновь изданныхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, возлагающихъ на святѣйшій Синодъ высшее завѣдываніе сими школами, на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода имѣютъ поступать всѣ тѣ представленія и предположе-

нія епархіальныхъ управленій, относящіяся до означенныхъ училищъ, по коимъ, на основаніи означенныхъ правилъ, требуется рѣшеніе Святѣйшаго Синода, а также вопросы и заявленія, возникающіе въ епархіяхъ по случаю введенія сихъ правилъ, каковы преимущественно предположенія и вопросы о программахъ преподаванія, объ учебникахъ и вообще книгахъ для школъ, о распредѣленіи пособій изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи Святѣйшаго Синода, и т. п. Въ виду сего и принимая во вниманіе особливую важность въ настоящее время какъ наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія общаго вопроса объ упроченіи надлежащаго вліянія православнаго духовенства на народное образованіе, такъ и въ частности наилучшаго по возможности устройства церковно-приходскихъ школъ и правленія оными, Святѣйшій Синодъ призналъ полезнымъ для дальнѣйшей разработки означеннаго вопроса, а равно для завѣдыванія названными школами учредить при Святѣйшемъ Синодѣ особый Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ архіереевъ, съ предоставленіемъ синодальному Оберъ-Прокурору, по соглашенію съ предсѣдателемъ Совѣта, избрать помощника предсѣдателя для замѣщенія его на случай отсутствія, и назначить четырехъ членовъ изъ лицъ, близко знакомыхъ съ положеніемъ народнаго образованія, съ тѣмъ, чтобы предметы вѣдѣнія и занятій Совѣта были точно опредѣлены въ особой инструкціи, имѣющей быть преподанною сему Совѣту отъ Святѣйшаго Синода; переписку же по дѣламъ Совѣта возложить на состоящее при синодальной канцеляріи дѣлопроизводство по церковно-приходскимъ школамъ. Въ осуществленіе таковыхъ предположеній Святѣйшій Синодъ 19-го декабря —9-го января 1884—85 года опредѣлилъ: предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору повергнуть означенныя предположенія Синода на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе и утвержденіе. Приказали: Для напечатанія во всеобщее извѣ-

стіе объ изъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе при Св. Синодѣ особаго Совѣта для завѣдыванія церковно-приходскими школами сообщить редакціи «Церковнаго Вѣстника».

Назначеніе на должности въ духовно-учебныя заведенія.

Приказомъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, февраля 21-го дня 1885 года (№ 5), *опредѣляются въ службу:* преподавателями въ духовныя семинаріи: кандидаты духовныхъ академій: кіевской: *Сухозанетъ*—въ орловскую, по гомилетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей; с.-петербургской: *Поташевъ*—въ псковскую, по св. Писанію; *Васильевъ*—въ черниговскую, по греческому языку; *Вольскій*—въ тобольскую, по основному, догматическому и нравственному богословію, и дѣйствительный студентъ Императорскаго университета св. Владиміра, имѣющій званіе учителя гимназій и прогимназій, *Шаревичъ*—въ кіевскую по физикѣ и математикѣ (Вольскій съ 29-го, а прочіе съ 20-го января 1885 года); помощниками инспекторовъ въ духовныя семинаріи: кандидаты духовныхъ академій: кіевской: *Козловскій*—въ кіевскую, московской: *Киструсскій*—въ кавказскую, *Недумовъ*—въ черниговскую и *Звѣревъ*—въ рязанскую (Козловскій съ 24-го января, Киструсскій съ 6-го, а прочіе съ 14-го февраля 1885 года); учителями въ духовныя училища: с.-петербургской: *Тугариновъ*—въ кутаиское; *Никольскій*—въ соликамское, по русскому и церковно-славянскому языку, *Дмитревскій*—въ арзамасское, по латинскому языку, *Никитскій*—въ александропевское, по греческому языку; московской: *Лебедевъ*—въ сѣвское, и кіевской: *Павлиновъ*—въ задонское, по русскому и церковно-славянскому языку (Тугариновъ и Павлиновъ съ 20-го, Никитскій съ 24-го января, Никольскій и Дмитревскій съ 6-го и Лебедевъ съ 14-го февраля 1885 года); *назначаются:* преподаватель

витебской духовной семинаріи *Барсовъ*—смотрителемъ въ витебское духовное училище и учители духовныхъ училищъ: шацкаго *Щукинъ* и курскаго *Андреевъ*—помощниками смотрителей въ тѣ же училища (Андреевъ съ 27-го, Щукинъ съ 31-го января и Барсовъ съ 8-го февраля 1885 года); *перемѣщаются:* смотритель пинскаго духовнаго училища *Тарановичъ* — на должность преподавателя въ архангельскую духовную семинарію, преподаватель казанской духовной семинаріи *Смирновъ*— на таковую же должность въ таврическую семинарію, преподаватель черниговской духовной семинаріи *Мозалевскій*—на должность учителя въ холмское духовное училище и учители духовныхъ училищъ: шаргородскаго *Мацѣвичъ*, кишиневскаго *Стыранкевичъ* и соликамскаго *Кудеевскій*—на таковыя же должности въ духовныя училища, первый въ кишиневское, вторый въ шаргородское, а послѣдній въ арзамасское (Мозалевскій, Мацѣевичъ и Стыранкевичъ съ 20-го января, Тарановичъ съ 2-го, Кудеевскій съ 6-го, а Смирновъ съ 14 февраля 1885 года).

II.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Постановленія Волынскаго Епархіальнаго Попечительства о выдачѣ пособій.

По постановленіямъ Волынскаго Епархіальнаго Попечительства, состоявшимся 11 Февраля сего 1885 года, съ соизволенія Его Высокопреосвященства, утверждены къ исполненію росписанія о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, составленныя на предметъ выдачи изъ суммъ мѣстныхъ Окружныхъ Попечительствъ пособій: за 1-ю и 2-ю половины 1884 года, безъ воспособленія со стороны Епархіальнаго Попечительства, слѣдующимъ лицамъ: 1) по 4-му округу Дубенскаго уѣзда: заштатному

пономарю Леонтію Локацкому съ двумя сыновьями 8 р., дьяческой вдовѣ Февроніи Данилевичъ 8 руб., дьяческой вдовѣ Ксеніи Гловачевской съ треля сыновьями 15 р., священнической сиротѣ Өеофилѣ Данилевичъ 10 руб. и священнической вдовѣ Антонинѣ Краевской 10 рублей, итого всѣмъ 51 рубль; и 2) по 3-му округу Кременецкаго уѣзда: священнической вдовѣ Татіаннѣ Малицкой 10 руб., священнической вдовѣ Анастасіи Рыбчинской съ дочерью 10 руб., священнической вдовѣ Таисіи Моссаковской съ дочерью 10 руб., священнической вдовѣ Евдокіи Шиманской 10 руб., священнической вдовѣ Антонинѣ Михалевичъ съ двумя дочерми 25 руб., протоіерейской сиротѣ Александрѣ Кондрацкой 15 руб., священнической вдовѣ Анисіи Давидовичъ съ дочерью 10 р., дьяческой вдовѣ Аннѣ Юхновской 7 руб., пономарской вдовѣ Евдокіи Петрицкой съ тремя дѣтьми 8 руб., священнической вдовѣ Өеоктистѣ Кондрацкой съ сыномъ 10 руб. и дьяческой вдовѣ Маріи Копачевской 6 руб., итого всѣмъ 121 рубль.

По постановленіямъ Волынскаго Епархіальнаго Попечительства, состоявшимся 11-го Февраля сего 1885 года, съ соизволенія Его Высокопреосвященства, утверждены къ исполненію росписанія о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, составленныя на предметъ выдачи изъ суммъ мѣстныхъ Окружныхъ Попечительствъ пособій: 1) за 2-ю половину 1884 года по 2-му округу Заславскаго уѣзда, при воспособленіи 32 руб. со стороны Епархіальнаго Попечительства, слѣдующимъ лицамъ: священнической сиротѣ Аннѣ Сингалевичъ 8 р., священнической сиротѣ Маріи Гардасевичъ 8 руб., священнической вдовѣ Александрѣ Переметницкой 8 руб., священническимъ сиротамъ: Юліи и Аннѣ Островскимъ 10 руб., дьяческой вдовѣ Маріи Туржанской съ дочерью 8 руб., дьяческой вдовѣ Анастасіи Свѣтлинской съ сыномъ 8 руб., пономарской вдовѣ Евдокіи Новоселецкой съ двумя дочерми 8 руб., заштатному пономарю Константину Мартышевскому 5 руб., дьяческой вдовѣ Ольгѣ

Гобчанской съ четырмя дѣтьми 4 руб., заштатному дьячку Игнатію Бучинскому съ женою 8 руб., дьяческой вдовѣ Антонинѣ Карвовской съ двумя сыновьями 8 руб., дьяческой вдовѣ Евдокіи Копачевской съ дочерью 8 руб. и дьяческой вдовѣ Матронѣ Прусовской 4 руб., итого всѣмъ 95 рублей; 2) за 2-ю половину 1884 года по Острожскопу городскому округу, безъ воспособленія со стороны Епархіальнаго Попечительства, слѣдующимъ лицамъ: заштатному, темному на оба глаза, діакону Ѳеодору Помазанскому 5 руб. и священнической сиротѣ Домникіи Дашкевичъ 5 руб., итого обоимъ 10 рублей.

По постановленіямъ Волынскаго Епархіальнаго Попечительства, состоявшимся 20-го Февраля сего 1885 года, съ соизволенія Его Высокопреосвященства, утверждены къ исполненію росписанія о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, составленныя на предметъ выдачи изъ суммъ мѣстныхъ Окружныхъ Попечительствъ пособій: 1) по 1-му округу Дубенскаго уѣзда, за 2-ю половину 1884 года, при воспособленіи 23 рублей со стороны Епархіальпаго Попечительства, слѣдующимъ лицамъ: священнической вдовѣ Юліи Ленчевской съ тремя дѣтьми 8 руб., священнической вдовѣ Еленѣ Игнатовичъ съ тремя дѣтьми 8 руб., священнической сиротѣ Софіи Клюковской 5 руб., священнической вдовѣ Софіи Глицкой 5 руб., священнической вдовѣ Евдокіи Крейцъ 7 р., священническимъ сиротамъ: Ѳеклѣ и Анастасіи Сагайдаковскимъ 6 руб., священнической сиротѣ Ѳеоктистѣ Трофимовичъ 3 руб., дьяческой вдовѣ Домникіи Задворной съ двумя дѣтьми 5 р., дьяческой вдовѣ Александрѣ Писклявской съ четырмя дѣтьми 5 руб. дьяческой вдовѣ Маріи Сятковской 3 руб., дьяческой вдовѣ Акилинѣ Пляшевской съ тремя сыновьями 3 руб., заштатному пономарю Льву Иваницкому съ двумя дѣтьми 6 руб., дьяческой вдовѣ Евдокіи Юрковской съ сыномъ 2 руб., заштатному пономарю Ѳеодоту Жуковичу съ сыномъ 3 р. и пономарской вдовѣ Іуліаніи Легензевичъ съ дочерью 4 руб., итого всѣмъ 73 рубля; и 2) за 2-ю половину

1884 года по 2-му округу Овручскаго уѣзда, при воспособленіи 20 руб. со стороны Епархіальнаго Попечительства слѣдующимъ лицамъ: священнической вдовѣ Маріи Левицкой 6 руб., священнической вдовѣ Надеждѣ Буткевичъ съ пятью дѣтьми 4 р., священнической вдовѣ Лукіи Собкевичъ 4 руб., священнической вдовѣ Агафіи Жуковичъ 5 руб., священническому сыну Игнатію Игнатовичу 5 руб., священнической вдовѣ Анастасіи Шавловичъ 5 руб., священнической вдовѣ Вѣрѣ Теодоровичъ съ двумя дѣтьми 7 руб., внѣштатному пономарю Иліѣ Кіяновскому съ женою 6 руб., дьяческой вдовѣ Парасхевѣ Кондратовичъ съ шестью дѣтьми 8 руб., дьяческой вдовѣ Евфросиніи Клепацкой съ дочерью 4 руб., пономарскимъ сиротамъ: Ивану и Маріи Клепацкимъ 6 руб., дьяческой дочери Маріи Заваличъ 5 руб. и дьяческой вдовѣ Іуліаніи Бояковской 4 рубля, итого всѣмъ 69 рублей.

Открытіе церковно-приходскихъ Попечительствъ.

Открыты церковно-приходскія попечительства въ сс. Бузакахъ и Замшанахъ Ковельскаго уѣзда, Сторожевѣ—Новградволынскаго уѣзда, Андрусіевѣ—Ровенскаго уѣзда, Дворцѣ, Криворудкѣ, Ледянкѣ, Кучмановкѣ, Трусиловкѣ, Сморщковѣ, Шарлаевкѣ и Волицѣ Полевой Заславскаго уѣзда.

Перемѣны по службѣ.

Избраны: Депутатомъ Окружнаго Училищнаго Съѣзда по 2-му округу Острожскаго уѣзда Священникъ с. Краева Антоній *Михалевичъ*, а кандидатомъ къ нему Священникъ с. Сѣянецъ Евстафій *Владимірскій*, по 3-му округу Староконстантиновскаго уѣзда Депутатомъ Священникъ с. Шибенной Іоаннъ *Бояковскій*, а кандидатомъ къ нему Священникъ м. Теофиполя Антоній *Олесницкій*, по 4-му округу Луцкаго уѣзда Депутатомъ Священникъ

с. Цепцевичъ Николай *Перхоровичъ*, а кандидатомъ къ нему Священникъ с. Озера Петръ *Трильсскій*.

Въ село *Гнпздично*, Кременецкаго уѣзда, на просфорническое мѣсто опредѣлена дьяческая сирота Неонила *Логвинская*.

Просфорни: с. *Носовокъ*, Житомірскаго уѣзда, Евфросинія *Погольская* и с. *Троши*, того же уѣзда, Екатерина *Скородинская* перемѣщены одна на мѣсто другой.

Вакантныя мѣста.

Въ настоящее время праздны слѣдующія мѣста:

Священническія:—въ *с. Уховецкѣ*, Ковельскаго уѣзда, за перемѣщеніемъ Священника Филимона Волошинскаго въ с Величчи того же уѣзда. Въ означенномъ приходѣ церковной усадебной земли 2 десят., 96 саж., пахатной 51 десят. 44 саж., сѣнокосной 39 десят., неудобной 6 десят. 66 саж., и 2136 душъ прихожанъ обоего пола. Домъ для священника разрушенъ, церковныя постройки ветхи. Въ с. *Старопорицкѣ*, Владимірволынскаго уѣзда, за удаленіемъ Священника Ѳеодота Яцевскаго. Въ означенномъ приходѣ церковной усадебной земли 5 десят. 1960 саж., пахатной 27 десят. 715 саж., сѣнокосной 10 десят. 1852 саж. и 599 душъ прихожанъ обоего пола. Домъ для священника и хозяйственныя постройки требуютъ починки. Въ с. *Можарахъ*, Овручскаго уѣзда, за смертію Священника Евфимія Лучинскаго. Въ означенномъ приходѣ церковной усадебной земли 2 десят. 2121 саж., сѣнокосной 10 десят. 1460 саж., пахатной 21 десят. 357 саж. и 999 душъ прихожанъ обоего пола. Домъ для священника и церковныя постройки ветхи и требуютъ починки. Въ *м. Гулевичевѣ*, Луцкаго уѣзда, за перемѣщеніемъ священника Іоанна Абрамовича въ с. Кусницѣ, Влад. уѣзда. Въ означенномъ приходѣ церковной земли за

неимѣніемъ плана неизвѣстно сколько, домъ для священника ветхій,—прихожанъ обоего пола 992 души. Въ *с. Стецкахъ*, Заславскаго уѣзда, за отчисленіемъ заштатъ священника Стефана Войны. Въ означенномъ приходѣ церковной земли: усадебной и подъ церковнымъ погостомъ 3 десят. 300 саж., пахатной 22 десят. 2110 саж., сѣнокосной 16 десят. 262 саж., а всего 41 дес. 2372 саж. Домъ для священника деревянный—новый, хозяйственныя постройки очень ветхи. Въ *с. Вязовкѣ*, Овручск. у., за удаленіемъ окончившаго курсъ ученія въ Волынской Дух. Семинаріи Авксентія Клепацкаго. Въ означенномъ приходѣ церковной усадебной земли 3 дес., пахатной 14 дес. 1600 саж., сѣнокосной 4 дес. 1600 саж., и 1291 душа прихожанъ обоего пола. Домъ для священника требуетъ значительной починки. Въ *с. Овадне*, Владиміров. у., за смертію священника Никанора Рѣчинскаго. Въ означенномъ приходѣ церковной усадебной земли 2 дес., пахатной 37 дес., сѣнокосной 36 дес. и 914 душъ прихожанъ обоего пола. Домъ для священника съ хозяйственными постройками требуетъ значительной починки.

СИНОДАЛЬНЫЯ КНИГИ.

Въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ,

(въ Москвѣ въ зданіи синодальной типографіи, въ С.-Петербургѣ въ зданіи Св. Синода)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Сочиненія Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго, въ 11-ти томахъ, цѣна. . . . . 28 р. —

(отдѣльными томами не продаются)

Томъ I. Слова и бесѣды на праздники Господни и воскресные дни.

Томъ II. На праздники Богородичные и на дни святыхъ.

*

Томъ III. Слова и рѣчи при посѣщеніи паствы,—поученія при крестныхъ ходахъ и слова и рѣчи къ отдѣльнымъ лицамъ.

Томъ IV. Слова и рѣчи на высокоторжественные дни, при избраніи на общественныя должности и при открытіи общественныхъ учрежденій,—слова надгробныя.

Томъ V. Слова и бесѣды на первую седмицу великаго поста, страстную и свѣтлую седмицы.

Томъ VI. Слова и рѣчи великопостныя, начиная съ недѣли мясопустной.

Томъ VII. Слова и рѣчи великопостныя: паденіе Адамово, о грѣхѣ и его послѣдствіяхъ, бесѣды на св. четыредесятницу,—мысли о безсмертіи. Замѣтки.

Томъ VIII. Слова по случаю общественныхъ бѣдствій. Бесѣды о природѣ. Акаѳисты.

Томъ IX. Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. Жизнь апостола Павла. Жизнь св. Кипріана.

Къ сему тому приложенъ портретъ преосвящ. Иннокентія.

Томъ X. Лекціи: о религіи вообще, о человѣкѣ, о послѣдней судьбѣ человѣка и міра. Лекція вступительная по нравственному богословію. Введеніе въ нравственное богословіе. Нравственная антропологія. Воскресеніе Лазаря. Сошествіе Святаго Духа на апостоловъ въ день пятидесятницы. О святомъ апостолѣ Павлѣ. Что чудеснаго сдѣлалъ Промыслъ въ пользу христіанства? Воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа. О неологизмѣ или раціонализмѣ. Взглядъ на греческую философію. Насажденіе и успѣхи христіанства въ древнемъ Херсонѣ. Взглядъ на дипломатическія сношенія наши съ дворомъ римскимъ, по дѣламъ церкви римской. О присягѣ епископовъ католическихъ Папѣ. О новоучрежденной епархіи римско-католической въ Херсонѣ. О воспитаніи польскаго юношества. О возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ крымскимъ. Предложенія херсонской епархіальной консисторіи. Разборъ соч. еписк Макарія. Зарожденіе и судьба Днѣпра. Стихотвореніе.

Томъ XI. Лекціи: чтеніе евангельскихъ сказаній, о религіи откровенной, о религіи христіанской. О Богѣ вообще, какъ учредителѣ царствъ нравственнаго или небеснаго. Ученіе о сотвореніи міра. О промыслѣ или провидѣніи. О существахъ высшихъ человѣка или о духахъ. Іисусъ Христосъ—искупитель человѣческаго рода.

Часословъ учебный. Новое изданіе ц. п.

въ кореш. — 35 к.
въ бумаж. — 25 к.

Къ этому изданію учебнаго часослова сдѣланы слѣдующія дополненія: въ отдѣлѣ тропарей и кондаковъ великихъ святыхъ

и особыхъ праздниствъ помѣщены: а) подъ 1-е января тропарь св. Василію Великому гласъ 1 «Во всю землю изыде вѣщаніе твое» и кондакъ, б) подъ 11-е мая тропарь и кондакъ св. Кириллу и Меѳодію изъ службы симъ святымъ и в) подъ 1-е сентября тропарь индикту, гласъ 2 «Всея твари Содѣтелю» и кондакъ оному; вслѣдъ за тропарами и кондаками изъ тріодей постной и цвѣтной помѣщены: а) тропарь въ недѣлю православія: «Пречистому Твоему образу покланяемся благій» и кондакъ къ нему, б) тропари въ страстную седмицу «Се женихъ грядетъ въ полунощи», Егда славніи ученицы» «Благообразный Іосифъ», в) апостола Ѳомы «Запечатану гробу» и кондакъ къ нему и г) Преполовенію пятидесятницы, Преполовившуся празднику» и кондакъ, и въ концѣ **Часослова** напечатаны утреннія и вечернія молитвы въ томъ объемѣ, какъ онѣ печатаются въ сокращенномъ молитвословѣ.

	руб.	коп.
Служба св. Кириллу и Меѳодію, церк. печ. въ бум.	—	4
Житіе св. Кирилла и Меѳодія, церк. печ. въ бум.	—	4
Двѣ книги о покаяніи, св. Амвросія Медіоланскаго, гр. печ. (1-е изданіе) въ кожѣ	—	80
въ кореш.	—	70
въ бум.	—	55

Церковной печати означенная книга продается по тѣмъ же цѣнамъ.

Наставленіе о собственныхъ всякаго христіанина должностяхъ, св. Тихона епископа воронежскаго, гр. печ. (новое изданіе) въ кожѣ	—	55
въ кореш.	—	40
въ бум.	—	30
тоже, церк. печ. въ кожѣ	—	40
въ кореш.	—	35
въ бум.	—	25
Канонникъ. Въ 8 д. съ кин. въ пер. кож.	—	80
въ пер. бум.	—	65
въ 32 д. съ кин. въ пер. шагрен.	1	40
сафьян.	1	—
коленкор.	—	50
бум.	—	25
Чинъ (Послѣдованіе) о исповѣданіи. въ 8 д. съ кинов. въ пер. бум.	—	25

Чинъ исповѣданія отрокомъ. въ 8 д. съ кин. въ пер. бум. — 10

Лицевые святцы, по рисунку академика Солнцева, каждый экземпляръ на 12 листахъ:

а) на полуалександрійской бумагѣ 1 15

б) на бристольской бумагѣ: съ простымъ фономъ 2 —

» » » съ золотымъ » 2 25

Забужная Русь (новая книга) Е. Крыжановскаго, въ бум. — 40

Заключаетъ въ себѣ историческое изслѣдованіе о первоначальномъ заселеніи Забужья и первоначальной границѣ между Русью и Польшею.

Сію послѣднюю книгу можно получать, кромѣ синодальныхъ лавокъ, въ с.-петербургскихъ книжныхъ магазинахъ; въ Варшавѣ въ магазинѣ Истомина, въ Вильнѣ—въ магазинѣ Сыркина и въ Кіевѣ—въ магазинѣ Оглоблина.

Печатается и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу книга **«Бесѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ».**

Дозволено цензурою. Кременецъ. 21-го Марта 1885 года.

Редакторъ *П. Бѣляевъ.*

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 и 6 Апрѣля №№ 10 и 11 1885 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СВЯТЫЕ КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ, АПОСТОЛЫ СЛАВЯНСКІЕ (*).

Въ прежнее время, когда Христосъ жилъ на землѣ во плоти, и послѣ того, когда апостолы ходили по разнымъ странамъ и разносили Слово Божіе, тогда самое большое государство въ мірѣ было римское. Ему были подвластны всѣ земли вокругъ теплаго Средиземнаго моря: земля греческая, и египетская, и еврейская, гдѣ Христосъ родился и пострадалъ.

Дунай—рѣка тоже была римская; туда рано дошло Христово ученіе.

Былъ въ томъ же царствѣ римскомъ, не далеко отъ Аѳонской горы, большой городъ Солунь, и въ немъ, еще во времена апостольскія, было много христіанъ.

Держали римское царство императоры, что жили въ городѣ Римѣ. Сначала они были всѣ невѣрные: гнали христіанъ, и много тогда пролилось праведной крови.

(*) Перепечатывается въ Епарх. Вѣд., согласно желанію Славянскаго Благотворительнаго Общества. *Ред.*

Въ Солунѣ—городѣ тоже были мученики. Въ соборѣ солунскомъ почивали мощи святаго великомученика Димитрія и отъ нихъ предивныя чудеса творились.

Отъ гоненій христіанская вѣра не погибала, лишь больше народу приходило ко Христу.

Наконецъ осѣнила Божія благодать императора Константина: ему явился крестъ на небѣ, и онъ увѣровалъ И гоненія перестали. Константинъ далъ христіанамъ въ своемъ царствѣ волю и взялъ ихъ къ себѣ въ милость: и по немногу стала вѣра въ идоловъ въ римскомъ государствѣ пропадать.

Когда позналъ Христа императоръ Константинъ, то показалось ему, что онъ совсѣмъ сталъ новымъ человѣкомъ, что и царство его обновилось и что жизнь должна быть уже иная. Покинулъ императоръ древнюю столицу—Римъ и переѣхалъ на житье къ востоку, близко къ берегу Чернаго моря, въ городъ Византію; назвалъ этотъ городъ по своему имени Константинополемъ. И скоро стала новая столица богаче и красивѣе стараго Рима. Другіе народы прозвали ее Царьградомъ.

Въ старомъ же Римѣ остался жить патріархъ, иначе папа римскій.

Въ Царьградѣ былъ свой патріархъ. Еще были патріархи: александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій. Каждый имѣлъ свою область и всѣ между собою считались равными.

Тогда не было раздѣленія между православными и римскими католиками: у всѣхъ была одна христіанская вѣра. Папа римскій былъ такой же православный, какъ и прочіе патріархи. Во дни гоненій римскіе папы стояли за вѣру: нѣкоторые изъ нихъ принимали мученіе и были святые.

Когда стали появляться ереси, то всѣ патріархи собирались вмѣстѣ и соборне тѣ ереси осуждали,—хранили нерушимость завѣтовъ апостольскихъ.

Семь было вселенскихъ соборовъ.

Римское царство было великое: между разныхъ его

концовъ стояли горы и лежали моря, и долгіе были переѣзды изъ края въ край. Одному государю трудно было управлять. И раздѣлилось это царство пополамъ. Стало два государства: восточное греческое, иначе Византійское, и западное римское, — и два императора, одинъ въ Царьградѣ, другой въ Римѣ.

Утвердилась вѣра въ римскомъ государствѣ и въ греческомъ, но много еще было народовъ на востокѣ и на сѣверѣ, въ степяхъ и въ лѣсахъ непроходныхъ, куда не доносилось Слово Христово. И не могли эти люди быть спасены, потому что не знали Спасителя.

Богъ же всѣхъ одинаково жалѣетъ и всѣхъ зоветъ на свою вечерю. Сказано въ Евангеліи: *Глаголю же вамъ, яко мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, и Исаакомъ, и Іаковомъ, во царствіи небеснѣмъ* (Мѳ. гл. 8, 11).

И словно птичьи стаи, что снимаются съ мѣстъ и тянутся перелетомъ туда, гдѣ чуютъ весну, двинулись съ восточной стороны толпы новыхъ народовъ: обступили тѣсно римское царство и еще тѣснѣй царство греческое. Сперва пришли Готы, по нашему по-нынѣшнему Нѣмцы. За ними Обры пришли. Всё эти Обры ѣздили на коняхъ и ѣли конское мясо. Греческіе и римскіе люди прозвали новыхъ людей варварами.

Стали эти варвары проходить, то взадъ, то впередъ, вдоль Дуная — рѣки и по окрестнымъ странамъ. Гдѣ они шли, впереди ихъ города стояли богатые, а позади оставались лишь камни да уголья. Въ иныхъ мѣстахъ весь народъ изгубили враги: кого смерти предали, а кого въ плѣнъ къ себѣ взяли — въ невольники. Плѣнные христіане выучивались среди невѣрныхъ ихъ языкамъ и говорили о Христѣ: и оттого принималась у варваровъ христіанская вѣра. И лучше дѣлались варвары въ христіанствѣ: меньше убивали и мучили людей.

Черезъ нѣкоторое время Нѣмцы стали крещеные, и тогда они перешли за Дунай къ сѣверу. Тамъ и теперь живутъ.

Обры тоже выбрали себѣ мѣсто: взяли рядомъ съ Нѣмцами землю, что называлась Панноніей. Только они во Христа не увѣровали, всё были дики: за то и пропало скоро ихъ племя, забыли про нихъ народы.—Когда варвары ушли, греческое царство осталось въ большомъ разореньи: многія земли стояли пустыя и ничьи.

Воевалъ иногда противъ Грековъ, вмѣстѣ съ Нѣмцами и съ Обрами, еще одинъ народъ ни на тѣхъ, ни на другихъ непохожій. То были Славяне. Не были они такъ свирѣпы, какъ Нѣмцы и Обры, не столько сдѣлали зла, и потому объ нихъ сначала меньше было говору.

Когда же Нѣмцы и Обры отодвинулись прочь съ Дуная, то Славяне стали приходить сплошными толпами. Все равно какъ весною вода набѣгаетъ съ горъ, такъ они прибывали. Откуда они брались, никто не зналъ: слышно было, что они уже давно живутъ, на востокъ отъ Царьграда, на большой равнинѣ, что теперь зовется Россіей.

Просили Славяне греческаго царя, чтобъ имъ дозволено было селиться на разоренныхъ земляхъ: царь имъ дозволилъ. И разошлись они по Дунаю и между горъ Балканскихъ, до самаго моря. Другія колѣна того же славянскаго племени прошли вверхъ по притокамъ Дуная, ближе къ Нѣмцамъ, и стали тамъ жить подъ разными именами. По рѣкѣ Моравѣ—то были Моравяне, къ западу отъ нихъ Чехи. На сѣверъ отъ Чеховъ—есть луговыя долины: тамъ народъ славянскій сталъ называться Сербами—Лужичанами. Къ востоку, по Вислѣ-рѣкѣ, жили Поляки. Еще были славянскія колѣна: Сербы съ Хорватами, Словинцы, Словаки, и многія другія,—всѣ изъ одного племени, какъ вѣтви отъ одного дерева.

Но больше всего Славянъ осталось жить на прежнихъ мѣстахъ: по Днѣпру, по Окѣ и до самаго Новгорода, по всему простору земли русской. Жили они тамъ въ-разбросъ по лѣсамъ; прозывались, какъ и на западѣ, разно. Теперь они всѣ слились во-едино и назы-

ваютъ себя Русскими. Долгое тянулось время, пока стало Русское государство. А на западѣ Славяне до сихъ поръ не могутъ соединиться.

Заняли западные Славяне бывшую римскую землю и начали ею владѣть сообща, міромъ. Таковъ былъ ихъ природный обычай. Ни у какихъ другихъ народовъ этого не водилось. Въ греческомъ государствѣ и въ римскомъ землю держали богатые люди, а бѣдные жили въ работникахъ, не то изъ-полу брали. Про міръ же и не слыхивалъ никто. Стали Славяне пахать и сѣять, и хорошо разжились на новыхъ мѣстахъ. Прежде Славянъ, греческіе цари давали также Нѣмцамъ землю, еще и дома имъ строили, да только тѣ долго не могли успокоиться: поживутъ нѣсколько лѣтъ и надоѣстъ имъ работать, опять они идутъ въ походъ грабить и разорять.

А Славяне сразу осѣлись, и тише стало на Дунаѣ. Начали снова Греки приходить въ города и заводить торговлю; Славяне больше жили по деревнямъ. Лучше всѣхъ городовъ земли славянской былъ городъ Солунь. Сколько разъ его разоряли варвары, а онъ опять поднимался и все богатѣлъ: сберегалъ свой городъ св. Димитрій солунскій.

Какъ стали Греки жить въ сосѣдствѣ со Славянами, то начала отъ нихъ переходить къ Славянамъ и христіанская вѣра. Славяне легко ее понимали, потому что всегда были добрые, и заповѣдь Христова о томъ, чтобъ любить ближнихъ и прощать обиды, пришлась имъ по нраву. И скоро бы они всѣ обратились ко Христу, да не было кому ихъ наставить. Греки не очень любили водить съ ними знакомство. «У насъ, у Грековъ, науки всѣ и художества, отъ насъ премудрость всюду идетъ, а Славяне деревенскіе люди, простые»,—такъ они о себѣ думали и держались отъ Славянъ особо. А изъ Славянъ многіе привыкали говорить по гречески и поступали къ царю греческому на службу; но эти Славяне тогда же отставали отъ земли и отъ племени своего: начинали жить въ городахъ

между Греками и сами становились все одно как Греки.

Еще въ томъ была Славянамъ помѣха придти къ познанію христіанства, что не разумѣли они въ церквахъ Священнаго Писанія,—оно было по гречески. У Славянъ не только книгъ, но и буквъ своихъ не было. Если имъ нужно бывало что нибудь замѣтить, то они ставили знаки, зарубки дѣлали. Иные писали славянскую рѣчь греческими или римскими буквами, смотря по тому, кто какую грамоту зналъ; да только не хорошо это выходило, не понятно. И долго многіе Славяне истиннаго Бога не вѣдали: сами себѣ боговъ придумывали, молились грому, и солнцу, и вѣтрамъ,—дѣлали себѣ истукановъ, мѣдныхъ и деревянныхъ, и кланялись имъ.

Наконецъ смиловался Богъ надъ людьми своими и послалъ славянскому племени просвѣтителей, апостоловъ новыхъ.

Лѣтъ за тысячу тому назадъ (въ 9-мъ вѣкѣ по Р. Хр.) жилъ въ городѣ Солунѣ богатый вельможа, по имени Левъ. Было у него нѣсколько сыновей: старшаго звали Меѳодіемъ, а младшаго—Константинъ (въ монашествѣ Кириллъ).

Меѳодій сначала служилъ въ войскѣ; самъ царь его зналъ и отличалъ, и поставилъ его воеводою въ одну славянскую землю, что была тогда подъ греческой державой. Правилъ Меѳодій этою землею нѣсколько лѣтъ, и сталъ онъ часто думать: «Вотъ я заслужилъ себѣ у царя и честь, и богатство; а какъ мнѣ у Бога заслужить себѣ спасеніе?» И наскучила ему мірская его жизнь. Оставилъ онъ свое воеводство и ушелъ въ монахи, на гору Олимпъ. Тамъ прожилъ въ кельѣ не мало времени постникомъ и затворникомъ.

Когда Меѳодій отправился на царскую службу, братъ его Кириллъ былъ еще малъ, но уже всѣ примѣчали, что

на этомъ ребенкѣ почіетъ Божія благодать. Семи лѣтъ онъ видѣлъ чудный сонъ, проснулся и разсказалъ отцу съ матерью: «Снилося мнѣ, будто со всего нашего города воевода собралъ дѣвицъ и приказалъ, чтобъ я выбралъ себѣ невѣсту. Я взялъ самую красивую и нарядную и спросилъ, какъ ее зовутъ?—Она сказала: Софіей».

Родители Кирилла поняли, что это было ихъ сыну знаменіе, что дастъ ему Богъ великую премудрость: Софія по гречески значитъ премудрость.

Начали Кирилла учить грамотѣ и разнымъ наукамъ: онъ все понималъ такъ хорошо и скоро, что всѣ удивлялись. И когда, бывало, кончится время ученья, всѣ другія дѣти игры заводятъ, а Кириллъ на молитву становится, или книги читаетъ святыя.

Разъ выѣхалъ онъ съ товарищами на соколиную охоту. Только спустили они соколовъ, какъ вдругъ поднялся вихорь, захватилъ Кириллова сокола и занесъ невѣдомо куда Тогда Кириллъ сказалъ: «видно мнѣ здѣсь не мѣсто», и вернулся съ поля. Съ тѣхъ поръ онъ больше на охоту не ѣздилъ и сталъ еще богомольнѣе.

Въ греческой землѣ умеръ царь Ѳеофилъ, и наслѣдовалъ ему сынъ его Михаилъ. Этотъ новый царь остался послѣ отца еще малолѣтенъ, и были къ нему приставлены три боярина—учить его и воспитывать. Старшій изъ этихъ бояръ зналъ родителей Кирилла и слыхалъ, какой у нихъ есть сынъ умный и понятливый. И взялъ этотъ бояринъ Кирилла къ себѣ въ Царьградъ и сталъ его учить вмѣстѣ съ царемъ, чтобъ царь, на него глядя, самъ прилежнѣе учился.

Такъ и выросъ Кириллъ: то у боярина въ домѣ, то въ царскихъ палатахъ, и скоро сталъ многому наученъ,—прозвали его философомъ. Это по нашему значитъ—мудрецомъ. Умѣлъ онъ говорить на многихъ языкахъ и что въ книгахъ было непонятно, все онъ могъ растолковать.

Всѣ въ Царьградѣ знали его и любили за мудрость, а больше любили его за то, что онъ былъ добрый и ласковый со всѣми и всѣхъ при царскомъ дворѣ смирнѣе. Хотя онъ уже и на возрастѣ былъ, а никакой себѣ не видѣлъ радости въ мірскихъ забавахъ.

Боярину тому, что воспитывалъ его, онъ во всемъ покорялся, а бояринъ ему во всемъ вѣрилъ и поставилъ его старшимъ у себя въ домѣ. Была у этого боярина крестница—сирота, дѣвица богатая и хорошаго рода. И задумалъ онъ женить на ней Кирилла и сталъ его уговаривать. Но Кириллъ не хотѣлъ оставаться въ мірѣ, хотѣлъ Богу послужить. Тогда посвятили его въ священники и приставили смотрѣть за книгами у святой Софіи. Немного времени спустя онъ, никому не сказавши, скрылся въ монастырь, что стоялъ далеко за городомъ. Хватились его, стали искать; самъ царь о немъ скучалъ. Черезъ полгода едва нашли Кирилла, вернули его въ Царьградъ: и сталъ онъ учить такъ всякимъ наукамъ, духовнымъ и свѣтскимъ. И все равно, какъ вокругъ большаго города строятся меньшія деревушки, столпились около философа ученики. И радостенъ былъ Кириллъ: каждый часъ благодарилъ Бога за то, что Богъ ему даровалъ мудрость и сладость рѣчи на пользу людямъ.

Вдругъ пришли гонцы отъ невѣрныхъ Сарацинъ. Эти Сарацины еще при старомъ царѣ Ѳеофилѣ подступали къ землѣ греческой, и разорили одинъ большой городъ и перебили много народа.

Съ тѣхъ поръ они стали гордиться передъ христіанами своею силою и прислали грамоту, а въ ней написано было: «Какъ это вы, христіане, говорите, что вѣруете въ Бога Единаго, а почитаете Его какъ будто въ немъ три Бога и называете Святою Троицей? Если вы можете показать, что это истинно, то пришлите намъ искусныхъ и книжныхъ людей, чтоб могли они поспорить съ нашими мудрецами».

Царь Михаилъ, получивши эту грамоту, позвалъ

патріарха и бояръ, и сталъ съ ними совѣтоваться, кого послать. Подумали они и послали Кирилла. И пошелъ онъ къ невѣрнымъ безъ страха, съ усердіемъ: онъ и умереть за Христа не боялся.

Въ ту пору въ городѣ сарацинскомъ жили многіе христіане, да только у невѣрныхъ они были въ большомъ униженіи: Сарацины у нихъ у всѣхъ на воротахъ написали дьявольскія изображенія, чтобъ явно было, какъ они христіанами гнушаются, все равно что нечистыми дьяволами.

Когда Кириллъ пришелъ въ этотъ городъ, невѣрные показали ему, что̀ на христіанскихъ домахъ нарисовано, и спросили его: «Понимаешь ли ты это знаменіе?» А онъ имъ отвѣтилъ: «Понимаю я, что здѣсь живутъ праведные люди, и дьяволы къ нимъ войти не могутъ и остаются снаружи; а гдѣ ихъ не видно, тамъ, стало быть, они въ домѣ живутъ вмѣстѣ съ хозяевами.

Въ тотъ же день позванъ былъ Кириллъ къ столу князя этого города. За столомъ сталъ его спрашивать одинъ сарацинскій мудрецъ:

«Отчего это у васъ, у христіанъ, столько разныхъ толковъ и ересей: у васъ всякій по своему свою вѣру понимаетъ и живутъ всѣ разно, міряне по своему и чернецы по своему? Мы вотъ, по нашему магометанскому закону, и вѣры одной держимся крѣпко, и живемъ по нашей вѣрѣ всѣ одинаково». «Оттого это, сказалъ Кириллъ, что Богъ нашъ, какъ морская глубина, великъ и непостижимъ: человѣку объ Немъ и думать не подъ силу. Многіе хотятъ узнать Бога, да не многимъ дается на это премудрость. Есть люди такіе, что умомъ крѣпки, и сердцемъ смиренны, и отъ Самого Бога добрыми дѣлами заслужили помощь: тѣ и могутъ правильно понимать нашу вѣру. А есть и другіе, что возгордились сами о себѣ; отъ нихъ за это благодать Божія отходитъ, и попадаютъ они въ разныя ереси,—все равно, что гнилой корабль: выѣдетъ въ море и тонетъ. Если иной разъ и не совсѣмъ пропадетъ такой человѣкъ,

то все же у него душа не въ покоѣ, и не могутъ люди ни вѣры въ себѣ настоящей найти, ни истины Христовой познать. А что жизнь у насъ разная, такъ это оттого, что когда Христосъ сошелъ на землю, не отнялъ у людей прежняго ихъ закона, написаннаго въ десяти заповѣдяхъ, чтобъ худыхъ дѣлъ не дѣлать: не убивать, не красть. Тѣмъ же, кто къ Богу имѣетъ великую любовь и великое усердіе, далъ Спаситель новую Свою заповѣдь, евангельскую, совершеннаго житія. Трудная эта заповѣдь: не всякому ее можно исполнить и никого къ ней Богъ не принуждаетъ. Говоритъ Христосъ въ Евангеліи: *Могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Мѳ. гл. 19, 12).

«Поставилъ Богъ человѣка въ мірѣ между Ангелами и скотами: до Ангеловъ его не допускаетъ гнѣвъ и злоба, и всякое тѣлесное желаніе, а отъ скотовъ его раздѣляетъ разумъ и душа безсмертная. И далъ Богъ человѣку выбирать себѣ жизнь, какую самъ хочетъ: или, давши волю своему тѣлу, съ тварью безсловесною сравняться, или чистою и праведною жизнію до Ангеловъ небесныхъ подняться.

«Путь житія святаго, ангельскаго, немногіе выбираютъ,—тѣ, что желаютъ себѣ высокой награды въ царствіи небесномъ и, взявши крестъ свой, грядутъ вослѣдъ Самому Господу. Это у насъ чернецы: живутъ они въ монастыряхъ и въ пустыняхъ, ничего мірскаго въ мысляхъ не держатъ и всякій трудъ на себя принимаютъ во славу имени Господня. А прочіе христіане идутъ во спасеніе путемъ попросторнѣе: вѣруютъ во Христа и жизнь свою по вѣрѣ своей стараются вести, а живутъ въ городахъ и въ селеніяхъ, каждый при своемъ дѣлѣ, при своей работѣ. Это у насъ міряне.

«Ваша же вѣра магометанская все равно какъ мелкій ручей, что и всякій можетъ въ бродъ перейти; законъ вашъ не Божественное что-нибудь, а просто обычай человѣческій; и соблюдаете вы его всѣ потому, что его легко соблюсти».

Кончилъ рѣчь свою Кириллъ и заговорили Сарацины:

«Разскажи намъ, чтобъ мы поняли, какъ вы своему Единому Богу молитесь въ трехъ лицахъ: Отцу, и Сыну, и Святому Духу?»

Тогда Кириллъ показалъ имъ рукою на солнце и сказалъ:

«Видите вы,—стоитъ на небѣ кругъ блестящій и отъ него и свѣтъ, и тепло?—По образу и подобію Святой Троицы создалъ Богъ солнце.

«Богъ Отецъ, какъ солнечный кругъ, Единый, безъ начала и безъ конца. Отъ Него родится Сынъ Божій, какъ отъ солнца свѣтъ и свѣтитъ всему міру. И какъ отъ солнца вмѣстѣ съ лучами свѣтлыми и тепло идетъ, такъ отъ Бога Отца исходитъ Духъ Святой.

«Всякій различитъ порознь и кругъ солнечный, и свѣтъ, и тепло; а солнце все одно на небѣ. Такъ и Троица Пресвятая: три въ ней лица—Отецъ, Сынъ и Духъ Святой; а Богъ все Единый и Нераздѣльный».

Не нашли Сарацины что̀ отвѣтить мудрецу христіанскому и опять спросили его: «Какъ же вы, христіане, ходите на войну и убиваете людей? у васъ въ законѣ написано: «не убей», и въ Евангеліи показано—всѣхъ любить, а врагамъ прощать обиды и дѣлать добро». Кириллъ имъ на это сказалъ:

«Кто, по вашему, вѣрнѣе служитъ Богу: кто исполняетъ одну заповѣдь, или кто двѣ заразъ?»

Они ему отвѣтили: «тотъ вѣрнѣе служитъ Богу, кто соблюдаетъ обѣ заповѣди». И сталъ имъ говорить Кириллъ: «Правильно вы разсудили; теперь разсудите еще. Это истинно, что Христосъ намъ сказалъ любить ближнихъ; а еще сказалъ Христосъ, что *больши сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя.* Свою обиду долженъ изъ насъ всякій нести съ терпѣніемъ, а другъ за друга мы должны стоять и крови своей не жалѣть. Мы, когда воюемъ съ вами, не добычи ищемъ, а другихъ и себя обороняемъ. Вѣдь

вы если покорите какую нибудь землю, то всѣхъ заставляете принимать вашу вѣру и лишаете небеснаго царствія. Такъ меньше намъ грѣха предать тѣлесной смерти нѣкоторыхъ изъ вашихъ воиновъ, чѣмъ если многіе наши братья по вѣрѣ христіанской черезъ васъ духовною смертью умрутъ».

Видятъ невѣрные, что имъ не переспорить Кирилла, что правда вся на его сторонѣ. И задумали они его извести: подбавили ему яду въ питье. И сотворилъ Богъ чудо: выпилъ Кириллъ эту чару, что налили ему Сарацины, и остался живъ и здоровъ.

И сбылось, какъ Христосъ обѣщалъ въ Евангеліи всѣмъ, кто во имя Его трудится: *аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ* (Марк. 16, 18).

Вернулся Кириллъ отъ Сарацинъ и ушелъ въ глухое и тихое мѣсто, не взялъ съ собой ни денегъ, ни пожитковъ; питался только тѣмъ, что ему принесетъ кто нибудь Христа ради, и то поѣстъ немного, а что останется, отдастъ нищимъ. Такъ и жилъ: о завтрешнемъ днѣ не заботился.

Послѣ захотѣлось Кириллу провѣдать брата своего Меѳодія: пошелъ онъ на Олимпъ—гору и остался тамъ съ братомъ; стали вмѣстѣ спасаться.

У Чернаго моря, гдѣ нынѣ придонскія степи, стояло въ то время большое Козарское царство.

Народъ въ немъ былъ въ перемежку: сами Козары, Жиды и Сарацины, много было и русскихъ людей. Христіанской вѣры тамъ не было, и люди жили въ дикости; иные и домовъ не строили, а скитались съ мѣста на мѣсто, или прятались отъ ненастья въ хворостяныхъ шалашахъ, да въ землянкахъ маленькихъ, словно въ норкахъ. Князь у нихъ назывался каганомъ.

И отпустилъ каганъ къ царю греческому пословъ затѣмъ, чтобъ они ему сказали:

«Мы люди простые: знаемъ, что есть Богъ и молимся Ему; а какъ по Божьему жить, не знаемъ, и многое худое дѣлаемъ по невѣдѣнію. Толкуютъ намъ

Жиды, что ихъ вѣра самая лучшая, и Сарацины тоже о своей вѣрѣ говорятъ. Вы насъ никогда не обижали, и слыхали мы, что вы истинно вѣруете. Дайте наставниковъ нашему народу. Пусть они намъ покажутъ ясно вашу вѣру, если мы увидимъ, что она лучше жидовской и сарацинской, то будемъ креститься».

И когда пришли эти люди изъ-за моря и разсказали про нужду свою, то вспомнили въ Царьградѣ опять про Кирилла, розыскали его и велѣли ему идти къ Козарамъ. Онъ сталъ просить Меѳодія: «Братъ! пойдемъ со мной; я книжный человѣкъ, а ты, какъ былъ на воеводствѣ, видѣлъ всякаго народу и лучше моего умѣешь говорить съ простыми людьми». Такъ они согласились и пошли. Лежалъ имъ путь по степямъ; а въ степяхъ жили въ то время Угры,—теперь ихъ называютъ Венгерцами, тоже Мадьярами. Были эти Угры до того страшны, что и на людей не похожи: вмѣсто одежды носили звѣриныя шкуры мѣхомъ вверхъ. И жили по звѣринному: хлѣба не сѣяли, не работали ничего, только разбойничали. Не было отъ нихъ никому проходу, ни проѣзду.

Вотъ Кириллъ и Меѳодій шли и сдѣлали привалъ въ самый полдень; Кириллъ началъ молиться Богу. Вдругъ, словно вихорь налетѣлъ, набѣжали со степи Угры; воютъ какъ волки,—говорятъ ли по своему, или пѣсню поютъ,—подступаютъ къ Кириллу съ оружіемъ, убить его грозятся. А Кириллъ не устрашился, даже головы къ нимъ не повернулъ,—все стоялъ и читалъ: «Господи помилуй».

И усмирились Угры: остановились всѣ кругомъ Кирилла и слушали. Когда же онъ кончилъ молиться, стали кланяться ему до земли. И пропустили его и брата его Меѳодія безъ всякой обиды; еще и дорогу показали.

Скоро пришли Кириллъ и Меѳодій въ Крымъ, остановились въ греческомъ городѣ Херсонѣ, что стоялъ на морскомъ берегу, не далеко отъ Севастополя.

Въ морѣ, близъ того города, были скрыты мощи

святаго Климента, папы римскаго; и въ прежніе годы, какъ только бывало настанетъ этому святому праздникъ, море разступалось и уходило отъ берега, и открывалась на днѣ церковь каменная, Ангелами построенная, а въ церкви лежали мощи. Весь народъ ходилъ къ нимъ на поклоненіе, и многія отъ нихъ бывали исцѣленія и чудеса. До семи дней стояло море, а какъ исполнится седьмой день, опять все бывало зальетъ водою и опять ничего нѣтъ.

Только лѣтъ за пятьдесятъ до того, какъ придти Кириллу и Меѳодію, за грѣхи города Херсона, мощи перестали являться, и всѣмъ христіанамъ была отъ этого великая печаль. Когда Кириллъ и Меѳодій пришли и про это услыхали, то стали говорить тамошнему епископу Георгію, что надо чудотворныя мощи изъ моря вынуть. Епископъ ихъ послушалъ: сходилъ въ Царьградъ, взялъ патріаршее благословеніе. Стали они соборне служить молебенъ на берегу моря.

Молились цѣлый день, а вода все не разступалась. И когда свечерѣло, то епископъ, и Кириллъ съ Меѳодіемъ, и другіе священники сѣли на корабль и пустили его по вѣтру. Отъѣхали уже далеко и—вдругъ видятъ —надъ моремъ свѣтъ поднимается, словно звѣзда изъ пучины выкатывается. Подплыли къ тому мѣсту, и показались передъ ними поверхъ воды мощи святаго Климента. Всѣ на кораблѣ обрадовались, приняли мощи и съ пѣніемъ, съ ликованіемъ, привезли въ городъ.

Скоро послѣ того Кириллъ и Меѳодій опять снарядились въ дорогу. И дали имъ херсонскіе люди часть отъ честныхъ Климентовыхъ мощей, и съ тѣхъ поръ Кириллъ и Меѳодій, гдѣ бы ни ходили—утверждали вѣру христіанскую, повсюду носили эту частицу съ собой. Изъ Херсона поѣхали они на кораблѣ къ Козарамъ.

Приняли ихъ тамъ хорошо. Когда они пришли къ козарскому кагану, у него шелъ пиръ. И спросилъ ихъ каганъ: «Скажите мнѣ, какого вы рода, чтобъ я зналъ

какъ васъ посадить; у насъ здѣсь по роду мѣста даются».

Кириллъ сказалъ: «Нашъ дѣдъ былъ первый человѣкъ на всей землѣ; всѣхъ онъ былъ богаче и вся земная тварь была у него подъ властью. Не съумѣлъ онъ только удержать своей славы, и обнищалъ его родъ. Мы теперь для того и трудимся, чтобъ войти въ прежнюю честь нашего дѣда и другой чести не желаемъ. А дѣдъ нашъ, и вашъ, и всѣхъ людей—былъ Адамъ. Всякій родъ отъ него исходитъ». Подивился каганъ мудрому отвѣту, всталъ съ мѣста своего, поклонился низко обоимъ братьямъ, Кириллу и Меѳодію, и посадилъ ихъ противъ себя. И поднялъ чару, промолвилъ: «Слава Богу Единому». Кириллъ ему отвѣтилъ: «Слава Богу во Святой Троицѣ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу». На это отозвались Жиды, что были тоже на пиру, и стали спорить. Бесѣдовалъ съ ними Кириллъ день до вечера: по книгамъ и притчами показывалъ имъ всю ихъ неправду. Сначала шелъ споръ о Святой Троицѣ, послѣ о Матери Божіей.

Случилось тамъ быть нѣсколькимъ изъ Сарацинъ: они подняли голосъ противъ Кирилла за одно съ Жидами; и Кириллъ ихъ такъ же, какъ Жидовъ, постыдилъ въ томъ, что ихъ ученіе не Божія правда, а лукавство—чтобъ въ людяхъ разумъ затуманить, отъ правой вѣры отвести. Какъ огненная струя лилася рѣчь Кириллова: всѣ хитрости невѣрныхъ, какъ воскъ, отъ нея таяли.

Наконецъ поднялся каганъ съ Козарами своими и сказалъ Кириллу: «Хорошо ты все это говоришь, и нѣтъ никого мудрѣе тебя въ книгахъ. Видно Богъ тебя къ намъ привелъ на устроенье наше. Только мы по книгамъ мало смыслены: ты намъ просто разскажи, по вашему закону, какъ жить, чтобъ души свои спасти».

И на утро опять собрались Козары и спрашиваютъ Кирилла: «отчего христіанская вѣра всѣхъ лучше?»

Кириллъ имъ на это сталъ говорить: «Золото чистое

узнаютъ люди огнемъ, а правду истинную умомъ. Как вы думаете, еслибъ человѣку озябшему кто нибудь сказалъ: напейся холодной воды и постой на морозѣ и согрѣешься; а другой бы сказалъ—пойди грѣться въ теплое мѣсто, къ огню? Чья бы правда была?»

И отвѣтили Козары всѣ словно въ одинъ голосъ: «была бы правда того, кто отъ холоду тепло присовѣтовалъ». Дальше повелъ свою рѣчь Кириллъ: «Первый грѣхъ отъ чего случился?—отъ сладкаго плода и отъ гордости. Стало быть, чтобъ исцѣлиться отъ него, нужно воздержаніе плоти и смиреніе духа. А это и есть законъ христіанскій. Тяжелъ этотъ законъ въ здѣшней жизни; за то въ будущей тѣмъ, кто его исполняетъ, назначенъ у Бога вѣчный покой. Нашъ законъ, какъ ягодный кустъ, что весною стоитъ въ колючихъ иглахъ, а осенью даетъ хорошія ягоды».

Тогда первый совѣтникъ кагановъ обернулся въ ту сторону, гдѣ стояли Жиды, и сказалъ: «Теперь нашъ гость вашу мудрость и гордость и сарацинскую также разорилъ, въ своей христіанской мудрости какъ въ рѣкѣ потопилъ». А къ Козарамъ обернулся и сказалъ: «Истинно, какъ нѣтъ во всемъ мірѣ царя сильнѣе христіанскаго—царя православнаго, такъ и вѣра христіанская всѣхъ другихъ вѣръ выше передъ Богомъ; она только одна и можетъ привести въ небесное царство». И загудѣло по всей толпѣ: «аминь».

Вышелъ Кириллъ на середину козарскаго круга и воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Братья! кто изъ васъ чего нибудь не понялъ, или въ чемъ сомнѣвается, пусть придетъ ко мнѣ, спрашиваетъ и споритъ со мною; для того я и пришелъ, чтобъ служить вамъ словомъ своимъ. Если же кто не хочетъ вѣровать во Христа и креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, то не моя въ томъ воля, не моя и вина, и не мнѣ отвѣчать передъ Богомъ въ послѣдній день, когда придетъ опять Господь на землю судить всѣхъ людей, однихъ въ жизнь, а другихъ въ муку вѣчную».

И заговорили кругомъ Козары: «мы себѣ не враги», —и начали просить крещенія. И приказалъ каганъ, чтобъ никто въ его царствѣ не могъ изъ христіанской вѣры переходить въ жидовскую или магометанскую, ни въ прежнюю козарскую вѣру.

Больше году оставались Кириллъ и Меѳодій въ козарской землѣ: все крестили и учили народъ. И когда стали собираться на свою сторону, то каганъ позвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ: «Просите у меня, чего вы хотите; я для васъ ничего не пожалѣю». Они ему дали такой отвѣтъ: «Мы ничего твоего не хотимъ, а дай ты намъ всѣхъ, кто у тебя есть изъ нашей земли въ плѣну». Каганъ тогда велѣлъ по всему своему царству искать и собирать плѣнниковъ земли греческой, а самъ написалъ греческому царю:

«Благодарствуемъ вамъ, что вы къ намъ прислали такихъ умныхъ и святыхъ людей. Прежде мы ощупью ходили, какъ слѣпые, а теперь видимъ свѣтъ, потому что поняли настоящую вѣру». Эту грамоту онъ отдалъ Кириллу и Меѳодію, когда прощался съ ними, и плѣнниковъ всѣхъ сколько было, счетомъ двадцать человѣкъ, тоже съ ними отпустилъ. Много народу земли Козарской вышло провожать святыхъ проповѣдниковъ. Полюбили ихъ всѣ, и привыкли къ нимъ, и горевали, что не увидятъ ихъ больше никогда.

Степью пустою шли Кириллъ и Меѳодій и плѣнники съ ними. И сбились они съ дороги; воды у нихъ не хватило, а время было лѣтнее, жаркое, колодцевъ же на встрѣчу не попадалось. Истомились странники и затосковали, стали конца себѣ ожидать. Вдругъ увидали они: блеститъ на равнинѣ озеро. Всѣ къ нему кинулись, но вода въ озерѣ была соленая и нельзя было ее пить. Больше прежняго пріуныли странники; разбрелись по степи воды искать.

Кириллъ съ Меѳодіемъ одни остались на берегу; Кириллъ такъ ослабъ, что не могъ встать съ мѣста. И сказалъ онъ Меѳодію: «Братъ, зачерпни мнѣ воды;

когда Евреи шли съ Моисеемъ по песчаной степи, для нихъ по Божьему велѣнію горькая вода становилась сладкой; я вѣрую, что и намъ Богъ поможетъ». Меѳодій зачерпнулъ и подалъ брату, и когда Кириллъ началъ пить, то вся вода въ озерѣ вдругъ стала хорошая. Стали святые братья всю толпу собирать, и всѣ пили воду и славили Бога, что помиловалъ ихъ отъ напрасной смерти. И пошли дальше.

Когда пришли Кириллъ и Меѳодій въ Царьградъ, тамъ ихъ хотѣли сдѣлать епископами; они же по смиренію отреклись отъ этой чести. Тогда Меѳодій былъ поставленъ во игумена большаго и славнаго Полихроніева монастыря, а Кириллъ остался жить въ Царьградѣ при церкви Св. Апостоловъ.

Послѣ Славянъ приходили на Дунай съ востока опятъ новые люди, по имени Болгаре. Пришли они ордою, разорили городовъ нѣсколько и остались жить на Дунаѣ, стали брать дань съ семи славянскихъ волостей.

Былъ у Болгаръ свой князь, и обычаи свои были особенные, говорили они также по своему. Такъ и жили: то воевали съ Греками и другими народами, то мирились.

Земля, гдѣ они размѣстились, стала называться Болгаріей. На этой землѣ было больше Славянъ, чѣмъ Болгаръ; Болгаре были всѣ воины, только одно ремесло знали—хорошо ковали оружіе. А Славяне были ко всякому дѣлу способны: у Грековъ научились хитрости и сами были умнѣе, чѣмъ Болгаре. Многимъ разнымъ мастерствамъ навыкли Болгаре отъ Славянъ; и такъ какъ часто съ ними водились, то и рѣчь славянскую стали понимать; и что дальше, то больше дружили со Славянами. Подъ конецъ уже стали языкъ свой болгарскій забывать и дѣтямъ имена давали славянскія.

Болгаре были сплошь невѣрные: они съ первой

родины своей принесли съ собою идоловъ; еще и огню покланялись Болгаре и звѣрямъ разнымъ приносили жертвы, даже нечистымъ псамъ.

По многихъ лѣтахъ довелось владѣть Болгаріей такому князю, что любилъ воевать и на войнѣ всегда побѣждалъ. Имя этому князю было Крумъ.

Онъ позвалъ изъ-за Дуная Обровъ, собралъ подвластныхъ себѣ Славянъ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ болгарскимъ своимъ войскомъ повелъ на Царьградъ. Сколько ни сражались Греки противъ Крума, не одолѣли его ни разу. Онъ бралъ ихъ крѣпкіе города и уводилъ въ неволю несчетныя толпы людей, все больше Славянъ; а изъ нихъ уже многіе были христіанской вѣры.

Послѣ смерти Крума вся удача Болгаръ кончилась: стали Греки ихъ побѣждать.

Была большая рать, и попалась Грекамъ въ плѣнъ маленькая болгарская княжна, князя Крума внучка. Греческій царь взялъ ее въ Царьградъ, приказалъ окрестить и воспитывать по-христіански.

А и въ Болгарію уже стало проникать христіанскаго Бога почитаніе. Плѣнники, что были туда отведены при Крумѣ, на чужбинѣ, въ тяжкой работѣ, не забывали Христа, молились Ему: и все равно какъ свѣча отъ свѣчи зажигается, такъ отъ этихъ людей научились Болгаре правой вѣрѣ. Довѣдался про то болгарскій князь и повелѣлъ христіанъ всѣхъ избивать. Страшное началося гоненіе.

Царь греческій услыхалъ и пожалѣлъ своихъ подданныхъ: послалъ денегъ Болгарамъ, чтобъ они возвратили плѣнныхъ. И множество народу переправилось на другой берегъ Дуная, опять въ землю греческую. Вернулся вмѣстѣ съ другими одинъ юноша—славянинъ: звали его Василіемъ, а прозванье ему было Македонянинъ, потому что онъ былъ изъ македонской земли родомъ. Долгое время спустя его принялъ къ себѣ на службу царь Михаилъ. И былъ Василій у него пер-

вымъ бояриномъ, а когда Михаилъ умеръ, то Василій сталъ царемъ.

Однакоже не всѣхъ сразу отпустили Болгаре. Былъ ими плѣненъ греческій монахъ, Ѳеодоръ Куфара. На родинѣ этотъ инокъ славился благочестіемъ и книжною ученостью. Всѣ объ немъ тамъ сожалѣли, но не судилъ еще Богъ ему вернуться.

Вскорѣ началъ княжить надъ Болгарами Крумовъ внукъ Борисъ. Онъ тоже любилъ войну, желалъ, чтобы его царство было сильно и грозно сосѣдямъ. А въ мирное время онъ заботился о народѣ: справедливый былъ князь.

Задумалъ Борисъ на Грековъ идти; въ ту пору греческимъ царствомъ управляла благочестивая царица Ѳеодора, мать царя Михаила. Она послала сказать болгарскому князю: «Не велика честь воевать съ женщиной; если ты меня и побѣдишь, то не будетъ тебѣ славы, а мнѣ стыда». И пропала у Бориса охота ополчаться на царицу: заключилъ онъ съ нею миръ.

Тогда царица снова послала къ Борису просить его, чтобъ онъ отпустилъ ей Ѳеодора Куфару, взялъ бы за него какой хочетъ выкупъ. Говорили, будто ей во снѣ бывали нѣсколько разъ видѣнія, чтобъ она этого монаха розыскала и освободила. Между тѣмъ Ѳеодоръ жилъ у князя болгарскаго въ его дворцѣ. Князь уважалъ его за мудрость и допускалъ къ своей бесѣдѣ. И отъ этихъ бесѣдъ сдѣлалась перемѣна съ Борисомъ.

Прежде онъ только то и зналъ о христіанской вѣрѣ, что говорили объ ней язычники; когда же Ѳеодоръ ему разсказалъ по истинѣ, что̀ есть Христово ученіе, то смягчилось сердце князя болгарскаго, укротился его нравъ, сталъ онъ почасту призывать къ себѣ Ѳеодора и по долгу его слушалъ. И когда царица за Ѳеодоромъ прислала, то Борису жаль было съ нимъ разстаться. Отписалъ Борисъ въ Царьградъ: «Я вамъ Ѳеодора не отдамъ ни за какую цѣну, а если вы хотите, то возвратите мнѣ вмѣсто него мою сестру, что

живетъ у васъ». Царица такъ и сдѣлала: съ богатымъ поѣздомъ отправила княжну болгарскую къ Борису; и онъ одинаково исполнилъ свое обѣщаніе, далъ волю Θеодору.

Пріѣхала княжна болгарская на родину; братъ встрѣтилъ ее ласково, всѣмъ приказалъ ее почитать, и самъ для нея старался, чтобъ ей было хорошо; только она все скучала. Прожила она въ Царьградѣ тридцать восемь лѣтъ: благочестивая царица Θеодора ее при себѣ держала какъ родную; и навыкла княжна болгарская христіанскому благочестію; грамоту греческую тоже знала, книги читала; тихая была, кроткая, точно монахиня. И вдругъ попала въ такую дикую сторону: церквей нѣтъ, службы Божіей слышать не приходится, и Таинъ Святыхъ причаститься нельзя; вездѣ въ городѣ разставлены идолы, объ истинномъ Богѣ и поговорить не съ кѣмъ; кто вѣруетъ, скрывается отъ всѣхъ, не то невѣрные узнаютъ и убьютъ. Хуже всего было то для княжны, что братъ ея, князь Борисъ, также былъ невѣрный. Хотя она и видѣла, что онъ живетъ по правдѣ и къ народу милостивъ, а все ей думалось, что не спасется онъ, потому что некрещенный. Стала она одинокая молить Бога, чтобъ ниспослалъ Онъ просвѣтлѣніе въ разумъ князю и всѣмъ людямъ болгарскимъ. Часто Борисъ, когда приходилъ къ сестрѣ, заставалъ ее на молитвѣ, и тогда она ему начинала говорить о томъ же, о чемъ ему прежде толковалъ инокъ Θеодоръ, о христіанскомъ Богѣ—Спасителѣ.

Нравились князю эти рѣчи, видѣлъ онъ своей сестры смиреніе и кротость и думалъ иногда: «хорошъ обычай христіанскій!» Разъ промолвила княжна: «Пора тебѣ, братъ, окреститься и народъ привести ко Христу». Князь на нее за это прогнѣвался,—говоритъ ей: «Я не оставлю вѣры отеческой; мы съ этою вѣрою завоевали себѣ здѣшнюю землю и сдѣлались сильны; если мы измѣнимъ нашимъ богамъ, то и они отъ насъ отступятъ, и мы потеряемъ всю нашу силу». Княжна ничего не сказала больше.

Мало времени скороталось, и дошла къ Борису вѣсть что иноземный князь идетъ на него войною. Не успѣлъ Борисъ войска собрать, какъ уже враги напали: города и села пожгли, сады порубили, хлѣбъ на корню протоптали конями. Насталъ голодъ въ землѣ болгарской и отъ голоду пошелъ моръ на людей. Столько умирало народу, что Болгаре думали—всѣмъ придется погибнуть и страхъ былъ на всѣхъ. Кланялись Болгаре своимъ идоламъ, жертву за жертвой приносили, а моръ не прекращался.

И снова сказала Борису сестра: «Гдѣ же ваши боги? это нашъ христіанскій Богъ посылаетъ тебѣ знаменіе; неужели ты еще не вѣруешь?» И не разгнѣвался за эти слова князь, но раздумалъ самъ съ собою: «можетъ быть и правду сестра говоритъ».

Когда же наступило время ему идти съ народомъ на идольское сборище, то стало у него на сердцѣ тяжело, какъ будто онъ чего нибудь стыдился. И не могъ онъ какъ прежде молиться истуканамъ, не вѣрилъ въ нихъ больше. А передаться христіанскому Богу не доставало у князя смѣлости. И оставался онъ при сомнѣніи, какъ странникъ между двухъ дорогъ, и сокрушался о томъ, что̀ будетъ съ нимъ и съ его государствомъ. Скоро послѣ того греческій царь Михаилъ отправилъ нѣсколько полковъ воевать болгарскую землю. Князь болгарскій не вышелъ съ войскомъ на встрѣчу, а послалъ сказать царю, что не будетъ съ христіанскимъ народомъ сражаться, потому что самъ сталъ вѣровать во Христа и желаетъ принять крещеніе. Тогда изъ Царьграда пріѣхалъ епископъ со священниками; они окрестили князя и всю его семью, а послѣ еще многихъ Болгаръ и Славянъ. Царь греческій былъ у Бориса крестнымъ отцемъ. Оттого Борису дали имя Михаилъ.

Славяне моравскіе и Чехи платили дань Обрамъ. Обры ихъ притѣсняли: сами Обры ничего не работали, все брали у Славянъ, иногда и послѣднее отнимали, да

еще позоръ Славянамъ творили, женщинъ славянскихъ въ телѣги запрягали вмѣсто лошадей. Все такъ было, пока не явился къ этимъ Славянамъ человѣкъ по имени Са́мо: онъ раньше былъ княземъ у другихъ Славянъ, Нѣмцы отняли у него княжество, и онъ пріѣхалъ въ Чехію. Сперва Са́мо назвался купцомъ, набралъ разнаго товару и сталъ ѣздить по селеніямъ, вездѣ разговаривалъ съ народомъ: «Довольно Славяне мучились, пора отдохнуть, пожить на волѣ; мы оттого терпимъ, что всѣ другъ отъ друга врозь тянемъ, а если соединимся, то никакой врагъ противъ насъ не устоитъ». И когда увидѣлъ Са́мо, что къ нему люди попривыкли, то сказалъ, кто онъ есть, и тогда Мораване и Чехи выбрали его себѣ въ князья. Онъ повелъ ихъ на Обровъ и побѣдилъ Обровъ: загналъ всѣхъ въ Паннонію, а Моравія и Чехія освободились.

Прошелъ объ этомъ слухъ, и другія нѣкоторыя славянскія колѣна тоже подчинились Са́мо. Разрослась широко его держава.

Кругомъ Славянъ жили Нѣмцы: они испугались, что Славяне становятся крѣпки. Король нѣмецкій всѣхъ своихъ подданныхъ поголовно, старыхъ и молодыхъ, призвалъ къ оружію; собралъ три войска, и вошли эти войска съ трехъ сторонъ въ славянскую землю. Са́мо ихъ всѣхъ разгромилъ; мало Нѣмцевъ вернулось къ своимъ семьямъ. Послѣ того Са́мо княжилъ тридцать пять лѣтъ. Все время, что онъ жилъ, Нѣмцы не могли покорить Славянъ. Умеръ Са́мо и державу его раздѣлили сыновьямъ: у нихъ пошли раздоры, завелась въ государствѣ безурядица. Нѣмцы этой поры не пропустили, стали нападать на славянское племя. Большія были войны. Сосѣднія Нѣмцамъ окраины земли славянской обезлюдѣли совсѣмъ. Встрѣчались тамъ разрушенныя строенья, обломки всюду какіе-то, а народу ни кого не было. Звѣри дикіе бродили стадами, и страшно было ѣздить по дорогамъ. Кончилось тѣмъ, что Нѣмцы одолѣли Славянъ, заставили ихъ приносить подать въ ближній нѣмецкій городъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Са́мо сокрушилъ силу Обровъ они уже не поправились, но иногда выходили изъ Паннонiи и дѣлали набѣги на нѣмецкую землю. Однажды императоръ германскiй, Карлъ Великiй, противъ нихъ собрался, и тогда насталъ Обрамъ конецъ. Перебили ихъ Нѣмцы, а Паннонiю такъ разорили, что нельзя было опознать мѣста, гдѣ стоялъ главный городъ Обровъ и дворецъ ихъ князя. Все, что было въ Паннонiи цѣннаго, Нѣмцы вывезли съ собой и покинули землю пустую. Въ нее стали приходить Славяне изъ моравiи, и снова сдѣлалось въ Паннонiи людно: завиднѣлись деревни, повеселѣли мѣста.

Тогда Нѣмцы стали говорить: «Эта земля наша, мы ее оружiемъ добыли; пусть не забываютъ Славяне, что на чужой землѣ живутъ». Принялись Нѣмцы строить города въ Паннонiи и монастыри съ высокими каменными оградами; въ городахъ ставили войско. На каждый монастырь императоръ германскiй отдѣлилъ довольно земли, остальную землю раздарилъ своимъ нѣмецкимъ князьямъ: на все это прислалъ грамоты, а по грамотамъ вышло, что Славяне паннонскiе вмѣстѣ съ землею были отданы во владѣнiе князей и монастырей; должны были по-неволѣ работать и платить оброкъ.

Надъ Нѣмцами былъ церковнымъ владыкой римскiй папа. Отъ него у нихъ были священники: сначала все изъ Рима прiѣзжали; послѣ папа далъ Нѣмцамъ епископовъ, и они посвящали священниковъ изъ Нѣмцевъ. Но и эти священники читали Слово Божiе и служили обѣдню по латыни, это значитъ по римски. Такъ уже изстари было положено во всей области римскаго патрiарха.

Когда Нѣмцы покорили себѣ Славянъ моравскихъ, а паннонскихъ Славянъ сдѣлали своими рабами; то начали съ тѣхъ и съ другихъ, кромѣ подати, брать еще на церковь.

На Моравѣ прежде были проповѣдники изъ Царьграда и съ запада и крестили, но мало считалось хри-

стіанъ. Все равно, какъ утренняя заря на небѣ тонкою полоской начинается,—едва засвѣтилась христіанская вѣра въ задунайскихъ сторонахъ. И вдругъ сразу пріѣхали нѣмецкіе священники, стали всѣхъ подрядъ крестить и переписывать по приходамъ, чтобъ деньги сбирать. Молились Богу эти священники по латыни, а съ народомъ говорили по нѣмецки: и никому не удавалось отъ нихъ чего нибудь взять въ толкъ. Были ихъ рѣчи, какъ вѣтра гулъ или воды плесканье, только шумъ напрасный. Не знали иные Славяне во что ихъ крестятъ, многихъ крестили насильно: и было это крещеніе не спасеніе людямъ, а поруганіе имени Христова. Спорили другъ съ другомъ изъ за приходовъ нѣмецкіе священники, всякій себѣ хотѣлъ больше народу оттягать.

Въ Моравіи оставались свои князья. Они между собою не ладили, непрестанно разбирали ссоры у нѣмецкаго короля и тѣмъ еще больше власти его поддавались. Былъ одинъ князь Моймиръ. Онъ любилъ свой народъ и все славянство. Горько ему было видѣть, какъ Нѣмцы всюду возвышаются, а Славяне сами себя губятъ. Бороться же съ Нѣмцами одинъ онъ не могъ, а другіе не хотѣли. Но Моймиръ былъ мудрый: онъ началъ моравскую землю собирать, мелкихъ князей удѣлы прилагать къ своей землѣ; тѣхъ князей, что не хотѣли предъ нимъ склониться, онъ сгонялъ долой съ княженій. Народъ всегда стоялъ за Моймира: знали его, что онъ князь хорошій, добра ищетъ для родины. Нѣмцамъ показывалъ Моймиръ, будто крѣпко съ ними дружитъ: принялъ крещеніе по ихъ латинскому обряду, все для того, чтобъ они его землю оставляли въ покоѣ, чтобъ ему не разоряться до времени.

Близко Моймирова удѣла было другое, тоже большое, княжество Нитранское. Такъ его называли потому, что въ немъ былъ главный городъ Нитра. Въ Нитрѣ княжилъ Прибина. Моймиръ и его прогналъ. Прибина ушелъ къ Нѣмцамъ и жилъ у нихъ нѣсколько лѣтъ. Нѣмецкій король его полюбилъ и послалъ намѣстникомъ

въ Паннонію управлять тамъ Славянами. Прибина посл этого угождалъ Нѣмцамъ, и они вѣрили ему, думал что онъ вѣкъ имъ не измѣнитъ; подарили ему Панноні Сталъ надъ паннонскими Славянами свой князь, и об легчилось ихъ житье. Было въ Панноніи озеро большо широкое какъ болото, и называлось оно Блатенско озеро: на немъ Прибина поставилъ себѣ город далъ ему названіе Блатно.

Замѣтили Нѣмцы, какъ растетъ княжество Моймір и догадались, что онъ хотя съ ними не воюетъ, а первый имъ врагъ. Окружили они его столицу Велеградъ, и отобрали престолъ у князя Мойміра: сдѣлал княземъ другаго, по имени Ростислава. А Ростислав былъ такъ же, какъ Мойміръ, преданъ родной земл Когда онъ принялъ княжество, то увидѣлъ, что Моймір накопилъ много силы и казны, что скоро можно будет потягаться съ сосѣдями. Но первые годы Ростислав Нѣмцамъ не противился: каждое лѣто отправлялъ им посольство съ дарами. Между тѣмъ готовилъ свою землю къ защитѣ отъ непріятелей: выстроилъ городъ Девинъ, всѣмъ на удивленье, крѣпкій и прекрасный, и еще другіе города. И когда укрѣпился Ростиславъ, то объявилъ Нѣмцамъ войну: король Нѣмецкій привелъ войско въ Моравію, но не смогъ взять ни одного города и повернулъ назадъ со стыдомъ; Ростиславъ за нимъ погнался и почти всѣхъ воиновъ его истребилъ. Прославился князь Моравскій далеко по разнымъ землямъ. Нѣмцы начали его бояться; а для Славянъ онъ былъ, что родной отецъ, надежда и оборона.

Задумывалъ Ростиславъ большой походъ противъ нѣмецкаго короля; только все смущался князь, что нѣтъ у его народа пастырей добрыхъ, что Нѣмцы—враги даютъ Славянамъ Святыя Таинства. Самъ Ростиславъ уже крестился и былъ прилеженъ къ вѣрѣ. Размышлялъ онъ: «Пока у насъ такъ дѣло идетъ, не будетъ ни вѣры истинной, ни свободы настоящей; надо, чтобъ священники были свои, если же не свои, то не изъ вражьей

земли». Сталъ Ростиславъ съ другими славянскими князьями совѣтоваться, откуда призвать священниковъ: изъ Рима, или изъ Царьграда. И судили они: «Римскій папа съ Нѣмцами близокъ; нѣмецкіе священники его же поставленія, онъ ихъ и дастъ въ Моравію, а въ Царьградѣ нѣтъ пристрастія, да и Славянъ тамъ больше знаютъ,—кругомъ Царьграда есть славянскія селенія. Можетъ быть найдутся у Грековъ священники такіе, что умѣютъ говорить по славянски». И простыхъ людей моравскихъ опросилъ о томъ же князь Ростиславъ, когда сходился народъ на вѣче, чтобъ міромъ дѣла вершить. Всѣ одно говорили: «нѣтъ намъ блага отъ Нѣмцевъ и отъ ихъ друзей». Послалъ Ростиславъ въ Царьградъ.

Пришли послы моравскіе къ царю греческому, принесли поклонъ отъ своего князя и сказали:

«Народъ нашъ отъ язычества отрекся, держитъ вѣру христіанскую, да только нѣтъ у насъ учителя такого, чтобъ намъ эту вѣру на нашемъ языкѣ разъяснилъ. Пришлите намъ наставника: отъ васъ во всѣ страны добрый законъ исходитъ».

Царь Михаилъ выслушалъ просьбу моравскаго народа. Потомъ велѣлъ позвать Кирилла философа и сталъ ему говорить: «Я знаю, что отъ усердія твоего ко всѣмъ Божественнымъ дѣламъ ты сдѣлался нынѣ слабъ и боленъ, а все же придется тебѣ пойти въ Моравію, потому что этого дѣла никто кромѣ тебя не можетъ хорошо исполнить. Ты и брата своего Меѳодія возьми съ собой: онъ тебѣ поможетъ. Вы оба изъ Солуня, а солуняне всѣ чисто говорятъ по славянски». Кириллъ отвѣтилъ царю: «Хотя и боленъ, съ радостью иду; вы только скажите мнѣ напередъ, есть ли у моравскихъ людей своя грамота, чтобъ я могъ имъ книги написать». Царь на это сказалъ: «Я спрашивалъ,—говорятъ, что нѣтъ у Славянъ своихъ буквъ».

Кириллъ тогда промолвилъ; «Какъ же быть? учить безъ буквъ все равно что на водѣ писать, все и прой-

детъ, какъ вода, не утвердится въ людяхъ ученіе; еще и поймутъ люди не такъ, и никому не будетъ пользы; а мнѣ худая слава будетъ, еретикомъ назовутъ меня».

Царь подумалъ и сказалъ снова: «Если ты захочешь и попросишь у Бога, то Богъ тебѣ откроетъ славянскую грамоту. Велика милость Божія надъ тобой!». Вышелъ философъ изъ царскаго дворца невеселый, не могъ онъ у себя въ умѣ прибрать, гдѣ взять буквы для Славянъ. Грусть ему припала къ сердцу и забота, и страхъ на него нашелъ великій. Пошелъ Кириллъ и разсказалъ обо всемъ брату своему Меѳодію и ученикамъ нѣсколькимъ, самымъ близкимъ. Всѣ они вмѣстѣ стали молиться, просить у Бога помощи въ важномъ дѣлѣ. Послѣ Кириллъ началъ поститься: постился сорокъ дней. И когда миновалъ срокъ поста, то надумались Кириллу 38 славянскихъ буквъ: встали ясно у него передъ глазами, словно кто ихъ ему показалъ. Какъ писать славянскую рѣчь этими буквами, тоже пришло ему въ разумъ. И вся забота покинула Кирилла: Хорошо ему стало, какъ будто свѣтъ у него въ сердцѣ зажегся и все въ глазахъ кругомъ осіялъ. Сотворилъ философъ еще разъ долгую молитву и сѣлъ переводить Евангеліе съ греческаго языка на славянскій,—съ одного разу перевелъ первую главу отъ Іоанна: *Въ началѣ бѣ Слово.* Это Евангеліе читаютъ у насъ на обѣднѣ въ первый день Пасхи.

И понесъ Кириллъ рукописаніе свое къ царю и къ патріарху: всѣ похвалили новую грамоту. Патріархъ благословилъ Кирилла работать дальше. Меѳодій тоже понялъ славянскую грамоту и пособлялъ брату. И скоро были готовы—переписаны по славянски Евангеліе, Апостолъ, и Псалтирь, также церковныя службы, обѣдня съ часами, служба утренняя, и вечерняя, и всѣ требы.

Тогда Царь собралъ въ путь Кирилла и Меѳодія и учениковъ ихъ: Далъ имъ разной церковной утвари, одежды и денегъ на первое время. Еще далъ имъ не-

сти къ Ростиславу дары и письмо, а въ письмѣ написалъ:

«Богъ нашъ христіанскій сотворилъ у насъ въ Царьградѣ чудо, явилъ буквы въ вашъ языкъ. Пока вы жили во идолопоклонствѣ, у васъ не было своей грамоты, но едва лишь вы увѣровали, Богъ причитаетъ васъ къ великимъ народамъ, даетъ вамъ разумѣніе книжное. Примите отъ насъ то, что дороже золота и цвѣтныхъ камней, книги новыя вашей грамоты. Съ ними я вамъ шлю въ наставники мудреца, того самаго, кому открылись буквы. Соблюдай, князь Ростиславъ, истинную вѣру въ мѣстахъ тебѣ подвластныхъ, и наградитъ тебя Богъ въ Своемъ небесномъ царствѣ, а на землѣ будетъ имени твоему до вѣку слава, какъ идетъ слава царю Константину, что устроилъ вѣру въ римскомъ государствѣ».

Когда Кириллъ и Меѳодій пришли въ Моравію, Ростиславъ имъ очень былъ радъ, началъ строить церкви. Черезъ годъ уже была кончена первая церковь въ городѣ Оломуцѣ, потомъ еще нѣсколько церквей появилось въ Моравіи. Кириллъ освящалъ эти церкви и служилъ въ нихъ по славянски.

Когда пошли слухи по землѣ моравской, что въ новыхъ церквахъ читаютъ Евангеліе и молитвы такъ, что все понять можно, то Мораване бросили латинскія церкви: латинскихъ священниковъ не стали въ дома пускать и сборъ церковный перестали имъ платить. Всѣ начали ходить къ Кириллу: всегда полна была народу та церковь, гдѣ онъ служилъ.

Начали Кириллъ и Меѳодій набирать себѣ учениковъ изъ Мораванъ, толковали имъ по книгамъ Священное Писаніе и показывали церковную службу, чтобъ могли эти ученики послѣ быть священниками. Князья и бояре моравскіе съ радостью отдавали своихъ сыновей въ эту науку. Малыхъ дѣтей тоже брали Кириллъ и Меѳодій, учили ихъ новой славянской грамотѣ.

Еще ходили Кириллъ и Меѳодій по городамъ и деревнямъ, вездѣ носили съ собою Евангеліе и читали народу и наставляли всѣхъ, какъ слѣдуетъ жить и въ Бога вѣровать. Послѣ нихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они учили, поставлены были каменные кресты; до сихъ поръ эти кресты можно видѣть; покривились они и обвѣтрились, а всё стоятъ. Въ одной деревнѣ подлѣ дороги былъ большой камень: пришли Кириллъ съ Меѳодіемъ въ эту деревню; собралась толпа народу; святые братья встали на камень и оттуда сверху стали читать Слово Божіе. Когда они сошли опять на землю, то остались на камнѣ слѣды ногъ ихъ ясно отпечатаны, все равно какъ бы въ мягкомъ пескѣ. Славяне моравскіе долго сберегали этотъ камень, хранили его въ древней церкви подъ алтаремъ. Говорятъ, еще недавно этотъ камень видѣли, а теперь его нѣтъ и никто не знаетъ, куда онъ пропалъ.

Много трудовъ приняли святые братья въ Моравіи, потому что прежде люди моравскіе Бога не знали и жили худо, а латинскіе священники ихъ ничему не учили, только деньги получали: кто больше дастъ, отпускали тому всякій грѣхъ латинскіе священники. Вѣнчали они отъ живыхъ женъ; и если кто богатый убьетъ человѣка, они тоже за это не полагали кары, говорили только: «пусть, кто убилъ, три мѣсяца ѣстъ и пьетъ изъ деревянной чашки, къ стеклянной посудѣ не прикасается и будетъ отъ грѣха чистъ». А Кириллъ и Меѳодій ничего такого не допускали: гдѣ видѣли грѣхъ, тотчасъ принимались его исправлять. Уговорами пространными, притчами и чтеніями изъ книгъ, словами Самаго Христа наказывали они людямъ, чтобъ оставили грѣшить. И всѣ слушали святыхъ и дѣлали, какъ они говорили, потому что сами Кириллъ и Меѳодій жили праведно: для всѣхъ старались, а денегъ ни съ кого не брали, думали только о Божіемъ дѣлѣ, себя самихъ вовсе не жалѣли, не давали себѣ отдыху, ни покою.

Заходили Кириллъ съ Меѳодіемъ въ такія глухія мѣста, гдѣ никакихъ священниковъ никогда не было,

Тамъ люди даже не слыхали о христіанской вѣрѣ, идоламъ еще молились. Кириллъ и Меѳодій тѣхъ идоловъ сокрушали, царство истиннаго Бога возвѣщали, читали Евангеліе; и такъ какъ оно было по славянски, то всѣ его понимали, и вѣровали, и крестились.

Пошла въ Моравіи хорошая жизнь. Радовался Богъ —глядѣлъ съ небесъ на эту землю. А діаволъ мучился злобою, что люди спасаются. Была ему скорбь—Кирилла и Меѳодія святость безпорочная; лютѣе геенскаго огня жгла его ненависть къ нимъ. И началъ онъ домогаться угодниковъ Божіихъ погубить и книги славянскія истребить, чтобъ не осталось въ народѣ Кирилла и Меѳодія памяти и чтобъ заглохло все ихъ ученіе. Все равно какъ рыбакъ по водѣ распускаетъ сѣти, пустилъ врагъ свою прелесть по моравскому государству: разжегъ зависть въ сердцахъ у нѣмецкихъ священниковъ, мысли имъ досадою, какъ ядомъ змѣинымъ, отравилъ. И начали они какъ змѣи шипѣть, другъ съ другомъ сговариваться, какое бы имъ зло учинить Кириллу и Меѳодію, чтобъ ихъ изъ Моравіи избыть и опять все сдѣлать по старому.

Стали нѣмецкіе священники святымъ братьямъ творить обиды и притѣсненія: запрещали Кириллу служить по славянски. «Молиться нужно или поримски, или по гречески, не то по еврейски, потому что когда Христосъ былъ распятъ на крестѣ, то у него надъ головою Пилатъ велѣлъ повѣсить доску съ надписью на трехъ языкахъ, на еврейскомъ, на греческомъ и на латинскомъ; и этимъ, значитъ, Пилатъ показалъ и утвердилъ навсегда, какіе народы любезнѣе всѣхъ Богу». Такъ нѣмецкіе священники толковали, а Кириллъ имъ по книгамъ выводилъ, что всѣ народы и всѣ языки имѣютъ къ Богу доступъ въ молитвѣ. И много было у Кирилла по этой причинѣ споровъ.

Стали еще нѣмецкіе священники писать римскому папѣ жалобы, что «пришли къ намъ изъ Царьграда какіе то проповѣдники, обѣдни служатъ въ нашихъ при-

ходахъ и церкви святятъ—насъ не спрашиваютъ, ве народъ противъ насъ настраиваютъ. Прежде мы люд моравскихъ держали въ страхѣ и отъ нихъ имѣли у ходъ и честь, а нынѣ тѣ моравскіе люди знать насъ хотятъ: встрѣчается славянинъ съ кѣмъ нибудь изъ на и не кланяется—мимо идетъ. Всей власти мы лишил и денегъ у насъ нѣтъ».

Дошли къ папѣ Николаю челобитья и нѣмецки священниковъ на Кирилла и Меѳодія, дошла къ нему и молва о святости ихъ. И не зналъ папа римскій, ч думать о греческихъ проповѣдникахъ: захотѣлъ онъ их видѣть и вызвалъ ихъ къ себѣ изъ Моравіи.

Кириллъ и Меѳодій взяли книги славянскія, взя мощи святаго Климента, учениковъ нѣсколькихъ, пошли.

Была имъ по дорогѣ Паннонія: въ ней княземъ был Коцелъ, сынъ Прибины. Онъ ихъ позвалъ къ себѣ в Блатно, и они тамъ у него долго прогостили, окрести многихъ. Со всей Панноніи сходился народъ слуша святыхъ братьевъ. И ученики новые вкругъ нихъ собрались: пятьдесятъ Славянъ паннонскихъ научили грамотѣ и церковной службѣ Кириллъ и Меѳодій, пока ли въ Блатнѣ. При прощаніи Коцелъ ихъ награждал дарами, но они не приняли даровъ и такъ же, какъ в козарской землѣ, просили князя освободить невольниковъ что на войнѣ были взяты и что отъ бѣдности попал въ кабалу. И по тому святыхъ угодниковъ прошені отпустилъ Коцелъ на волю девятьсотъ рабовъ.

За Панноніей Кириллъ и Меѳодій миновали береговыя славянскія земли: Хорватскую землю, и Далмацію и землю Сербовъ приморскихъ; вездѣ учили и кресті ли народъ.

Пришли въ городъ Венецію. Тамъ, какъ на сокола вороны, напали на Кирилла латинскіе священники, стали его обвинять неправильно и грамоту славянскую стали хулить. Говорили они: «Что ты обѣдню служишь не какъ

всѣ, а по новому, какъ простые люди говорятъ? развѣ не знаешь ты, что славить Бога можно лишь на трехъ языкахъ: на еврейскомъ, на греческомъ и на латинскомъ? И откуда ты взялъ свои буквы: про нихъ ни у апостоловъ, ни у святыхъ отцевъ не сказано?»

Кириллъ отвѣчалъ: «Солнце надъ всѣми свѣтитъ, и дождь всюду идетъ, и вся тварь дышетъ одинаковымъ воздухомъ. Такъ и Слово Божіе, сказалъ: для всѣхъ оно дано, и всѣмъ должно быть открыто. Вы говорите, будто есть три языка для церковной службы; а мы знаемъ, что многіе народы, сирскій народъ, и армянскій, и египетскій, и другіе разные служатъ Богу каждый на своемъ языкѣ. Никто этихъ народовъ за это только еретиками не считаетъ, и великіе у нихъ намъ извѣстны подвижники, святые передъ Богомъ. А про буквы я скажу вамъ: мнѣ ихъ Богъ явилъ. Развѣ Богъ не воленъ въ своихъ дѣлахъ? вы Богу грубите вашею молвью, что не всякому языку свои буквы. Если, по вашему, Богъ не можетъ каждому народу даровать отдѣльную грамоту, значитъ, Богъ не все можетъ, не надъ всѣмъ властенъ; а не хочетъ если, то Богъ у насъ несправедливый, не всѣхъ равно любитъ. И какъ же это у трехъ языковъ будутъ книги, а прочіе всѣ люди на землѣ останутся въ незнаніи и въ неученіи, словно въ ночи темной: будутъ, какъ убогіе, слѣпые или глухіе, и пойдутъ, все равно что отъ стола чужаго питаться, у иноземцевъ мудрости искать.

Впрочемъ чтобъ не думали вы, что слова мои отъ меня самого и поэтому ересь, то вотъ вамъ книги. Давидъ поетъ въ Псалмахъ: *Хвалите Господа вси языцы, похвалите его вси людіе* (Псаломъ 116, 1). Христосъ говоритъ въ Евангеліи: *Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѳ. гл. 28, 19). И еще сказано, это уже объ васъ: *Горе вамъ книжницы и фарисее лицемѣри, яко затворяете царствіе небесное предъ человѣки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити* (Мѳ. гл. 23, 13)».

Такъ и не осилили Кирилла въ спорѣ латинскіе священники; онъ же ихъ пристыдилъ.

Изъ Венеціи Кириллъ и Меѳодій двинулись прямо въ Римъ, а въ то время умеръ папа Николай и вмѣсто него былъ въ папы выбранъ Адріанъ II-й.

Услыхалъ новый папа, что Кириллъ и Меѳодій идутъ близко и мощи Климента святаго несутъ; и вышелъ на встрѣчу Адріанъ со всѣмъ клиромъ и со всѣмъ народомъ. У всѣхъ въ рукахъ были зажженныя свѣчи; священники пѣли молитвы.

Адріанъ благословилъ Кирилла и Меѳодія и принялъ отъ нихъ въ даръ Климентовы мощи; тутъ же отъ этихъ мощей начались чудеса. Одинъ былъ въ Римѣ разслабленный съ дѣтства: онъ прикоснулся къ мощамъ и выздоровѣлъ. Книги славянскія тоже принялъ папа Адріанъ, отнесъ ихъ въ церковь Пресвятой Богородицы и самъ святилъ ихъ. На завтра перенесъ Адріанъ книги въ самую большую римскую церковь, въ соборъ святаго Петра, сложилъ ихъ тамъ на престолѣ и приказалъ Кириллу отслужить по нимъ славянскую литургію. Затѣмъ опять въ другой церкви служилъ Кириллъ: каждый день гдѣ нибудь въ Римѣ шла обѣдня по славянски.

Но и въ Римѣ нѣкоторые не почитали славянской службы, толковали, что лишь на трехъ языкахъ молитва угодна Богу. Тѣхъ папа Адріанъ проклялъ, назвалъ тріязычниками, пилатниками, потому что ихъ ученіе было не отъ Христа, а отъ невѣрнаго Пилата. И посвятилъ папа Меѳодія во священники.

Два епископа римскихъ обидѣли Кирилла: подняли голосъ противъ его книгъ. Папа пригрозилъ этимъ епископамъ своимъ проклятьемъ; тогда они принесли повинную. Адріанъ ихъ простилъ и велѣлъ имъ посвящать учениковъ Кирилла и Меѳодія, трехъ во священники, а двухъ во діаконы.

Римскіе люди толпами окружали Кирилла, спрашивали у него про все прежнее, что съ нимъ бывало,

какъ онъ училъ народъ въ Моравіи и въ другихъ мѣстахъ: какъ мощи святаго Климента изъ моря доставалъ. Иные по-два, по-три раза приходили къ философу: не могли вдосталь наслушаться его рѣчей. Навѣдался одинъ жидовинъ разумный и книжный: сначала онъ гордо заспорилъ, что нѣтъ Христа. Но какъ сталъ говорить Кириллъ, какъ раскрылъ свою мудрость; то смирился этотъ жидовинъ и обратился въ христіанскую вѣру. И радость была о томъ Кириллу.

Кириллъ все прежде былъ хворый: въ Моравіи ходилъ черезъ силу, въ Римѣ совсѣмъ разболѣлся. И послалъ ему Богъ откровеніе, что смерть его настаетъ. Тогда Кириллъ облекся въ свою самую хорошую, праздничную одежду и сказалъ: «теперь я ни царю, ни кому на землѣ не слуга, Одному Богу». На другой день Кириллъ постригся въ монашество. При постриженіи онъ и принялъ имя Кирилла, а прежде его имя было Константинъ; Кирилломъ же онъ потому назвался, что такъ ему Богъ велѣлъ, когда явился ему въ откровеніи. Послѣ того Кириллъ пролежалъ больной 50 дней; все молился Богу со слезами, чтобъ не оставилъ Богъ славянскія земли, не попустилъ бы стереться въ нихъ правой, христіанской вѣрѣ.

И когда началъ умирать Кириллъ, то позвалъ Меѳодія и сказалъ ему: «Трудились мы съ тобою, какъ пара воловъ подъ ярмомъ, и вотъ я падаю середи поля на бороздѣ. Я знаю, братъ, что ты любишь свою тихую гору, монастырь свой; но прошу тебя, не оставляй земель славянскихъ, этимъ ты вѣрнѣе спасешь душу». Еще съ учениками простился Кириллъ: въ послѣдній разъ наставилъ ихъ о вѣрѣ, поцѣловалъ каждаго изъ нихъ, благословилъ и сталъ объ нихъ обо всѣхъ молиться Богу. Потомъ затихъ. И вдругъ опять поднялъ голову и промолвилъ: *Благословенъ Богъ нашъ, иже не дастъ насъ въ ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, но сѣть ихъ сокрушися и избави ны отъ истлѣнія ихъ.* Съ этимъ словомъ представился Кириллъ февраля 14-го

дня 869 года. Всей жизни Кирилла философа было 4[illegible] года.

Пришелъ Меѳодій къ папѣ Адріану, плачетъ—говоритъ: «Братъ мой умеръ; позволь мнѣ, отче, взять его тѣло. Когда наша мать насъ отпускала, то заповѣдала намъ: если одинъ умретъ, долженъ другой везти его на родину хоронить». Папа далъ свое согласіе и самъ приказалъ сдѣлать для Кирилла гробъ крѣпкій, чтобы годился въ дорогу. Вдругъ пришли къ папѣ римскіе епископы и сказали ему: «Мы Кириллова тѣла не отпустимъ. Богъ намъ этого праведника привелъ и отъ насъ его взялъ; пусть его прахъ съ нашими угодниками почіетъ». Адріанъ отвѣтилъ на это епископамъ: «Если вы такъ уважаете Кирилла, то я, ради его святости, преступлю римскіе обычаи, погребу его въ храмѣ святаго Петра, гдѣ патріарховъ лишь римскихъ погребаютъ».

Когда объ этомъ рѣшеніи узналъ Меѳодій, то онъ пришелъ на совѣтъ папы и епископовъ и сказалъ имъ: «Вы моей слезной жалобы не послушали, волю родительскую не допустили меня исполнить». Послѣ опять сталъ просить: «Не хороните моего брата у св. Петра, похороните его у св Климента, гдѣ Климентовы мощи лежатъ. Явились ему эти мощи изъ морской глубины, и въ странствіяхъ онъ съ ними не разставался, пусть и успокоится подлѣ нихъ». Въ этотъ разъ епископы Меѳодію не прекословили: погребли Кирилла въ церкви св. Климента. Отпѣвалъ его папа римскій Адріанъ со всѣми священниками и черноризцами, какіе были въ Римѣ.

Латинскіе епископы хотѣли посмотрѣть Кирилла въ гробу, какъ онъ лежитъ, но имъ гробъ не открылся: сколько ни трудились, не могли поднять крышки; такъ и опустили въ землю.

Прославилъ Богъ Кирилла: всѣ больные исцѣлялись отъ его гроба. Другіе не могли придти въ церковь, но поминали въ молитвѣ имя Кирилла, и это было имъ на пользу. Римскіе люди на стѣнѣ церковной надъ гроб-

ницею Кирилла написали его ликъ, и зажгли этому образу неугасимыя лампады.

Послѣ Кириллова преставленія Меѳодій еще съ полгода жилъ въ Римѣ.

Потомъ пришли послы отъ князя Коцела къ римскому папѣ просить его, чтобъ онъ отпустилъ имъ въ Паннонію Меѳодія. «Не вамъ однимъ, всѣмъ славянскимъ землямъ я отдаю Меѳодія», сказалъ Адріанъ; и написалъ князьямъ славянскимъ, Ростиславу и Коцелу, грамоту, что благословляетъ Меѳодія, и проповѣдь его, и книги его благословляетъ, и что всякій, кто будетъ обижать Меѳодія и хулить его ученіе, долженъ быть проклятъ. Съ этой грамотой приказалъ папа Меѳодію и ученикамъ его идти къ Славянамъ. Меѳодій простился съ братнею могилой и пошелъ прочь изъ Рима: пришелъ прямо въ Паннонію. Коцелъ обрадовался, что увидѣлъ его, но опечалился, когда узналъ, что Меѳодій пришелъ простымъ священникомъ.

И скоро опять Коцелъ послалъ въ Римъ Меѳодія съ двадцатью учениками изъ тѣхъ, что Кириллъ и Меѳодій вмѣстѣ наставляли, когда проходили черезъ Паннонію въ первый разъ. Просилъ паннонскій князь патріарха римскаго посвятить Меѳодія въ епископскій санъ, учениковъ же его во священники. Адріанъ побоялся не исполнить воли Коцела, потому что въ то время Ростиславъ моравскій побѣдилъ большое нѣмецкое войско и Славяне повсюду взяли верхъ надъ Нѣмцами. И поставилъ Адріанъ Меѳодія во епископы Моравіи и Панноніи, а учениковъ его, что съ нимъ вмѣстѣ пришли, сдѣлалъ священниками.

Вернулся Меѳодій въ Паннонію и самъ уже началъ посвящать учениковъ своихъ во священники и въ діаконы. Во всѣхъ концахъ земли паннонской начали слышать люди славянскія обѣдни; а латинскихъ священниковъ такъ же, какъ прежде въ Моравіи, никто не хотѣлъ; дѣлать имъ стало нечего, кормиться тоже нечѣмъ.

Епископъ нѣмецкій, что давно жилъ въ Паннонiи, еще у князя Прибины,—тотъ епископъ уѣхалъ съ досады въ нѣмецкую землю и сталъ тамъ худое говорить про Меѳодія и просить отъ него защиты. Другіе епископы нѣмецкіе за своего товарища очень оскорбились: рѣшили непремѣнно повредить Меѳодію.

Едва прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ скончался Кириллъ, и опять случилось у Моравань большое горе. У Ростислава былъ племянникъ Святополкъ. Ростиславъ ему далъ въ удѣлъ городъ Нитру, что отнята была у Прибины. Когда Кириллъ и Меѳодій были въ Римѣ, Ростиславъ бился противъ Нѣмцевъ и Святополкъ ходилъ съ нимъ вмѣстѣ. И не только свои моравскіе Славяне и Чехи собрались вокругъ моравскихъ князей, но и дальнія славянскія колѣна, что жили у холоднаго Варяжскаго моря, также прислали въ помощь дружины. И побѣдили Славяне Нѣмцевъ, укротили ихъ такъ, что Нѣмцы сами первые запросили мира. Князь Ростиславъ съ ними помирился.

Увидѣли Нѣмцы, что сила славянская крѣпче ихъ силы и разсудили, что нужно взяться за хитрость, иначе не будетъ имъ отъ Славянъ спасенья. У нѣмецкаго короля былъ сынъ Карломанъ. Онъ былъ въ дружбѣ со Святополкомъ, и началъ Карломанъ подсылать въ Нитру къ Святополку льстивыя письма о томъ, чтобъ онъ Ростислава извелъ и самъ сталъ на его мѣсто. Писалъ Карломанъ: «Ты, князь, будешь господиномъ надъ всей Моравіей, а мы тебѣ будемъ всегда вѣрные друзья и помощники». Святополкъ на эти уговоры прельстился и выдалъ Нѣмцамъ своего дядю, благовѣрнаго князя Ростислава. Едва лишь Нѣмцы князя Ростислава захватили, то со всею скоростью повезли его въ свои нѣмецкіе города; тамъ они его ослѣпили, а затѣмъ заключили его въ дальній монастырь, въ тѣсную келью. Въ заключеніи скоро кончилась жизнь Ростислава. Вся Моравія по немъ плакала. А Святополка за его злое дѣло сами люди моравскіе взяли подъ стражу, перевезли его

через нѣмецкую границу и отдали Нѣмцамъ; Нѣмцы доставили его къ Карломану. И тогда королевичъ показалъ Святополку свою дружбу: засадилъ его въ крѣпкую тюрьму, а самъ вошелъ съ войскомъ въ Моравію, что была, какъ сирота, безъ защиты, безъ князя.

И побрали Нѣмцы города славянскіе: все, что встрѣчалось на пути нѣмецкимъ воинамъ, они опустошали, церкви новыя зажигали, народъ убивали тысячами.

Стали жить въ Велеградѣ два нѣмецкіе намѣстника и стали судъ надъ людьми творить не по древнимъ славянскимъ обычаямъ, а по нѣмецкимъ законамъ, никому невѣдомымъ и непривычнымъ.

Какъ избавились Нѣмцы отъ Ростислава, что былъ другомъ Меѳодію, то принялись Меѳодія губить. Съѣхались нѣмецкіе епископы въ Паннонію будто на совѣтъ, позвали Меѳодія. Онъ къ нимъ не захотѣлъ идти, тогда одинъ епископъ нѣмецкій пошелъ въ домъ къ Меѳодію и сталъ его звать съизнова: «приходи, у насъ соборъ, о важныхъ дѣлахъ разсуждаемъ». Меѳодій отвѣтилъ словами изъ псалма Давидова: *не сяду въ совѣтъ злыхъ и со злодѣями не пребуду*. Епископъ нѣмецкій закричалъ: «иди, говорю тебѣ добромъ, не то—бить тебя стану». Меѳодій отвѣтилъ: «Какъ ты можешь мнѣ такія слова говорить, я такой же епископъ, какъ ты». «А вотъ какъ», закричалъ опять Нѣмецъ: схватилъ Меѳодія за руки и поволокъ вонъ изъ дому. Нѣмецъ былъ высокій, здоровый, а Меѳодій былъ слабъ тѣломъ и кротокъ душею, и не могъ отъ него отбиться. Думалъ Меѳодій: «звѣрь обороняется, когда его берутъ, людямъ же Христосъ сказалъ: *не противитися злу: но аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мѳ. гл. 5, 39).

Явились на соборъ оба епископа и стали всѣ Нѣмцы Меѳодія упрекать: «зачѣмъ ты служишь въ нашей области?» Меѳодій отвѣчалъ: «Эта область не ваша; меня въ ней поставилъ епископомъ папа римскій; берегитесь о каменную гору головами биться, горы не

сломаете, а головы свои потеряете». Нѣмцы на Меѳодія крикнули: «берегись ты противъ насъ идти». Меѳодій обвелъ глазами кругомъ себя, потомъ взглянулъ на небо, и свѣтелъ сдѣлался его ликъ,—сказалъ Меѳодій: «Я васъ не боюсь, я правду вамъ сказалъ, я и царямъ всегда правду говорилъ, и не мнѣ первому, не мнѣ и послѣднему приходится страдать правды ради. Дѣлайте со мною что хотите: не лучше я тѣхъ многихъ, что мучены были и смерть принимали за единую правую вѣру».

Тогда нѣмецкіе епископы стали кричать еще громче, такъ что нельзя было понять, кто что говоритъ; потомъ всѣ встали съ мѣстъ своихъ и обступили Меѳодія. Меѳодій началъ просить старшаго изъ епископовъ, Ганнона: «Пустите меня въ Римъ, пусть папа Адріанъ меня осудитъ, если я въ чемъ провинился; онъ меня поставилъ и кромѣ его никто не можетъ меня моего мѣста лишить». Ганнонъ отвѣтилъ ему: «нѣтъ, не пустимъ тебя», и приказалъ другимъ Нѣмцамъ связать Меѳодія.

И заковали Нѣмцы Меѳодія въ цѣпи, и завезли его въ нѣмецкую землю,—заперли въ темницу. Тамъ всячески надъ нимъ издѣвались, злобу свою діавольскую показывали: ѣсть не давали они святому по нѣскольку дней; когда зима была, они его босаго съ непокрытою головою выводили на тюремный дворъ, ставили на снѣгу и заставляли его такъ стоять на одномъ мѣстѣ сутки, а то и больше. Батогами тоже били Меѳодія Нѣмцы: они хотѣли, чтобы онъ умеръ въ тюрьмѣ, какъ Ростиславъ; но Богъ сохранялъ и укрѣплялъ Меѳодія. Ученики Меѳодіевы часто его навѣщали: пробирались они тайкомъ въ городъ, гдѣ Меѳодій томился въ неволѣ, давали денегъ сторожамъ темничнымъ, и тѣ ихъ пускали на малое время поговорить съ наставникомъ; многіе изъ учениковъ ходили нарочно въ Римъ и разсказывали папѣ, что дѣлаютъ Нѣмцы съ ихъ епископомъ. Меѳодій самъ посылалъ нѣсколько разъ письма къ папѣ, жаловался на свою судьбу тяжелую, просилъ защиты. Адрі-

ана папы не было уже тогда на свѣтѣ, а новый папа Іоаннъ VIII-й никакого отзыва на всѣ эти вѣсти не давалъ, какъ будто ихъ не получалъ.

Между тѣмъ въ Моравіи счастье опять перекинулось на славянскую сторону. Одинъ священникъ изъ учениковъ Меѳодія, по имени Славоміръ, началъ народъ уговаривать, чтобъ не гнули шей подъ ярмо — не отдавались Нѣмцамъ, а постояли бы за свою землю. Славоміръ былъ княжескаго роду, сродни въ Бозѣ почившему Ростиславу. Мораване поставили Славоміра надъ собою начальникомъ: собрались къ нему ратные люди и пошли съ нимъ избивать враговъ. Скоро добыли Славяне Велеградъ, намѣстниковъ нѣмецкихъ прогнали.

Ужаснулись Нѣмцы. Начали совѣтоваться нѣмецкіе князья, какъ со Славянами справиться. И обдумали они: «Отпустимъ мы Святополка и дадимъ ему вести наше войско; онъ воевода славный, противъ него врядъ-ли кто въ полѣ удержится; и въ Моравіи онъ свой, знаетъ всѣ дороги». И сдѣлали Нѣмцы, какъ сказали Святополку, чтобъ онъ шелъ противъ своихъ: они обѣщали, что отдадутъ ему княжество Моравское, если онъ его усмиритъ.

Святополкъ дошелъ съ Нѣмцами до Велеграда и осадилъ его: размѣстилъ нѣмецкихъ воиновъ станомъ вкругъ города. Но едва лишь вошелъ Святополкъ въ славянскую землю, стало ему на совѣсти тяжело: все ему слышалось, что на ухо ему кто-то шепчетъ: «Ты — измѣнникъ, родины своей разоритель». И думалъ постоянно Святополкъ: «Къ чему я это все дѣлаю; лучше мнѣ было, покуда я съ Нѣмцами не спознавался, и вѣрно лучше будетъ мнѣ, если я съ ними разстанусь, — не ждать мнѣ отъ нихъ добра». Вспоминалося все Святополку, какъ его Нѣмцы обошли, подъ замкомъ его держали, а сами черезъ него дѣла свои поправляли: и зло противъ Нѣмцевъ кипѣло у него въ сердцѣ. Когда подходило нѣмецкое войско къ Велеграду, солнце садилось: и увидѣлъ Святополкъ издали стѣны и башни городскія

и кресты золотые,—и такъ ему сдѣлалось скучно, что не могъ онъ дольше вытерпѣть. Подождалъ, пока стало темно и все нѣмецкое войско уснуло, и пошелъ въ Велеградъ. Постучалъ Святополкъ у воротъ, заговорилъ по славянски,—ему отворили. Онъ сказалъ, что пришелъ къ Славоміру посломъ,—его провели. Славоміру Святополкъ открылся и обѣщалъ, что отдастъ нѣмецкое войско Славянамъ въ руки. Славоміръ сдѣлалъ тревогу, собрался народъ на площади. Запалили костры, чтобъ свѣтло было. Пришли Святополкъ со Славоміромъ вдвоемъ: и Святополкъ при всѣхъ покаялся въ своемъ прежнемъ злодѣйствѣ и поклялся людямъ моравскимъ, что всегда имъ будетъ вѣренъ. Они ему зла не попомнили: назвали его своимъ княземъ и тоже присягнули ему на вѣрность. Тогда Святополкъ велѣлъ отворить ворота и всѣмъ воинамъ велеградскимъ велѣлъ, чтобъ шли за нимъ вслѣдъ,—сказалъ идти строго, не брякать оружіемъ. Ночь была черная и до зари еще долго было. И привелъ Святополкъ Славянъ близко къ нѣмецкому стану; сторожа окликнули раза два, Святополкъ имъ отвѣтилъ; они узнали его голосъ, больше не спрашивали, думали, что онъ какія нибудь нѣмецкія войска съ мѣста—на мѣсто передвигаетъ.

И велѣлъ Святополкъ Славянамъ сразу напасть на враговъ. Нѣмцы сонные были, съ испугу не знали что дѣлать; стали звать своего начальника, да не было его. Тогда они совсѣмъ растерялись: одни побросали мечи и побѣжали, а дороги не помнили и прямо попадались къ Славянамъ; другіе въ темнотѣ, вмѣсто непріятелей, своихъ рубили; немногіе спаслися и ушли черезъ гору въ лѣсъ. Когда разсвѣло и стало видно, то по всему полю, до самаго города, густо лежали немецкія тѣла, словно въ годъ урожайный хлѣба снопы.

И все равно какъ вѣтры приносятъ ненастныя тучи съ громомъ и съ дождемъ, такъ слухи объ этой битвѣ нанесли печали въ нѣмецкую землю. Въ рѣдкомъ домѣ не было плача по убитомъ; латинскіе священники съ

утра до ночи во всѣхъ церквахъ служили паннихиды, заунывно звенѣли колокола. Не долго передъ этимъ Нѣмцы веселились, что побѣждали Славянъ, кровь славянскую проливали; и вотъ веселіе перемѣнилось въ горесть.

Провѣдалъ папа Іоаннъ о томъ, что дѣлается въ Моравіи, и догадался, что настало время князя моравскаго: ему, значитъ, слѣдуетъ угождать. И отправилъ Іоаннъ двѣ грамоты: одну епископамъ нѣмецкимъ, а другую нѣмецкому королю. Епископамъ написалъ папа, чтобъ они Меѳодія освободили безъ всякой задержки, и почитали бы его по сану его; а королю писалъ Іоаннъ, чтобъ король епископовъ приглядывалъ, не дозволялъ имъ неправдъ надъ Меѳодіемъ творить.

Послѣ велеградской битвы стало моравское государство такъ сильно, какъ никогда не бывало. Святополкъ женился на сестрѣ чешскаго князя Боривоя, и Чехи обѣщали вмѣстѣ съ Моравами идти на брань противъ Нѣмцевъ. Сербы приморскіе тоже взялись за оружіе, начали жечь деревни на окраинахъ нѣмецкой земли. Король нѣмецкій собралъ свою послѣднюю казну, созвалъ ратныхъ людей, сколько могъ найти въ своемъ государствѣ; раздѣлилъ ихъ на два войска, одно послалъ на сѣверъ къ Славянамъ поморскимъ, загородить имъ путь, чтобъ не шли они къ Святополку на помощь; съ другимъ войскомъ пошелъ въ Моравію королевичъ Карломанъ.

На Поморьи пришлось Нѣмцамъ такъ худо, что они оттуда уходили въ разсыпную, поодиночкѣ.

Въ Моравіи Карломану тоже не было удачи. Святополкъ обошелъ все войско его кругомъ и отбилъ у Нѣмцевъ весь ихъ обозъ со съѣстными припасами. Пришлось Карломану либо голодомъ людей своихъ уморить, либо сдаться въ плѣнъ; а въ плѣну Святополкъ отплатилъ бы королевичу за его дружбу. Но узналъ король нѣмецкій, въ какой бѣдѣ его сынъ, и хватился его выручать: пріѣхалъ поспѣшно—не сражаться уже, а мира просить у князя Святополка. Пока князь и король пере-

говаривались о мирѣ, папа Іоаннъ узналъ снова, что Меѳодій все еще не на волѣ и что епископы нѣмецкіе требъ своихъ не исполняютъ, имени Христова не прославляютъ, живутъ богато и смѣются надъ римскимъ папою, что онъ имъ не указчикъ. Это Іоанну за обиду показалось, и послалъ онъ къ нѣмецкимъ епископамъ священника Павла Анконскаго съ письмомъ грознѣйшимъ, чѣмъ прежнее: повелѣвалъ папа епископамъ отпустить Меѳодія и самимъ явиться на судъ въ Римъ, а за то, что они перваго приказа его не исполнили, запрещалъ папа тѣмъ епископамъ на три года служить обѣдни. Этой грамоты не посмѣли епископы ослушаться, да и король нѣмецкій ихъ просилъ, чтобы они Славянъ не гнѣвили, а старались бы заслужить у князя Святополка, чтобъ онъ скорѣе даровалъ Нѣмцамъ миръ. И не хотѣли нѣмецкіе епископы, а вывели Меѳодія на вольный свѣтъ. Три года пространдалъ Меѳодій въ затворѣ. Богъ покаралъ епископовъ нѣмецкихъ: четверо изъ нихъ, самихъ злодѣйныхъ, скоро вдругъ одинъ за другимъ умерли.

Когда освободился Меѳодій изъ тюрьмы, то услыхалъ, что князь Коцелъ уже преставился и что Паннонію снова взяли Нѣмцы. И Меѳодій сталъ жить въ Моравіи у Святополка.

Когда была свадьба Святополка съ чешскою княжной, то у Святополка былъ пиръ. Оба князя, Святополкъ и Боривой, сидѣли рядомъ за столомъ: Святополкъ по правую руку, а Боривой по лѣвую. Начали бояре въ золотыхъ одеждахъ обносить гостей виномъ. Святополкъ первый взялъ чару и передъ тѣмъ, чтобы выпить, перекрестился. Всѣ Моравяне тоже исполнили. А Боривой и Чехи были некрещеные и прямо выпили. Другой разъ пошли бояре кругомъ стола, и опять также случилось. Послѣ третьей чары сталъ хмѣль разбирать князя Святополка, онъ сказалъ Боривою: «Не хочу съ тобой сидѣть, ты поганый; ѣшь, пьешь, не благословясь; вотъ

твое мѣсто». И столкнулъ Святополкъ шурина своего подъ столъ. Боривой сгоряча не очень обидѣлся. Но когда вернулся Боривой къ себѣ въ Чехію, то сталъ задумываться: не выходилъ у него изъ головы моравскаго князя пиръ. Уставитъ, бывало, князь чешскій очи въ полъ, нахмурится и думаетъ: «Осрамилъ меня Святополкъ, даромъ что породнился со мной. Развѣ хуже я его? И не въ первый разъ мы это слышимъ: «некрещеные язычники». Должно и вправду мы хуже, потому что въ насъ вѣры той нѣтъ, что въ нихъ есть. А и у нихъ прежде не было этой вѣры, такіе же—какъ мы—были некрещеные: и мы, значитъ, если, крестимся, такіе будемъ, какъ они; и не станутъ насъ погаными обзывать».

Про эти всѣ свои мысли разсказывалъ Боривой супругѣ своей Людмилѣ: онъ съ ней дружно жилъ. Она же послушаетъ его рѣчей, помолчитъ, вздохнетъ и послѣ скажетъ: «А хороша моравская вѣра! Какъ твою сестру вѣнчали, я диворалась: церковь золотомъ украшена, лицами разными росписана, точно живые люди со стѣнъ глядятъ. И пѣніе хорошо у нихъ, молитвы такія прекрасныя. Когда Евангеліе стали читать, тоже мнѣ понравилось. Все разсказано: какъ жить, что дѣлать; у насъ этого ни откуда не узнаешь, у насъ люди все творятъ на-угадъ, каждый по своему уму, а умъ не у всякаго къ правдѣ тянетъ. У насъ иной человѣкъ хочетъ быть добрымъ и не знаетъ, что благо, что зло». И говоритъ Боривой: «За то и величаются надъ нами Мораване, что у нихъ про всякій случай жизни есть писанный законъ; живи по писанію,—и тебѣ хорошо будетъ, и людямъ».

И опять скажетъ Людмила: «У христіанъ, я слыхала, послѣ смерти жизнь будетъ; у христіанскаго Бога на небесахъ есть другой міръ, много прекраснѣе здѣшняго». А Боривой отвѣтитъ: «Мораванамъ и здѣсь не худо. Такой славы, какъ нынѣ, не было у нихъ, пока не были они крещены. И еще что я думаю: прошлымъ

лѣтомъ были Мораване въ горькихъ бѣдахъ, чисто погибали; а теперь опять лучше, чѣмъ прежде, красуются. Это имъ, значитъ, Богъ ихъ помогаетъ». Такими словами Боривой и Людмила другъ друга утѣшали и вразумляли; наконецъ рѣшили между собою сдѣлаться христіанами.

И когда кончилась война съ Нѣмцами, то Боривой послалъ гонцовъ къ Святополку сказать, что князь чешскій желаетъ креститься, проситъ священниковъ. Святополкъ промолвилъ чешскимъ гонцамъ: «Спросите епископа Меѳодія; пусть онъ выберетъ двухъ или трехъ священниковъ и отошлетъ съ вами къ вашему князю». Меѳодій самъ пошелъ въ Чехію и окрестилъ Боривоя съ Людмилой и двухъ ихъ сыновей. Оставался Меѳодій въ Чехіи безъ малаго годъ и освятилъ двѣ первыя чешскія церкви, одну въ Литомышлѣ—городѣ, а другую въ Лѣвомъ Градцѣ. Затѣмъ оставилъ Меѳодій въ Чехіи нѣсколькихъ славянскихъ священниковъ и возвратился въ Моравію.

Боривой и Людмила были очень набожны и милостивы къ бѣднымъ. Меѳодій, когда жилъ у нихъ, много ихъ за это хвалилъ. Когда состарѣлся Боривой, то покинулъ свой престолъ, построилъ монастырь и сдѣлался въ немъ монахомъ; тамъ и преставился. Людмила тоже создала женскую обитель и постриглась; но Людмилѣ за ея добродѣтель Богъ даровалъ мученическій вѣнецъ. Въ Чехіи много было невѣрныхъ; они креститься не хотѣли и злобились на княгиню, зачѣмъ она церкви строитъ, добрыми дѣлами всѣмъ примѣръ подаетъ и чрезъ то народъ чешскій обращаетъ ко Христу.

И разъ невѣрные собрались ночью, напали на монастырь, гдѣ Людмила жила, и зарѣзали старую княгиню въ ея кельѣ. Боривой и Людмила теперь святые: передъ Богомъ стоятъ, молятся за людей.

Ученики Меѳодія ходили еще дальше Чехіи, на Вислу—рѣку, въ Польшу. Когда Святополкъ сталъ си-

ленъ, то и польскій король ему подчинился; и тогда Меѳодій посылалъ славянскихъ священниковъ въ Польшу; они окрестили короля и многихъ Поляковъ.

Латинскіе священники и въ Польшѣ и въ Чехіи тоже раньше были. Опять стало имъ досадно, что епископа моравскаго ученики нигдѣ покою имъ не даютъ, отовсюду ихъ выживаютъ. Но опять на Меѳодія напасть открыто силою Нѣмцамъ было страшно. Говорили они между собой: «Папа римскій постоитъ за Меѳодія, да и Святополкъ не дастъ обидѣть своего епископа; нужно сперва, чтобъ у Святополка къ Меѳодію сердце остыло, тогда онъ самъ выдастъ Меѳодія, а папа Іоаннъ не станетъ защищать того, кто въ опалѣ».

И начали нѣмецкіе священники стараться, чтобъ Меѳодія въ глазахъ Святополка хулою обнести. Это имъ далось безъ труда.

Святополкъ хотя былъ крещеный, но жилъ какъ нехристь: пьянствовалъ, держалъ по нѣскольку женъ заразъ, въ гнѣвѣ не могъ себя удерживать. Разсвирѣпѣетъ, какъ звѣрь, и начнетъ всѣхъ кругомъ бить, а то вдругъ велитъ безъ вины казнить человѣка. Чего только не дѣлалъ Меѳодій, чтобъ князя отъ пороковъ отучить! И въ церкви при всѣхъ укорялъ Меѳодій Святополка, и наединѣ толковалъ ему, какія муки бываютъ грѣшникамъ послѣ смерти и какъ будетъ худо тому, кто не покается—умретъ во грѣхахъ. Въ другое время Меѳодій со слезами упрашивалъ князя, чтобъ онъ свою плоть укрощалъ, подданныхъ своихъ ради,—говорилъ Меѳодій: «Твоя жизнь, князь, народу всему соблазнъ; увидишь, скоро Богъ за грѣхи твои прогнѣвается и на Моравію бѣдствія нашлетъ». Ничего не помогало это князю. Иногда онъ словно одумается, скажетъ: «виновенъ я передъ Богомъ и передъ народомъ моимъ, подождите, я перемѣнюсь»,—и недѣли двѣ живетъ князь тихо, а послѣ опять за старое принимается.

Стали нѣмецкіе священники пріѣзжать въ Велеградъ и такъ дѣлали, чтобъ князю попадаться на глаза. Узна-

вали они, когда собирается князь куда нибудь идти и ѣхать, и становились въ то время у дворцовой ограды. Князь выходилъ и спрашивалъ: «что за люди?» Они приближались, кланялись низко и приговаривали: «мы прибыли изъ дальнихъ мѣстъ ради того, чтобъ на тебя посмотрѣть; повсюду слышно, какой ты великій государь». Святополкъ ихъ лукавства не отгадывалъ и принималъ ихъ. Они его еще больше улещали, удивлялись всему, что у него видѣли,—говорили, что нигдѣ нѣтъ красоты такой, какъ при его дворѣ. И всѣ дѣла Святополка они хвалили: когда онъ пьянъ—напивался, они говорили, что вино даръ Божій, на потребу людямъ. Когда Святополкъ во гнѣвѣ кого нибудь убивалъ и послѣ жалѣлъ, нѣмецкіе священники утѣшали его: «Твой гнѣвъ праведенъ, говорили они; не ты виноватъ, что убилъ, а виноватъ убитый, зачѣмъ заслужилъ». Такія рѣчи пріятны были князю, и оставлялъ онъ у себя Нѣмцевъ на житье.

Когда ихъ собралось много, они стали передъ Святополкомъ осуждать Меѳодія, повторяли каждый день: «Къ чему ты, князь, этого старика слушаешь; ты видишь, онъ не похожъ на другихъ людей. Отъ тебя онъ довольно денегъ получаетъ, и прихожане ему приносятъ; хорошо могъ бы онъ жить, а онъ все нищимъ отдаетъ, самъ едва перебивается, почти что какъ нищій. Развѣ можно то исполнять, чего онъ отъ тебя требуетъ: онъ хочетъ, чтобъ люди жили по Писанію, а люди должны жить по природѣ своей. Мы въ черныхъ ризахъ ходимъ, да и то не по книгамъ живемъ. И какъ смѣетъ Меѳодій тебя упрекать въ чемъ нибудь? Ты, князь, владыка надъ своею землею: Меѳодій долженъ твоей волѣ повиноваться, а тебѣ даже не прилично ему уступать».

И не сталъ больше князь говорить съ Меѳодіемъ и звать его къ себѣ, пересталъ ходить въ церковь. У себя на дворѣ выстроилъ князь часовню, и тамъ нѣмецкіе священники служили для него латинскую обѣдню.

Въ ту пору въ западной церкви начала по людямъ расходиться новая ересь: еретики толковали, будто Святой Духъ исходитъ не отъ Бога Отца только, но отъ Бога Отца и отъ Сына Божія вмѣстѣ. Эта ересь сразу принялась у Нѣмцевъ, а въ Римѣ не всѣ папы уклонялись въ ложное мудрованіе: иные еще по старому вѣровали. Но вотъ услыхали нѣмецкіе священники, что и въ Римѣ уже многіе епископы начали учить, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына Божія. И еще тверже стали Нѣмцы при своей ереси, начали восьмой членъ Символа вѣры читать такъ: *И въ Духа Святаго Господа Животворящаго, иже отъ Отца и Сына исходящаго.* А Меѳодій читалъ Символъ вѣры по прежнему и училъ о Святомъ Духѣ какъ у апостоловъ заповѣдано и на вселенскихъ соборахъ постановлено. И спорили нѣмецкіе священники съ Меѳодіемъ и писали папѣ римскому: «Поставленный отъ тебя епископъ Меѳодій еретикъ; онъ Символъ вѣры не весь сполна читаетъ и Духа Святаго не такъ исповѣдуетъ, какъ всѣ прочіе священники у насъ въ нѣмецкой землѣ и у васъ въ Римѣ».

За малое время передъ этимъ Сарацины приплыли на корабляхъ къ берегамъ итальянской земли и разбойничали на морѣ, недалеко отъ Рима, разбивали торговыя суда. Папа Іоаннъ встревожился, онъ боялся, что невѣрные выйдутъ на берегъ и придутъ въ Римъ. Послалъ папа римскій къ французскому королю просить его, чтобъ онъ привелъ свои корабли, и разогналъ бы разбойниковъ. Французскій король не откликнулся на призывъ своего духовнаго отца. Тогда Іоаннъ самъ снарядилъ корабли военные, поверхъ епископскихъ ризъ надѣлъ стальныя латы и поѣхалъ по морю туда, гдѣ невѣрные стояли: затѣялъ съ ними бой и разогналъ ихъ. Іоаннъ вернулся въ Римъ гордый своей побѣдой. Вдругъ прибѣжали гонцы, оповѣстили, что наѣхало Сарацинъ еще больше. Папа Іоаннъ впалъ въ отчаянье, сталъ горевать: «не спастись городу Риму отъ варваровъ!»

Пришли въ Римъ нарочные съ письмами отъ нѣмецкихъ епископовъ и разсказали папѣ Іоанну, что Меѳодій у Святополка послѣдній человѣкъ, а самые близкіе князю друзья и совѣтники—Нѣмцы. Тогда Іоаннъ разсудилъ: «Чего мнѣ за Меѳодія заступаться, лучше Нѣмцевъ ублажать; можетъ быть, король нѣмецкій намъ помощь пришлетъ противъ Сарацинъ». Зналъ Іоаннъ, что для Нѣмцевъ дороже всего то, чтобъ не было у Славянъ своихъ книгъ, чтобъ служба церковная шла по латыни; тогда нѣмецкіе священники разошлись бы снова служить по всей Моравіи. И послалъ Іоаннъ въ Моравію священника Павла, того самаго, что раньше ходилъ: далъ ему грамоту къ Меѳодію. Этою грамотою запрещалась славянская служба: позволено было только проповѣди послѣ обѣдни говорить по славянски. Прочиталъ Меѳодій писаніе патріарха римскаго и закручинился, сказалъ самъ себѣ: «Пропали всѣ труды брата моего и мои. Что же будетъ теперь?—будутъ люди приходить въ церковь и стоять—ничего не понимать. И позабудутъ ученіе Христово, воскреснутъ въ Моравіи языческіе обычаи. Нѣтъ, я не стану служить по латыни, это будетъ людямъ вредъ, стало быть это грѣхъ, а я грѣха не возьму на свою душу. Пусть на меня гнѣвается Іоаннъ, онъ великъ и силенъ, а Богъ сильнѣе и больше папы римскаго. Богъ же на меня не прогнѣвается за славянскую службу. Я привыкъ все дѣлать для Бога, не для людей, и ничьей мнѣ милости не нужно, кромѣ Божіей. Если Богу я угоденъ, и не хочетъ Богъ моей погибели, то ни папа римскій, и никакая власть земная надо мной не можетъ сдѣлать зла».

И сталъ Меѳодій служить по славянски, какъ служилъ.

Начали Нѣмцы папѣ Іоанну доносить, что Меѳодій папскихъ повелѣній ослушникъ. Святополку тоже говорили нѣмецкіе священники: «Меѳодій и патріарха римскаго не почитаетъ, всё свою волю творитъ; посмотри на него, когда онъ изъ церкви выходитъ, какъ толпится

вкругъ него народъ. Явно мутитъ Меѳодій въ твоемъ государствѣ. Да и въ томъ, что онъ о Богѣ и о вѣрѣ говоритъ, нѣтъ истины: все ложь и ересь. Нельзя тебѣ, князь, такого епископа у себя держать». И повѣрилъ Святополкъ нѣмецкимъ священникамъ и послалъ одного изъ нихъ просить папу римскаго, чтобъ не былъ Меѳодій въ Моравіи.

Папа Іоаннъ въ то время собирался просить у нѣмецкаго короля защиты отъ Сарацинъ, и радъ былъ Іоаннъ, что вышелъ случай услужить Нѣмцамъ. Тотчасъ написалъ онъ двѣ грамоты и отправилъ ихъ съ тѣмъ же нѣмецкимъ священникомъ въ Моравію. Меѳодію писалъ Іоаннъ, чтобъ шелъ онъ въ Римъ на судъ, потому что со всѣхъ сторонъ есть жалобы, будто епископъ моравскій ересь какую то возвѣщаетъ. А князю моравскому писано было, чтобъ онъ вѣровалъ твердо и неуклонно, ереси бы никакой не поддавался, и что папа самъ будетъ судить Меѳодія и не дастъ ему поблажки, если онъ виновенъ. Отъ короля нѣмецкаго тоже не дождался папа римскій помощи.

Въ греческой землѣ царствовалъ Василій Македонянинъ. Онъ провѣдалъ какъ-то слухомъ, что патріархъ римскій въ большой тѣснотѣ, и явился царь греческій со многими кораблями къ итальянскому берегу и разгромилъ невѣрныхъ, всѣ ихъ суда пожегъ и потопилъ.

Іоаннъ принялся служить благодарственные молебны, —самъ думаетъ: «Царь греческій сила великая, вотъ съ кѣмъ нужно дружить». И въ это время пришелъ Меѳодій въ Римъ. Іоаннъ учредилъ надъ нимъ судъ. Пока тотъ судъ собирался, папа Іоаннъ размышлялъ: «Царь греческій будетъ недоволенъ, если мы обвинимъ Меѳодія за славянскую грамоту, да и мнѣ Меѳодія жалко; онъ человѣкъ разумный и справедливый, надо его оправдать. Но и оправдывать его не ловко: онъ учитъ по восточному, по гречески, что Духъ Святой исходитъ отъ Одного лишь Бога Отца; если я скажу, что правъ Меѳодій, то выйдетъ, что епископы всѣ мои

и я самъ, всѣ мы еретики, потому что по нашему Духъ Святой также и отъ Сына Божія исходитъ. Ну, да я знаю, что сдѣлаю».

Въ Римѣ Символъ вѣры читался еще безъ перемѣны. И сказалъ папа Іоаннъ Меѳодію на соборѣ епископовъ римскихъ: «прочти Вѣрую». Меѳодій прочиталъ, какъ и въ Римѣ читали. Іоаннъ сказалъ епископамъ своимъ: «Вы слышали,—онъ вѣруетъ, какъ мы; стало быть, все ученіе его правильно».

И поставилъ Іоаннъ Меѳодія архіепископомъ въ славянскихъ земляхъ и позволилъ ему служить по славянскимъ книгамъ. Но еще думалъ папа римскій: «Нельзя идти совсѣмъ противъ Нѣмцевъ; не помогли они въ этотъ разъ, а въ другой пригодятся; хотятъ Нѣмцы, чтобъ славянской грамоты не было, этого я для нихъ не сдѣлалъ; хотятъ они еще быть при дворѣ Святополка моравскаго,—пусть будутъ; нельзя чтобъ Славяне Нѣмцевъ или Нѣмцы Славянъ пересиливали; нужно, чтобъ Славяне съ Нѣмцами всегда въ спорѣ были; тогда и тѣ, и другіе, будутъ пріѣзжать ко мнѣ просить суда, и дары привозить будутъ, и почитать меня будутъ, и бояться. Святополку не любъ Меѳодій, не хочетъ князь его близъ себя имѣть и Таинъ Святыхъ изъ рукъ его принимать. Пусть будутъ около князя священники, какихъ онъ любитъ». И написалъ Святополку Іоаннъ большую грамоту: сначала про Меѳодія—хвалилъ его папа римскій; потомъ писалъ, что дозволяетъ въ Моравіи славянскую службу; но въ концѣ прибавилъ Іоаннъ: «Если тебѣ, князь, славянская обѣдня не по сердцу, ты можешь слушать у себя во дворцѣ латинскую обѣдню отъ нѣмецкихъ священниковъ».

Въ нѣмецкой землѣ королемъ былъ Карломанъ. Отъ него пріѣхалъ къ папѣ Іоанну одинъ священникъ и жилъ въ Римѣ. Имя этому священнику было Викингъ; онъ служилъ Карломану, когда тотъ еще королевичемъ былъ, и былъ Карломану Викингъ во всѣхъ дѣлахъ помощникъ. Викингъ былъ человѣкъ злой и коварный,

Славянамъ всѣмъ врагъ лютый. Ему отрада была Славянъ мучить, даже къ смерти приводить. Онъ говорилъ: «Славянское племя все равно, что скотина; для того и живетъ на свѣтѣ, чтобъ на насъ, на Нѣмцевъ, работать. Для чего знать Славянамъ Священное Писаніе? Пророкъ Моисей запретилъ скотамъ безсловеснымъ ходить на Синайскую гору, такъ и мы не должны допускать Славянъ понимать Слово Божіе». Славяне Викинга называли сосудомъ діавольскимъ. И про Викинга думалъ Іоаннъ: «вотъ король нѣмецкій прислалъ уже на мѣсто Меѳодія своего человѣка; какъ его отъ насъ ни съ чѣмъ отпустить?»

Позвалъ Іоаннъ Меѳодія и сказалъ ему: «Теперь иди въ Моравію; враги твои тебѣ нестрашны, ты самъ ихъ выше, надъ тобою одинъ я; если будетъ у тебя какое сомнѣніе, или споръ съ кѣмъ нибудь, прямо пиши ко мнѣ, или самъ приходи. Неси къ Святополку мою грамоту. По этой грамотѣ узнаетъ князь, что книги твои уставамъ не противны, а житіе твое всѣмъ христіанамъ поученіе и примѣръ. Но тебѣ одному со всею Моравіей не справиться, я тебѣ дамъ въ помощники Викинга». И вышелъ изъ Рима Меѳодій съ Викингомъ вмѣстѣ.

Въ Моравіи люди встрѣчали Меѳодія съ радостью, кидались ему въ ноги, полы одежды его цѣловали: не чаяли они, что онъ къ нимъ вернется. Явились Меѳодій и Викингъ къ Святополку: Меѳодій отдалъ князью папскую грамоту и сталъ какъ всегда служить обѣдни и наставлять народъ.

Святополкъ успѣлъ еще крѣпче къ Нѣмцамъ пристать, пока Меѳодій былъ въ отлучкѣ. Карломанъ прислалъ сына своего Арнульфа правителемъ въ Паннонію. Сдѣлался Арнульфъ нѣмецкій Святополку сосѣдъ и Святополкъ, какъ прежде съ карломаномъ былъ друженъ, такъ же и съ сыномъ его сдружился. То и дѣло стали князь моравскій и князь нѣмецкій другъ къ другу въ гости ѣздить: Святополкъ у Арнульфа сына крестилъ, и названъ былъ этотъ мальчикъ Святополкомъ

въ честь крестнаго отца. И стало такъ въ Моравіи, что никакое дѣло безъ Нѣмцевъ не обходилось: куда пойдешь, вездѣ встрѣтишь Нѣмцевъ. Всѣ они веселы стали, что Викингъ будетъ епископомъ въ Моравіи, и условились промежъ себя, чтобъ всегда съ нимъ быть за одно.

Начали они толковать князю и моравскимъ людямъ: «Меѳодій не настоящую грамоту привезъ; у насъ есть другая грамота, и тамъ написано, что Меѳодія нужно изгнать и что архіепископомъ будетъ Викингъ. Тоже говорилъ и Викингъ. А для того, чтобъ люди имъ вѣрили, Нѣмцы сами написали грамоту, подписали ее подъ руку папы Іоанна и печать придѣлали такую, какъ изъ Рима присылаютъ. И начали Нѣмцы эту грамоту показывать и читать всѣмъ, и во дворцѣ боярамъ, и простому народу въ городѣ.

Опечалились Моравaне, что отнимутъ у нихъ Меѳодія. Меѳодій написалъ Іоанну: «Кого ты, отче, поставилъ архіепископомъ: меня или Викинга? И давалъ ли ты ему другое письмо, кромѣ того, что мнѣ далъ? за что я каждый день обиды горькія несу? заступись за меня, отче, какъ ты въ Римѣ обѣщалъ». И разсказалъ въ своемъ письмѣ Меѳодій, сколько разъ Викингъ его гнѣвилъ и слезилъ, съ тѣхъ поръ какъ помощникомъ его называется.

Черезъ нѣсколько времени принесли гонцы изъ Рима отвѣтъ на жалобу Меѳодія. Сказали въ Велеградѣ, что будутъ читать папы римскаго грамоту: сошлися люди на княжескій дворъ. Нѣмцы ходили взадъ и впередъ, смѣялись, говорили: «вотъ объявятъ вамъ сейчасъ, что вашъ Меѳодій лишенъ архіепископскаго сана». Славяне стояли небольшими кучками и молчали; многіе плакали. Вынесъ одинъ священникъ грамоту и прочелъ. Папа римскій утѣшалъ Меѳодія, писалъ: «Терпи, Богъ наградитъ терпѣніе твое». Звалъ Іоаннъ Меѳодія, чтобъ онъ пришелъ въ Римъ и Викинга привелъ на судъ; потомъ писалъ Іоаннъ, что онъ Викингу никакой гра-

моты не давалъ и что Меѳодій есть истинный и достойный архіепископъ всей Моравіи. И все равно, какъ если солнце взойдетъ, то расходится туманъ холодный съ полей и съ луговъ, тянется на болота, въ чащи глухія, сырыя; такъ послѣ этой грамоты разошлися Нѣмцы со стыдомъ по своимъ домамъ.

Меѳодій хотѣлъ сходить въ Римъ, да раздумалъ: «Къ чему я пойду? папа Іоаннъ пишетъ, что жалѣетъ меня, но это на словахъ только; я ему не нуженъ, онъ изъ-за меня не поссорится съ королемъ нѣмецкимъ, не уберетъ Викинга изъ Моравіи. Можетъ быть прикажетъ Іоаннъ Викингу повиниться передъ мною, а кому отъ этого будетъ польза? Викингъ не исправится, еще за посрамленіе свое месть мнѣ обдумаетъ. Доженъ я быть доволенъ, что грамотою меня оправдали, а пойду,—лишь время потрачу. Я старъ, не долго мнѣ осталось съ Моравaнами быть, и недавно я разлучался съ ними». Не пошелъ больше Меѳодій въ Римъ.

Увидѣлъ Викингъ, что хитрость его ни къ чему была, и придумалъ другую уловку. Согласился опять съ другими нѣмецкими священниками, и стали они всѣмъ разсказывать, что греческій царь на Меѳодія гнѣвается и что еслибъ онъ показался въ Царьградѣ, то его осудили бы на смерть за ересь; потому только и живъ Меѳодій, говорили они, что царь его изъ Моравіи достать не можетъ.

Богъ опять смиловался надъ Меѳодіемъ: оправдалъ его, а клеветниковъ постыдилъ. Вложилъ Богъ въ сердце греческому царю желаніе благое повидаться съ Меѳодіемъ. И написалъ Меѳодію царь: «Приди къ намъ, честный отче, чтобъ мы тебя увидали и благословенія твоего сподобились, пока ты еще съ нами живешь на землѣ». Меѳодій не замедлилъ, отправился въ Царьградъ; и ученики Меѳодія нѣкоторые, что съ нимъ вмѣстѣ пришли изъ греческой земли, тоже пошли за нимъ, чтобъ на родинѣ своей побывать.

Царь и патріархъ приняли Меѳодія съ великою честью, какъ подобаетъ принимать апостола Божія. Спрашивали они его, какъ онъ живетъ въ Моравіи; и когда онъ имъ разсказывалъ свои печали, они удивлялись его терпѣнію и святости, просили они его, чтобъ онъ въ Царьградѣ оставилъ одинъ списокъ славянскихъ книгъ и двухъ учениковъ своихъ, одного священника и одного діакона.

Когда Меѳодій захотѣлъ вернуться къ своимъ духовнымъ дѣтямъ въ Моравію, то царь велѣлъ отправить ему въ слѣдъ подводы съ разными богатыми дарами.

Меѳодій былъ кротокъ со всѣми и милостивъ во всѣмъ, но и у него силъ не стало терпѣть Викинга окаянство. Какъ вернулся Меѳодій изъ Царьграда, то произнесъ въ церкви анаѳему на Викинга: запретилъ ему служить обѣдни. Викингъ пошелъ жаловаться къ Святополку и такъ съумѣлъ подольститься къ нему, что князь снова сталъ гнѣваться на Меѳодія. Тогда всѣ другіе нѣмецкіе священники, княжіе любимцы, стали громко шумѣть. Они думали: пусть князь осердится на Меѳодія до того, что убить его прикажетъ. Говорили князю Нѣмцы: «Меѳодій за то Викинга обижаетъ, что ты его любишь, и что онъ тебѣ вѣрный человѣкъ; мы, князь, тоже тебѣ вѣрны и Меѳодій насъ не терпитъ, все бранитъ насъ при народѣ. Онъ притворяется только, что тебя уважаетъ; въ мысляхъ онъ другое держитъ. Король нѣмецкій сколько лѣтъ Викингу во всѣхъ дѣлахъ довѣрялъ! Другъ твой, князь Арнульфъ, не разъ говорилъ: я за Викинга ручаюсь, не выдастъ онъ. Развѣ будетъ князь Арнульфъ хвалить худаго человѣка? Этотъ самый Меѳодій князя Арнульфа нечестно хулитъ; и тебя, князь, хулитъ, зачѣмъ ты съ Арнульфомъ хлѣбъ-соль водишь. Мы всѣ утѣшаемся, смотримъ, что два такіе мудрые и славные государя въ дружбѣ живутъ, Меѳодій одинъ косится, какъ волкъ неприрученный».

Святополкъ выслушалъ совѣтниковъ своихъ и сказалъ: «Правда ваша, нужно Меѳодія изъ Моравіи из-

гнать. Покажу я надъ нимъ свою власть». И уже хотѣлъ дать князь о Меѳодіи приказаніе, но Богъ не попустилъ грѣха такого. Вдругъ вышла у Святополка ссора съ Арнульфомъ: объявилъ князь моравскій нѣмецкому князю войну и велѣлъ гнать изъ государства своего не Меѳодія и славянскихъ священниковъ, а всѣхъ заѣзжихъ Нѣмцевъ.

Собралъ Святополкъ силу и захотѣлъ ее посмотрѣть, велика ли она? Онъ всталъ на пригорокъ и сказалъ, чтобъ войско мимо его проходило. И стоялъ князь весь день, а низомъ передъ нимъ безпрерывно, какъ волны по рѣкѣ, двигались и двигались люди; едва къ вечеру миновали всѣ полки. Съ этою силою пошелъ Святополкъ въ Паннонію отбирать ее отъ Нѣмцевъ.

Меѳодій началъ жить спокойнѣе. Тогда онъ принялся переводить книги тѣ, что не успѣлъ перевести вмѣстѣ съ братомъ своимъ Кирилломъ. Перевелъ Меѳодій весь Ветхій Завѣтъ, кромѣ книгъ Маккавейскихъ; еще перевелъ правила святыхъ отецъ (по гречески Номоканонъ) и житія святыхъ (по гречески Патерикъ). Началъ Меѳодій въ мартѣ мѣсяцѣ, кончилъ осенью въ октябрѣ къ 26-му числу. А 26-го дня октября бываетъ праздникъ святаго Димитрія Солунскаго. Меѳодій этому святому всегда много молился. И въ этотъ разъ, когда кончилъ Меѳодій переводить книги, то подумалъ, что вѣрно ему святой его любимый помогалъ. И отслужилъ Меѳодій 26-го октября въ соборномъ храмѣ велеградскомъ обѣдню съ благодарственнымъ молебномъ и съ акаѳистомъ святому Димитрію Солунскому.

Зимою послѣ Рождества Меѳодій освящалъ новую церковь въ городѣ Бернѣ. Великимъ постомъ Меѳодій занемогъ и съ каждою недѣлею слабѣлъ. Всѣ стали видѣть, что скоро будетъ архіепископу конецъ. И спрашивали Меѳодія ученики и люди моравскіе: «На кого ты насъ оставляешь, кто будетъ насъ учить и вѣру у насъ блюсти». Меѳодій имъ отвѣчалъ: «Будетъ у васъ архіепископомъ ученикъ мой Гораздъ; на немъ благо-

словенiе мое, а вы его любите и почитайте, какъ вы меня любили и чтили. Гораздъ вашей земли человѣкъ, мораванинъ, вы его знаете, онъ и книгамъ хорошо наученъ и добрыми дѣлами Богу угоденъ. Онъ вамъ постоитъ за правую вѣру».

Въ Вербное воскресенье Меѳодій пришелъ въ церковь, но служить не могъ отъ слабости. Попросилъ Меѳодій, чтобъ ученики поддержали его подъ руки; всталъ передъ алтаремъ и вслухъ помолился за царя греческаго и за князя моравскаго, за учениковъ своихъ и за весь народъ. Потомъ сказалъ ученикамъ: «Дѣти, я черезъ три дня умру, не оставляйте меня до тѣхъ поръ!» И пошелъ Меѳодій вмѣстѣ съ учениками въ свой домъ. Во вторникъ на Страстной собрались къ Меѳодію священники со всего Велеграда, и многіе міряне, и не отходили отъ него во весь день, стояли вкругъ его постели. И когда закатывалось солнце, то Меѳодій повернулся лицомъ къ окну, взглянулъ на небо и сказалъ: «Господи! въ руки Твои предаю духъ мой». Вздохнулъ Меѳодій разъ и скончался тихо, словно уснулъ. Это было 6-го апрѣля 885-го года, ровно тысячу лѣтъ тому назадъ. Послѣ брата своего Кирилла Меѳодій прожилъ 16-ть лѣтъ.

Хоронили Меѳодія всѣ моравскіе священники, двѣсти человѣкъ, а народу шло за гробомъ такое множество, что и счесть нельзя было; словно морю безкрайнему—не видно было конца толпѣ людской. Всѣ тамъ были: богатые и бѣдные, знатные бояре, и вдовы и сироты, и нищіе бездомные. И плакали всѣ по Меѳодіи, какъ дѣти по отцѣ плачутъ. Всѣ знали, кого потеряли, какого наставника великаго, пастыря душамъ и заступника предъ Богомъ. Погребенъ былъ Меѳодій въ соборномъ храмѣ Пресвятой Богородицы въ стольномъ Велеградѣ.

Былъ Меѳодій, какъ Ангелъ Хранитель надъ моравскою землею; не стало его и все сомутилось. Еще

былъ живъ святитель моравскій, когда Святополкъ помирился съ Арнульфомъ, получилъ отъ него Паннонію. Послѣ мира опять стали Нѣмцы жить въ Моравіи. Они сначала возрадовались, что нѣтъ Меѳодія, говорили: «Теперь конецъ славянской службѣ въ церквахъ!» А потомъ увидѣли Нѣмцы, что Гораздъ лишь похоронилъ Меѳодія, то началъ по прежнему каждый день обѣдни служить и народъ учить совсѣмъ какъ Меѳодій. Остальные всѣ ученики Меѳодія одинаково, какъ при наставникѣ своемъ молитвой были заняты всегда и трудами праведными, такъ и безъ него тоже дѣлали, еще больше усердствовали, говорили: «Меѳодій теперь на насъ съ неба смотритъ и лучше чѣмъ прежде знаетъ, что есть въ сердцахъ нашихъ и въ мысляхъ». И снова начали Нѣмцы обсуждать: «Надо намъ скорѣе противъ Горазда что нибудь придумать, а то онъ утвердится на своемъ мѣстѣ, привыкнетъ къ нему народъ, и будетъ намъ Гораздъ тоже, что Меѳодій былъ; также изъ-за него горевать будемъ; да и другіе всѣ отъ епископа не отстаютъ—дружно работаютъ. А мы тоже другъ за друга постоимъ; и князь опять нашъ, въ немъ вся наша сила».

И собрались однажды нѣмецкіе священники, позвали на свое сборище священниковъ славянскихъ. Когда ученики Меѳодія пришли, то Нѣмцы съ ними стали спорить о Святомъ Духѣ, о томъ, что Духъ Святой исходитъ и отъ Бога Отца, и отъ Сына Божія. Народу моравскаго много стояло тутъ.

Славянскіе священники выслушали, что говорили ихъ недруги, а потомъ сами стали говорить, все по Писанію толковали, по Божіей мудрости, не по человѣческой. И черезъ эти рѣчи всѣмъ стало явно, что ученіе нѣмецкихъ священниковъ есть хула на Святаго Духа и что всякій, кто будетъ это ученіе людямъ вѣщать, погибнетъ на вѣки и царствія Божія не увидитъ, потому что Христосъ сказалъ: *Всякъ грѣхъ и хула отпустится человѣкомъ: а яже на Духа хула, не отпустится человѣкомъ* (Мѳ. гл. 12, 31)

И когда услыхали Нѣмцы, что вся неправда ихъ наружу вышла, то зажали они себѣ уши, затопали ногами и начали кричать, стали непристойно бранить усопшаго Меѳодія и всѣхъ его учениковъ. Тогда славянскіе священники ушли домой, а Нѣмцы пошли къ Святополку, говорили ему: «Ученики Меѳодія противъ тебя народъ бунтуютъ, ты вѣришь одинаково съ нами, что Духъ Святой и отъ Отца и отъ Сына исходитъ, они же учатъ народъ своей греческой вѣрѣ, что Духъ Святой исходитъ отъ Одного лишь Бога Отца; они хотятъ, чтобъ народъ былъ не одинаковой вѣры съ княземъ».

Святополкъ отправилъ славянскимъ священникамъ приказъ прислать во дворецъ двухъ выборныхъ, чтобъ могли говорить съ княземъ. Славяне выбрали епископа Горазда и Климента. Пришли Гораздъ и Климентъ; видятъ, сидитъ князь на престолѣ, а передъ нимъ стоятъ нѣмецкіе священники. Гораздъ и Климентъ поклонилися, тоже стали передъ княземъ. Святополкъ посмотрѣлъ на нихъ грозно и сказалъ: «Что у васъ все споры, нѣтъ покою изъ-за васъ въ моемъ государствѣ?» Гораздъ и Климентъ отвѣчали: «Мы раздѣляемся съ Нѣмцами не своихъ обидъ ради, а потому, что они Духу Святому не воздаютъ хвалы, какъ слѣдуетъ. Въ Псалмахъ Давидовыхъ сказано, что нужно ненавидѣть ненавидящихъ Господа. Пусть Нѣмцы отъ своей лжи отрекутся, и мы рады съ ними помиримся, братьями ихъ назовемъ».

Святополкъ раньше столковался съ Нѣмцами, онъ сказалъ: «Мнѣ все равно—о чемъ у васъ раздоръ идетъ; я человѣкъ неграмотный, книжныхъ всѣхъ хитростей не понимаю и не люблю. Вотъ вамъ мое рѣшеніе: кто первый здѣсь передъ мною поклянется, что вѣруетъ истинно, тотъ и правъ». Гораздъ и Климентъ промолвить ничего не успѣли, а уже всѣ сразу Нѣмцы подняли руки вверхъ и закричали: «клянемся, клянемся; наша вѣра истинная!» Святополкъ сказалъ Нѣмцамъ: «Теперь правда ваша, я отдаю Славянъ подъ вашу власть, усмиряйте ихъ какъ знаете».

Съ того дня пошло въ Моравіи гоненіе на славянскихъ священниковъ. Тѣхъ священниковъ и діаконовъ, какіе были помоложе, Нѣмцы продали Жидамъ въ работу, деньги большія выручили отъ этой продажи. А старѣйшихъ пять человѣкъ: Горазда и Климента, еще Лаврентія, Наума и Ангеларія,—тѣхъ Нѣмцы сперва мучили всячески, а послѣ заковали въ желѣза и посадили въ тюрьму, приставили къ нимъ сторожей немилостивыхъ, такихъ что никого не пускали въ темницу. И нельзя было набожнымъ душамъ утѣшать мучениковъ и помогать имъ. Были же они въ нуждѣ великой. Нѣмцы имъ въ пищу давали только хлѣбъ да воду. и то не по-многу.

Но Богъ не допустилъ долго страдать вѣры православной исповѣдникамъ. Они ради Духа Святаго терпѣли и Духъ Святой ради ихъ чудо сотворилъ. Одинъ разъ утромъ всѣ пятеро въ тюрьмѣ запѣли по славянски: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоломъ Твоимъ низпославый, Того, Благій, не отъими отъ насъ, но обнови насъ молящихтися.* И вдругъ затряслась земля, громъ и стукъ страшный послышался по всему Велеграду, дверь изъ темницы сама собою растворилась, цѣпи желѣзныя со святыхъ угодниковъ упали и разсыпались по полу мелкимъ пескомъ. Всѣ нѣмецкіе дома въ городѣ разрушились въ тотъ день. Мораване пришли толпою къ Святополку и просили его: «Освободи наставниковъ нашихъ! Богъ свою милость явилъ надъ ними; чудомъ Своимъ показалъ, что ихъ ученіе истинно; неужели мы противъ Бога пойдемъ?» Князь обѣщалъ Славянамъ, что прикажетъ ихъ священниковъ на волѣ оставить. Послѣ того пришли нѣмецкіе священники и опять опутали князя, говорили они: «Ученики Меѳодія злы, волшебники, они ворожили и сдѣлали трясеніе земли, чтобъ тебя, князь напугать и народъ смутить». Святополкъ повѣрилъ Нѣмцамъ и снова позволилъ имъ взять святыхъ страдальцевъ подъ стражу. Тогда Нѣмцы ихъ еще крѣпче заперли и надѣли на нихъ

оковы еще тяжелѣе. Прошло три дня и опять запѣли славянскіе священники: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоломъ Твоимъ низпославый*. И опять сталъ слышенъ гулъ подъ землею, стѣны темничныя—каменныя пошатнулись и цѣпи, что были на мученикахъ, разбились на много концовъ. Святополкъ тогда былъ въ отъѣздѣ, въ Панноніи. Нѣмцы положили между собою не говорить ему ничего о томъ, что случилось. Они боялись, что князь увѣруетъ Божьему чуду и обратится сердцемъ къ Богу.

Прошло еще десять дней: и въ третій разъ земля всколыхнулась и желѣза на мученикахъ святыхъ порвались. Нѣмцы оробѣли, начали думать: «Что же теперь выйдетъ? князь непремѣнно какъ нибудь узнаетъ всю правду и не станетъ больше слушать насъ, велитъ отпустить славянскихъ священниковъ; да и намъ самимъ страшно ихъ держать; есть въ нихъ дивная сила, не наша; а убить ихъ еще страшнѣе; Моравапе тогда насъ убьютъ».

Какъ разъ въ ту пору опять явился въ Моравію Викингъ. Прямо послѣ смерти Меѳодія онъ поѣхалъ въ Римъ, повезъ съ собою много денегъ. Іоаннъ VIII умеръ за три года раньше, чѣмъ Меѳодій, а другой папа Стефанъ VI Меѳодія не зналъ и книгъ славянскихъ не видалъ. Викингъ сталъ давать денегъ римскимъ епископамъ, чтобъ они передъ папою Меѳодія усопшаго хулили, а книги славянскія называли бы еретическими. Потомъ и самого Стефана задарилъ Викингъ и выпросилъ у него грамоту, какую хотѣлъ. Написалъ папа Стефанъ: «Посылаю вамъ во епископы Викинга; онъ князю преданъ и вѣруетъ по нашимъ римскимъ уставамъ; а Меѳодій еретикъ, онъ проклялъ Викинга напрасно, за это я проклинаю Меѳодія и учениковъ его, а славянскую службу запрещаю навсегда. Въ области римскаго патріарха не будетъ мѣста тому, кто отъ Меѳодія наученъ. Кто станетъ служить по славянски, тотъ да будетъ изгнанъ изъ моравской земли».

Съ этою грамотой пріѣхалъ Викингъ въ Велеградъ. У Нѣмцевъ у всѣхъ прибавилось бодрости; они прочли народу писаніе папы римскаго. Славяне печальны стали, но нечего имъ было дѣлать.

Пришли нѣмецкіе священники въ темницу и воиновъ съ собою много привели; воины тоже были Нѣмцы. И велѣли нѣмецкіе священники этимъ воинамъ взять учениковъ Меѳодія и увести ихъ вонъ изъ города, потомъ сказали мученикамъ славянскимъ: «Кто изъ васъ опять покажется въ Моравіи, того мы смертью казнимъ; уходите куда знаете и благодарите насъ, что мы нынѣ васъ не убили». Когда вышли воины съ мучениками изъ Велеграда, то сняли съ нихъ одежды, нагими повели ихъ; а холодъ былъ сильный, осень стояла тогда, и погода была ненастная. Не повели Нѣмцы изгнанниковъ по большимъ дорогамъ, а вели ихъ лѣсами и оврагами, по самымъ частымъ зарослямъ. Камни острые рѣзали ноги святымъ угодникамъ, вѣтви колючія тѣла ихъ царапали, кровь текла изъ ранъ и кровавый слѣдъ на землѣ оставался. Нѣмцы всѣ были при мечахъ и съ копьями длинными. Показалось Нѣмцамъ, что Славяне еще мало страдали. Вынули Нѣмцы свои мечи, поставили славянскихъ священниковъ въ рядъ и замахнули мечи надъ ихъ головами, потомъ опустили мечи и дальше пошли, сказали: «мы только хотѣли узнать, боитесь ли вы смерти?» Черезъ нѣсколько верстъ опять остановились Нѣмцы и копья свои въ славянскихъ священниковъ нацѣлили, какъ будто заколоть ихъ хотѣли; потомъ опять дальше двинулись. Славяне все время пока шли, читали молитвы тихимъ голосомъ, каждый про себя. И весь день воины нѣмецкіе стращали Славянъ смертію. Когда же солнце низко было, Нѣмцы бросили Славянъ въ лѣсу, пошли обратно къ Велеграду, говорили между собою: «ночью звѣри ихъ разорвутъ».

Остались одни Климентъ и Гораздъ, Лаврентій, Наумъ и Ангеларій, и стали думать: «Куда мы денемся?» Климентъ сказалъ: «Намъ дорога въ Болгарію; тамъ князь Борисъ добрый, Бога онъ боится; Борисъ приметъ насъ». И сказали всѣ: «пойдемъ въ Болгарію!» Посидѣли святые страдальцы, отдохнули, толковали промежь себя: «Кириллъ и Меѳодій оставили намъ богатство нетлѣнное и мы его умножить должны, а не затерять; оно съ насъ взыщется, богатство это—славянская грамота и служба славянская; мы будемъ въ Болгаріи служить обѣдни по славянски. Въ Евангеліи написано: *Егда же гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій* (Мѳ. гл. 10, 23). И дальше пошли изгнанники: добрели въ одну деревню, деревенскіе люди ихъ накормили и одежды имъ дали, чтобъ тѣла ихъ отъ стужи укрыть. Переночевали въ этой деревнѣ ученики Меѳодія, разспросили дорогу и опять пошли. Пришли къ Дунаю—рѣкѣ, посмотрѣли во всѣ стороны, нѣтъ ли гдѣ перевозу?—нѣтъ, не видно. Стали броду искать и тоже не нашли. На берегу стояла роща, въ ней три дерева были повалены. Моравскіе священники сложили ихъ вмѣстѣ, раздобылись тутъ же въ рощѣ липовою корою и связали эти бревна,—вышелъ плотъ. Ученики Меѳодія спустили его на воду, перекрестились и сами встали на него, и поплылъ этотъ плотъ противъ вѣтра—прямо на другую сторону; никто плотомъ не управлялъ; угодники Божіи стояли и молились.

На томъ берегу уже болгарская земля начиналась. Вышли странники на сушу, скоро прибыли въ Бѣлградъ. Тамъ сидѣлъ на воеводствѣ Боритиканъ, бояринъ князя Бориса. И услыхалъ воевода, что пришли въ городъ люди незнакомые, старые съ виду, одѣты худо, а не просятъ милостыни, говорятъ съ народомъ, и такъ хорошо говорятъ, все о Богѣ. Боритиканъ велѣлъ этихъ людей къ себѣ привести и спросилъ: «кто они и откуда идутъ?» Странники ему разсказали о себѣ. Тогда воевода подумалъ: «Отправлю я ихъ къ нашему

князю; онъ такихъ людей любитъ; онъ приказывалъ, чтобъ къ нему присылали всѣхъ монаховъ и старцевъ богомольныхъ, какіе будутъ заходить въ Болгарію». Боритиканъ далъ напередъ отдохнуть моравскимъ священникамъ, а затѣмъ отправилъ ихъ на коняхъ къ Борису. Князь болгарскій принялъ странниковъ. Когда же узналъ, кто они, то перекрестился князь передъ образомъ и воскликнулъ: «Видно милостивъ Богъ ко мнѣ и къ народу моему, что привелъ въ мое царство избранныхъ своихъ служителей, мучениковъ за вѣру». Поцѣловалъ Борисъ каждаго изъ старцевъ и сказалъ имъ: «останьтесь у насъ; мы укроемъ васъ отъ враговъ и старость вашу успокоимъ».

И велѣлъ Борисъ своимъ слугамъ отмыкать кладовыя и принести хорошія священническія одежды; далъ эти одежды своимъ гостямъ, потомъ назначилъ имъ на житье самые лучшіе дома во всемъ городѣ. Каждый день началъ ходить Борисъ то къ одному, то къ другому изъ славянскихъ священниковъ, спрашивалъ у нихъ, какъ Меѳодій умеръ и какія въ Моравіи дѣла стали; еще любилъ Борисъ слушать сказанія о томъ, какъ въ древнія времена много было святыхъ людей и чудеса бывали безчисленныя.

И народу болгарскаго много перебывало у моравскихъ изгнанниковъ: они всѣхъ поучали; начали они служить обѣдни по славянски, еще больше народу стало сбираться, иные издалека шли. Близъ болгарской земли жили Сербы: отъ нихъ тоже много приходило богомольцевъ. Хорошо было жить ученикамъ Меѳодія въ Болгаріи. Но они уже были стары; отъ прежнихъ обидъ и несчастій изболѣли тѣла ихъ и души истомились. И началъ Богъ призывать ихъ одного за однимъ къ себѣ на отдыхъ, въ небесныя обители. Всѣхъ старше лѣтами былъ Ангеларій Онъ умеръ всѣхъ скорѣе, Гораздъ немного тоже пожилъ. Затѣмъ преставился Лаврентій. Климентъ и Наумъ жили дольше. Послѣ Горазда Климентъ былъ поставленъ во епископы; онъ много по-

трудился для болгарскаго народа: не малое число людей болгарскихъ научилъ грамотѣ и посвятилъ во священники; всѣ они служили по славянски. Климентъ скончался, когда въ Болгаріи было уже семь соборныхъ храмовъ и когда служба славянская твердо стала въ болгарской землѣ.

Въ Моравіи семь лѣтъ былъ епископомъ Викингъ: онъ служилъ по латыни и былъ не любъ Моравамамъ. Послѣ семи лѣтъ Святополкъ одумался, сталъ каяться передъ Богомъ въ своихъ злыхъ поступкахъ. Началъ Святополкъ войну съ Нѣмцами. Тогда Викингъ отъ него ушелъ къ Арнульфу. Бросилъ Викингъ ходить въ черныхъ ризахъ, сдѣлался бояриномъ. Богъ не принялъ покаянія князя моравскаго. Сбылось надъ Моравіей пророчество Меѳодія. Святополкъ умеръ, когда война еще не кончилась. Отъ него осталось сыновей трое: они заспорили, какъ землю дѣлить и кому быть старшимъ въ родѣ. Нѣмцы рады были смутамъ, старались братьевъ разлучать, потомъ нападали на нихъ, на каждаго порознь, и побѣждали ихъ.

Нѣсколько лѣтъ раньше Угры снялись съ приднѣпровскихъ степей и двинулись на западъ; на пути своемъ все жгли и губили. Остановились они на Дунаѣ близъ моравскаго княжества, стали бродить въ тѣхъ мѣстахъ. А когда разгорѣлась у Славянъ война съ Нѣмцами, то Угры опять вдругъ бросили свои кочевья и пошли всѣ разомъ на Моравію. Было сраженіе; сыновья Святополка были убиты. И заполонили Угры моравскую землю и Паннонію. Съ тѣхъ поръ никогда въ Моравіи не было своихъ князей. Когда моравское государство пропало, Нѣмцы и другихъ Славянъ стали крѣпче гнуть подъ свою власть. Въ Чехіи и въ Польшѣ поставлены были по приходамъ нѣмецкіе священники, а славянскихъ священниковъ Нѣмцы притѣсняли и оскорбляли, даже вовсе изгоняли прочь. Скоро въ Чехіи и въ Польшѣ не стало слышно въ церквахъ славян-

ской службы. Теперь Чехи и Поляки молятся Богу по латыни и вѣруютъ въ Духа Святаго не такъ, какъ училъ Меѳодій, не такъ, какъ вѣровали апостолы и всѣ святые.

До Болгаріи Нѣмцамъ далеко, они тамъ ничего не могли повредить. И осталась въ Болгаріи вѣра православная, и грамота славянская осталась даже до нашего времени. Климентовы ученики, священники и монахи болгарскіе, ходили на востокъ, на рѣку Днѣпръ, проповѣдывали христіанскую вѣру Славянамъ русскимъ. Русскіе люди благодать Божію принимали, шли на призывъ Господень, крестились. Съ начала крестились не по многу вдругъ, а послѣ было великое крещеніе русскаго народа при князѣ Владимірѣ.

Болгарскіе проповѣдники приносили съ собою книги славянскія и служили по славянски, и оттого перешла славянская грамота въ Россію. И сбереглось у русскихъ Славянъ богатство нетлѣнное, что оставили Кириллъ и Меѳодій ученикамъ своимъ. И умножилось это богатство: разошлась грамота славянская на всю русскую землю по лѣсамъ и по степямъ до морей дальнихъ.

Книги наши церковныя теперь тѣ самыя, что Кириллъ и Меѳодій переводили; писаны буквами тѣми, что Кириллу отъ Бога были явлены; и молитвы у насъ въ церквахъ поются тѣ же, что Кириллъ и Меѳодій сложили.

Сѣяли Кириллъ и Меѳодій сѣмя Божіе у западныхъ Славянъ, да только тамъ его птицы выклевали, а на Русь нѣсколько зеренъ залетѣло, но упали они на добрую землю и дали плодъ сторичный. Цѣлую тысячу лѣтъ русскій народъ слушаетъ и читаетъ Слово Божіе на языкѣ для всѣхъ понятномъ, и научается русскій народъ премудрости Божіей, а Божія премудрость выше всякой мудрости людской, все равно какъ солнце на небѣ краше всѣхъ огней, отъ рукъ человѣческихъ зажженныхъ. Въ земляхъ латинской вѣры священники

одни вѣру знаютъ, потому что они одни умѣютъ читать церковныя латинскія книги и мірянамъ уже отъ себя ихъ толкуютъ. А въ Россіи церковныя книги на славянскомъ языкѣ, и всѣ православные христіане могутъ эти книги читать и разумѣть. Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ говорилъ про ученіе Свое святое: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко мнѣ и піетъ* (Іоан. гл. 7, 37); и еще говорилъ: *иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки* (Іоан. гл. 4, 14). У латинянъ эту воду черпаютъ лишь священники и людямъ простымъ по малу пить даютъ, а у насъ весь источникъ передъ всѣми течетъ, и каждый человѣкъ воленъ придти и брать для души своей просвѣщеніе и пользу. Каждому человѣку у насъ и книги доступны, и служба Божія въ церквахъ понятна вся.

И крѣпко ученіе Христово въ русскихъ душахъ. Приходили на насъ Татары и Литва, и Шведы, и двадесятъ языковъ, но удержалась въ Россіи нерушимо православная истинная вѣра. Не сойдетъ народъ русскій съ пути правды Божіей, потому что знаетъ этотъ путь. Не погубятъ люди русскіе Христовой вѣры, потому что имъ эта вѣра открыта. Открылъ же Богъ свою вѣру русскимъ людямъ и всему славянскому племени черезъ апостоловъ своихъ, святыхъ Кирилла и Меѳодія.

ОСТРОЖСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
И ЕЯ ИЗДАНІЯ.

(Продолженіе).

Кромѣ этихъ двухъ свидѣтельствъ, приведенныхъ у г. Скабалановича, С. Т. Голубевъ приводитъ еще третье свидѣтельство Тарасія Земки изъ предисловія послѣдняго къ служебнику, изданному Петромъ Могилою (1629 года, съ разрѣшенія кіевскаго собора) (213).

(213) Библіогр. замѣч. стр. 22.

«На русскую церковь, говоритъ Земка, несправедливо возвели обвиненіе, служащее предметомъ особенныхъ укоровъ и порицаній православныхъ «аки бы мы въ образѣ, а не въ истинѣ причащалися быхомъ и не исповѣдали преложенія существъ хлѣба и вина въ существо тѣла и крове Христовы» (214). Указывая на неосновательность такого обвиненія западно-русской церкви и согласіе ея въ ученіи о таинствѣ Евхаристіи съ ученіемъ древней православной церкви, онъ выставляетъ всю несостоятельность подобнаго обвиненія и его основаній. «А еже безстуднѣе и братоненавистнѣе творятъ, замѣчаетъ Т. Земка, яко единаго нѣкоего случающася иновѣрна мнѣніе всей церкви нашей въ благовѣріи и богословіи незазорной навлачаютъ. О безсовѣстіа! Когда церковь Филалета реченнаго съборнѣ пріятъ; когда отъ него изданное похвали и утверди; гдѣ въ училищахъ, гдѣ въ церквахъ отъ амвона людемъ прочитовашеся; кто изъ него догматъ вѣры снисковаше; кто когда учителя его нарече и отъ него прѣніе къ противнымъ извѣщаше; ни единому же сихъ въ истину бысть. Аще же писаше: аки мірскій отъ мірскіа повелѣнъ власти, яже къ съставленію, множае паче къ утверженію догматъ вѣры отъ святыхъ отецъ уже запечатлѣнныхъ ничтоже имать, и ничтоже есть. Къ сему писаше, яко слуга своего отмщаяся господина, ему же разгнѣвавшуся на коего-либо человѣка вси домашніи, раби и питомци его о томъ его вразѣ негодовати и самыя псы нань лаяти обыкоша. Тѣмъ же еже единъ нѣкто случивыйся и странный по своей ему воли и разуму написа, сіе церкви налагати нечестиво есть въистину и душегубительно» (215). При подобномъ подтвержденіи латино-уніатскихъ свидѣтельствъ, кажется, не можетъ быть

(214) Ibid.

(215) Литургіаріонъ, си есть служебникъ. Кіевъ 1629 г. Предисловіе къ священному читателю. Листъ 3—4 по цитатѣ С. Голубева. Библіографическія замѣчанія стр. 22—23.

заподозрѣна ихъ достовѣрность, но тѣмъ не менѣе приведши мнѣнія Мужиловскаго и Диплица, г. Скабалановичъ видитъ въ нихъ только уступку со стороны православныхъ уніатско-католической партіи. «Чѣмъ православные, говоритъ г. Скабалановичъ, могли доказать чистоту побужденій Филалета даже тогда, еслибы сами не сомнѣвались въ ней? Чѣмъ они могли опровергнуть латино-уніатовъ, такъ настойчиво обличавшихъ Филалета въ притворствѣ, въ неискреннемъ принятіи православнаго ученія? Единственнымъ фактическимъ доказательствомъ безупречности его сердечныхъ стремленій —былъ Апокрисисъ, но и тотъ заподозрѣнъ врагами. Послѣ этого православнымъ ничего не оставалось дѣлать, какъ очистить предварительно Апокрисисъ отъ подозрѣнія; *благоразуміе* отъ нихъ требовало, согласившись съ противниками въ томъ, что Филалетъ, можетъ быть, и не искрененъ, можетъ быть, и по прежнему остается еретикомъ; вслѣдъ за этою уступкою, обратиться къ Апокрисису и доказать, что чѣмъ бы Филалетъ ни оставался для враговъ—православнымъ-ли, еретикомъ-ли во всякомъ случаѣ въ его произведеніи, въ Апокрисисѣ, нѣтъ ничего еретическаго. Такъ и поступилъ Диплицъ» (216).

Но подобная «благоразумная уступчивость» будетъ, по меньшей мѣрѣ, странна, если принять во вниманіе, что сужденія эти были высказаны 30 лѣтъ спустя послѣ изданія Апокрисиса, и какъ православные, такъ и латино-уніаты, въ этотъ періодъ могли убѣдиться въ искренности или притворствѣ Филалета. Пребываніе его въ православіи могло быть лучшимъ доказательствомъ этой искренности и чистоты побужденій въ предпринятой имъ защитѣ православія, но на него не указываютъ православные, считая болѣе благоразумнымъ оттолкнуть его отъ себя. Фактъ искренняго обращенія протестанта и самая защита имъ православной церкви,

(216) Изслѣд. объ Апокрисисѣ стр. 18.

по справедливому замѣчанію С. Голубева, могъ служить лучшимъ доказательствомъ истинности православнаго вѣроисповѣданія, было бы поэтому гораздо естественнѣе представить дѣло въ надлежащемъ его видѣ и сравнить автора Апокрисиса не съ Іудою предавшимъ Христа, а съ апостоломъ Павломъ, ставшимъ изъ жаркаго гонителя христіанства ревностнымъ его слугою (217).

Самое содержаніе Апокрисиса не исключаетъ возможности протестантскаго авторства, напротивъ, нѣкоторыя мысли носятъ на себѣ довольно ясный отпечатокъ послѣдняго. Мы не будемъ съ настоятельностію указывать на преувеличенія авторомъ права міряпъ въ ихъ участіи въ дѣлахъ церкви, такъ какъ подобная крайность могла появиться какъ противовѣсъ Скаргѣ, совершенно исключавшемъ вмѣшательство міряпъ въ дѣла, касающіяся вѣры и церковнаго управленія. Патріархъ Александрійскій, Мелетій, въ своихъ письмахъ къ православнымъ западной русской церкви облекаетъ православныя братства (которыя, какъ извѣстно, состояли исключительно изъ міряпъ) не менѣе важными полномочіями. Поищемъ поэтому болѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ мнѣній, исключающихъ возможность подобныхъ возраженій, которыя съ другой стороны придадутъ значеніе и этому первому положенію о мірянахъ, указывая на источники его происхожденія. (Но, прибавляемъ, само по себѣ оно не имѣетъ доказательной силы). Къ такимъ мѣстамъ Апокрисиса, рѣзко изобличающимъ неправославіе автора, относится взглядъ его на пресуществленіе въ таинствѣ Евхаристіи. Разбирая положеніе Скарги о мнимыхъ преимуществахъ римско-католическаго духовенства предъ православнымъ, Филалетъ съ ироніей замѣчаетъ, что дѣеписатель «забылъ указать на болѣе видныя качества римскихъ священниковъ, по которымъ другіе измѣряютъ и выставляютъ народу ихъ достоин-

неправда

(217) Библіогр. замѣч. стр. 25.

ство, превосходство и призваніе»....(218). Дальнѣйшія слова мы приведемъ въ польскомъ подлинникѣ и древне-южно-русскомъ переводѣ по острожскому изданію Апокрисиса:

„Jako iest owo, co, na fundamencie swey zmyšloney transubstancyacijey postanowiwszy napisał, iż každy kapłau Rrzymski iest Stworzyciela swego stworzycielem“ (219)....

Яко есть ово, што, на фундаментѣ своей *змышленой транссубстанціацією*, або пренсточенью или премѣненья поставивши написалъ, ижъ кождый капланъ Римскій есть Створителя своего створителемъ».... (220).

При такихъ несомнѣнныхъ доказательствахъ протестантизма автора Апокрисиса, заключающихся въ этомъ сочиненіи, мы не исключаемъ однако искренности автора, которая звучитъ въ его словахъ, особенно гдѣ дѣло идетъ о главенствѣ папы и его всеобщемъ значеніи для христіанскаго міра. Но эта искренность нисколько не доказываетъ, какъ думаетъ г. Скабалановичъ (221) православія автора и вполнѣ естественна съ нашей точки зрѣнія. Вопросы о папствѣ, о значеніи Рима въ религіозномъ отношеніи были живыми, такъ сказать, мѣстами протестантизма, отсюда весьма естественна и понятна та возбужденность автора, съ какою онъ опровергаетъ несостоятельность римско-католическихъ взглядовъ на этотъ предметъ, и было бы даже неправдоподобно предположить въ немъ какое либо притворство и лицемѣріе въ этомъ случаѣ. Положеніе православныхъ въ юго-западной Руси и Польши было одинаково съ положеніемъ тутъ и протестантовъ, почему не было даже натяжки въ защитѣ православныхъ послѣдними: являлась она какъ протестъ противъ ненавистнаго Римскаго гнета

(218) Кіевское издан. Апокрисиса 1870 г. стр. 282.
(219) Апокрисисъ въ рус. истор. библіот. т. VII стр. 170.
(220) Апокрисисъ Острожскаго изданія листъ 193. Въ рус. историч. библ. т. VII стр. 1712. СПБ. 82 г.
(221) Изслѣд. объ Апокрисисѣ стр. 18.

и притязаній папства, равно ненавистныхъ для тѣхъ и другихъ.....

При всѣхъ подобныхъ соображеніяхъ, заставляющихъ принять свидѣтельства польскихъ писателей о вѣроисповѣданіи автора Апокрисиса, съ другой стороны нѣтъ основаній не согласиться съ извѣстіемъ Стебельскаго, дополняющимъ предшествовавшія,—что авторомъ его дѣйствительно былъ протестантъ Христофоръ Бронскій, писавшій означенное сочиненіе по порученію князя Острожскаго и получившій отъ послѣдняго мѣстечко Вильскъ. Соображеніе автора предисловія къ Кіевскому изданію Апокрисиса, отвергающее справедливость этого извѣстія на томъ основаніи, что «если Острожскій поручилъ Филалету писать въ защиту православія или принялъ и издалъ написанное имъ сочиненіе; то безъ сомнѣнія потому, что считалъ Филалета православнымъ (222), слишкомъ шатко за неимѣніемъ исторической почвы. Тѣ данныя, какія мы имѣемъ, напротивъ, говорятъ не въ пользу подобнаго положенія. Мы видимъ, что Острожскій еще прежде дѣлалъ попытки воспользоваться литературными услугами ученыхъ протестантовъ противъ католичества. По его, напримѣръ, порученію протестантъ-социніанинъ Мотовило пишетъ опроверженіе на книгу Скарги „O jedności kościoła Bożego" (1577) (223) и если къ подобнымъ же услугамъ иновѣрца обратился князь послѣ пресловутаго Брестскаго собора (1596) для опроверженія Скаргиной обороны его дѣяній, то нѣтъ ничего безпримѣрнаго въ подобномъ поступкѣ. Въ протестантахъ Острожскій видѣлъ защитниковъ попранныхъ правъ диссидентовъ, борцовъ за ихъ политическую равноправность, и съ этой стороны услуги ихъ для православныхъ, хотя и косвенныя, были очевидны. Ко времени Брестской уніи, когда православные епископы

---

(222) Предисл. къ Кіевск. изданію Апокрисиса 1870 года стр. XXXIII.

(223) Сказан. Курбск. т. II стр. 281—282.

вступили въ сношенія съ папой, чтобы подчинить римскому престолу западно-русскую церковь, Острожскій не могъ не понять всей важности подобнаго союза для ниспровершенія замысловъ папской партіи. Съ этой цѣлью, чтобы разстроить планы уніи, онъ рѣшился даже принять дѣятельное участіе въ протестантскомъ соборѣ въ Торунѣ, куда и былъ отправленъ съ инструкціями князя панъ Лустовскій (12 Августа 1598 г.) (224). Въ этой инструкціи князь, жалуясь на стѣсненіе въ Польшѣ свободы христіанскихъ исповѣданій, кромѣ одного латинскаго, увѣрялъ, между прочимъ, протестантовъ, что *какъ прежде былъ къ нимъ расположенъ, такъ остается и теперь расположеннымъ, и всякое притѣсненіе имъ считаетъ за обиду себѣ*, приглашалъ ихъ соединиться противъ латинянъ съ православными и общими силами отстаивать свои исповѣданія (225).

Одинаковость извѣстнаго положенія, одна общая опасность сближаетъ людей различныхъ взглядовъ, убѣжденій, которыя стушевываются, отходятъ на задній планъ, всѣ силы ихъ духа сосредоточиваются на рѣшеніи одной задачи—найти возможно-лучшій выходъ изъ своего стѣснительнаго, опаснаго положенія. Таково было теперь положеніе въ Польшѣ какъ православныхъ, такъ и протестантовъ; оно заставляло ихъ искать другъ у друга взаимной поддержки. Подобная близость къ протестантству отразилась отчасти во взглядахъ православныхъ относительно протестантскаго исповѣданія. Въ письмѣ къ своему внуку Янушу Радзивилу (226), князь Острожскій называетъ протестантство истинной религіей, а протестантовъ истинными христіанами. „Jesli jego mość Pan Woewoda Wileński, пишетъ Острожскій въ своемъ

---

(224) Истор. Рус. Церкви Макарія т. IX стр. 603.

(225) Ibid. стр. 604.

(226) Дочь князя Острожскаго Екатерина была въ замужествѣ за Христофоромъ Радзивиломъ, воеводою виленскимъ, княземъ на Биржахъ и Дубникахъ. Янушъ былъ рожденъ отъ этого брака

письмѣ, отъ 14-го Апрѣля 1585 года, Jeśli jego mość Pan Woiewoda Wileński, Ociec W. Mości, iezdzi na wilczku do zboru, w ktorym są prawdziwi wyznawcy Krystusowi y pod dwiema osobami sakramentów, tak iako i my wostoczni używamy, to iego Mość dobrze działa“ (227).

Подобныя указанія, кажется, достаточны для того, чтобы съ опредѣленностію высказаться о вѣроисповѣданіи Филалета, но все таки они не представляютъ данныхъ, по которымъ бы можно было сказать о его личности болѣе сказаннаго. Мнѣнія относительно мѣста, напримѣръ, его воспитанія (въ Прагѣ и Ольмюцѣ) (228) составляютъ только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, которыя и останутся такими за неимѣніемъ точныхъ основаній для подобнаго вывода, поэтому мы не будемъ задаваться этимъ вопросомъ. Если мы и остановились слишкомъ долго на вопросѣ о вѣроисповѣданіи автора Апокрисиса, на литературной полемикѣ по этому поводу, то лишь потому, что считали этотъ вопросъ слишкомъ важнымъ, чтобы категорически поставить его рѣшеніе, не приведя его основаній.

Въ заключеніе этой главы мы скажемъ нѣсколько словъ о первомъ Острожскомъ типографѣ Иванѣ Ѳедоровѣ, московскомъ первопечатникѣ. Быть можетъ покажется страннымъ отводимое ему мѣсто, нарушающее тотъ хронологическій порядокъ, которому мы слѣдовали сначала. Но, мы главнымъ образомъ имѣли въ виду не хронологическую послѣдовательность лицъ, а значеніе ихъ дѣятельности. Мы далеки, впрочемъ, отъ мысли умалять значеніе Ѳедорова, для этого оно слишкомъ очевидно. На первомъ планѣ мы поставили полемистовъ Острожской типографіи, тогда какъ въ этомъ отношеніи нашъ типографъ не можетъ занять этого мѣста; дѣятель-

(227) Матеріалы для исторіи Западно-Русской Церкви. Степана Голубева въ Трудахъ Кіевской дух. Академіи за 1878 годъ, кн. III стр. 27.

(228) Предисл. къ Кіевск. изд. Апокрисиса 70 года стр. XLI. Малышевскаго.

ность его была уже, такъ сказать, исполнительная, иниціатива ея принадлежала другимъ.

Иванъ Өедоровъ—уроженецъ села Гостуни, Лихвинскаго уѣзда, Калужской губерніи, до начала своей типографской дѣятельности служилъ діакономъ въ московской кремлевской церкви св. Николы Льнянаго, извѣстной (по перенесеніи сюда чудотворной иконы изъ села Гостуни) подъ именемъ церкви Николы Гостунскаго. Это было въ то время, когда въ Москвѣ царь Иванъ Васильевичъ и митрополитъ Макарій были озабочены, какъ бы «изряднѣе произвести отъ письменныхъ книгъ печатныя, ради крѣпкаго исправленія и утвержденія, и скораго дѣланія» (229) и дѣлались попытки въ этомъ родѣ. Въ 1548 году царь пытался вызвать знатоковъ типографскаго дѣла изъ Германіи, но прибалтійскіе нѣмцы, изъ ревности не пропустили ихъ въ Россію. Пришлось обратиться въ другое мѣсто, и, повидимому, эта попытка сопровождалась большимъ успѣхомъ: въ Россію былъ присланъ изъ Даніи типографъ Гансъ Миссенгеймъ. Но введеніе книгопечатанія обусловливалось главнымъ образомъ распространеніемъ на Руси протестантства. Гансъ привезъ съ собою лютеранскій катихизисъ, аугсбурское исповѣданіе и Библію, и, какъ значилось въ королевской грамотѣ, долженъ былъ перевести ихъ на русскій языкъ и напечатать во множествѣ экземпляровъ въ видахъ пропаганды лютеранскихъ идей (230). Подобныя условія не были приняты и Гансъ Миссенгеймъ былъ спроваженъ обратно «за море». Но изъ этой однако миссіи «человѣка люторскія вѣры» Москва, какъ полагаетъ А. Петрушевичъ,—галицкій ученый (231), извлекла сначала все что ей нужно было, кромѣ непригоднаго протестантства. Пока Гансъ разби-

(229) «Странникъ» за 1883 годъ 12 кн. стр. 701.
(230) «Странникъ» за 83 г. книга 12 стр. 701.
(231) Брошюра А. Петрушевича объ Иванѣ Өедоровѣ. Львовъ 1883 года.

ралъ шрифты, разставлялъ станки, да дѣлалъ пробы, приданные ему въ ученики Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславцевъ произошли всю его премудрость. Книгопечатаніе такимъ образомъ начинается у насъ болѣе или менѣе самостоятельно и первымъ организаторомъ типографскаго дѣла является Иванъ Ѳедоровъ. По приказанію царя, въ 1553 году стали строить домъ для будущей типографіи, а Ивану Ѳедорову и его товарищу было поручено подыскивать и учить мастеровъ и завести все необходимое для начала русскаго книгопечатанія. Нашъ діаконъ, какъ оказывается, не только умѣлъ самъ печатать и набирать книги, но и отливать литеры и вырѣзывать матрицы (формы), которыя должны служить для ихъ отливки (232). Чуть только чрезъ десять лѣтъ, затраченныхъ на предварительныя приготовленія, типографія открыла свою дѣятельность изданіемъ «Апостола» (1 Марта 1564 года) и «Часовника» (29 Октября 1565 года). Съ злобнымъ чувствомъ ненависти отнеслись къ этой дѣятельности Ѳедорова, вводившаго переворотъ въ книжномъ дѣлѣ, тѣ, для которыхъ списываніе книгъ служило единственнымъ средствомъ существованія. Въ типографскомъ станкѣ они увидѣли сильную конкурренцію, противъ которой имъ не было возможности бороться иначе, какъ только посредствомъ различныхъ навѣтовъ, поселивъ недовѣріе къ подобному нововведенію. Первымъ средствомъ для этого въ московской руси того времени было обвиненіе въ ереси, не минуло оно и Ѳедорова. Онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Москвы. Съ тихой безропотной грустью и только въ общихъ выраженіяхъ отзывается Ѳедоровъ о московскихъ событіяхъ, спустя много времени послѣ этого въ предисловіи къ Львовскому изданію Апостола (233). «Сія убо не туне начахъ повѣдати вамъ, го-

(232) Странникъ 83 г. 12 кн. стр. 702.

(233) Профессоръ Кояловичъ въ своей юбилейной замѣткѣ «къ трехсотлѣтію смерти русскаго первопечатника» помѣщен-

ворится въ этомъ предисловіи, но презѣльнаго ради озлобленія, часто случавшагося намъ, не отъ самаго государя, но отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ, и учитель, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли, хотячи благое въ зло превра-

---

ной (въ одномъ изъ декабрскихъ №№) въ «Новомъ Времени» за 1882 годъ и перепечатанной въ Волынскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ (за декабрь того же года) высказываетъ положеніе, что въ этихъ преслѣдованіяхъ Θедорова высказалось не одно невѣжество русскихъ, но, напротивъ, въ этомъ они руководились гораздо болѣе разумными соображеніями. «Далеко не одно невѣжество, говоритъ г. Кояловичъ, изгнало Θедорова изъ Москвы и вовсе, не озлобленіе выражалось въ жизни и дѣлахъ Θедорова. Вмѣсто того и другого въ исторіи Θедорова, въ исторіи нашего книгопечатанія сказалось нѣчто другое—нѣчто исключительное, наше, русское и такое дорогое, что было бы великимъ грѣхомъ нашего времени не понять и не сложить въ нашихъ сердцахъ этого своего, русскаго, родного». Въ западной Европѣ книгопечатный переворотъ не могъ сопровождаться какими-либо подобными послѣдствіями какъ у насъ, тамъ книжное дѣло касалось только школы и интеллигенціи, но не касалось народа. «У насъ, продолжаетъ Кояловичъ, было совсѣмъ иначе. У насъ дѣло рукописное, дѣло писанія и списыванія рукописей, на родномъ языкѣ легко доступное всякому желающему, было дѣломъ народнымъ, чувствительнымъ всей массѣ народа. Книгопечатаніе у насъ было народнымъ переворотомъ и переворотомъ на первое время понижающимъ просвѣщеніе, потому что никакое чтеніе книги не дастъ того, что дастъ списываніе ея, и потому еще, что печатаніе сразу подавляло массу переписывающихъ и подавляло не только въ практической жизни, но и въ умственной и нравственной. Хотя самъ Θедоровъ, по мнѣнію г. Кояловича, глядѣлъ дальше этого переходнаго времени, переносясь своимъ орлинымъ взоромъ въ болѣе или менѣе отдаленное будущее, когда польза его дѣла станетъ несомнѣнно—очевидною для всякаго, но не могъ онъ при всемъ этомъ осуждать этой народной вражды. «Какъ славянинъ, какъ русскій онъ, безъ сомнѣнія, чувствовалъ своимъ добрымъ сердцемъ внутреннюю правду изгонявшихъ его (?!), и потому-то въ его показаніяхъ о своей судьбѣ нѣтъ ни слова о народной ярости противъ него, о разрушеніи его типографіи, о чемъ сохранились преданія» (Странникъ стр. 707 книга 12 1883 г.). Но подобное объясненіе, по нашему мнѣнію, погрѣ-

тити и Божіе дѣло въ конецъ погубити; якоже обычай есть злонравныхъ и не наученныхъ, и не искустныхъ въ разумѣ человѣкъ, ниже грамматическія хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо есть

шаетъ противъ исторической правды. Его натянутость слишкомъ очевидна, признаніе ея сквозитъ даже въ нѣкоторыхъ, какъ бы вставочныхъ, мимоходныхъ замѣчаніяхъ г. Кояловича. Книжное дѣло далеко не было такимъ всеобщимъ и общедоступнымъ дѣломъ, какимъ представляетъ его въ данномъ случаѣ г. Кояловичъ: оно было, такъ сказать, наслѣдіемъ монастырей и духовенства и было, быть можетъ, еще недоступнѣе для массы, чѣмъ на Западѣ Европы. Нельзя не согласиться съ г. Кояловичемъ, что «никакое чтеніе книги не дастъ того, что даетъ списываніе ея», но нельзя съ другой стороны не видѣть той односторонности, къ которой оно приводитъ. Стоитъ только нѣсколько разъ переписать одно и тоже, чтобы по собственному опыту убѣдиться какимъ притупляющимъ образомъ дѣйствуетъ этотъ механическій процессъ списыванія. Подмѣчаешь во всѣхъ детальныхъ подробностяхъ только внѣшнюю сторону, выучиваешь наизустъ цѣлыя фразы, но при этой медленной, кропотливой работѣ ускользаетъ связующая нить цѣлаго произведенія, его общая идея. Отсюда отчасти понятна та приверженность къ «азамъ», какая высказалась въ московской руси во время книжныхъ исправленій; она была прямымъ слѣдствіемъ того, что г. Кояловичъ называетъ просвѣщеніемъ, которое пріобрѣтается посредствомъ списыванія книгъ. Малѣйшее измѣненіе въ самой орѳографіи, пропускъ какого либо слова тотчасъ бросались въ глаза этимъ начетчикамъ и они стояли за букву въ ущербъ смыслу написаннаго. Переворотъ вводимый книгопечатаніемъ, подавляющій массу переписывающихъ *преимущественно* въ практической жизни, прекращая средства къ ней, послужилъ главнымъ мотивомъ изгнанія Ѳедорова. Возбужденное мастерами книжнаго дѣла недовѣріе народа къ книгопечатанію было просто безсознательно, и напрасно г. Кояловичъ старается отыскать въ немъ высшіе мотивы и разумное обсужденіе всѣхъ послѣдствій вводимой реформы. Списываніе книгъ было въ народномъ представленіи, святымъ, богоугоднымъ дѣломъ, на которое смотрѣли какъ на подвигъ, какъ на средство къ достиженію спасенія; теперь же уничтожалось такое значеніе книгописанія, когда, при помощи печатнаго станка, являлась та или другая церковно-богослужебная книга сразу во множествѣ экземпляровъ.

зависть и ненависть—сама себѣ навѣтующи не разумѣетъ како ходитъ и о чемъ утверждается: сія убо насъ отъ земли и отечьства и отъ рода нашего изгна, и въ ины страны незнаемы пресели» (234).

Этой «незнаемой» страной была Литва, ставшая вторымъ отечествомъ Ѳедорова, нашедшаго пріютъ въ Заблудовѣ, имѣніи «найвысшаго гетмана великаго княжества Литовскаго, Григорія Александровича Ходкевича, который принявъ московскихъ бѣглецовъ, снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ для устройства типографіи. Въ 1568—69 годахъ тутъ было напечатано Евангеліе учительное (in folio) и Псалтирь (235). Въ томъ же году (1569) скончался гетманъ Ходкевичъ; Мстиславцевъ перешелъ въ Вильну къ Мамоничамъ и принялся тутъ за устройство типографіи, а Иванъ Ѳедоровъ, покинувъ подаренную Ходкевичемъ деревню, съ той же цѣлью отправился во Львовъ. Всей душой преданный своему дѣлу, онъ не хотѣлъ промѣнять его на удобства жизни, считая непристойнымъ коротать ее въ помѣстьѣ, когда въ рукахъ у него было художество книжное. «Неудобно ми бѣ раломъ ниже сѣменъ сѣяніемъ время живота своего съкращати, такъ разсказываетъ о себѣ Ѳедо-

---

При такихъ обстоятельствахъ не трудно было представить въ глазахъ народа подобное нововведеніе ересью, діавольскимъ измышленіемъ; такъ дѣйствительно и сдѣлали тѣ, интересы которыхъ страдали отъ замѣны книгописанія печатаніемъ. Не внутреннюю правду изгонявшихъ его чувствовалъ Ѳедоровъ въ поднятомъ противу него возбужденіи и враждѣ, а видѣлъ всю безсознательность этого чувства, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ онъ строго судить за это гнавшую его чернь, когда даже близко стоящіе къ книжному дѣлу люди, отъ которыхъ онъ по праву могъ ожидать только поддержки, возбуждали противъ него народныя массы. Съ христіанскимъ терпѣніемъ отнесся онъ къ этимъ жизненнымъ невзгодамъ, причиненнымъ соотечественниками, потому что они, въ его глазахъ, «не вѣдали что творили».

(234) Странникъ за 1883 годъ книга 12 стр. 705.

(235) Полн. собр. соч. М. А. Максимовича т. III стр. 664.

ровъ въ предисловіи къ львовскому изданію Апостола (1573—74 г.) (236), но имамъ вмѣсто рала художе-ство наручныхъ дѣлъ; вмѣсто же съсуды житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати, и всѣмъ по чину раздавати духовную сію пищу. Нанпаче же убояхся истязанія Владыки моего Христа, непрестанно въпіюща ко мнѣ: лукавый рабе и лѣниве, почто не вда сребра моего торжникомъ, и азъ пришедъ взялъ быхъ свое съ лихвою! И когда убо на уединеніи въ себе прихождахъ, множицею слезами моими постелю мою омочахъ, вся сія размышляя въ сердцы своемъ, да быхъ не скрылъ въ земли таланта отъ Бога дарованнаго ми, и тужащу ми духомъ, сія глаголахъ: еда въ вѣки отринетъ Господь и не приложитъ благоволити паки, или до конца милость свою отсѣчетъ, но притчи смоковничнаго неплодія, яко всуе землю упражняющу». Подъ вліяніемъ такихъ гнетущихъ его мыслей, покидаетъ Ѳедоровъ удобную жизнь въ своемъ помѣстьѣ для неизвѣстнаго будущаго, одушевляемый идеей великаго дѣла, на которое онъ смотритъ какъ на свое призваніе, какъ на талантъ дарованный ему Богомъ, возвращенія котораго потребуютъ у него съ лихвою, и ищетъ онъ новой дѣятельности на поприщѣ книгопечатанія въ городѣ Галицкой Руси, Львовѣ. «И въ путь шествующу ми, пишетъ Ѳедоровъ, многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, но и презѣльному повѣтрію дышущу и путь шествія моего стѣсняющу; и просто рещи: вся злая и злыхъ злѣе. И тако промысломъ Божія человѣколюбія до богоспасаемаго града Львова пріидохъ, и вся яже на пути случающаямися ни во что же вмѣняхъ, да Христа моего пріобрящу. Вся яже здѣ сну подобна и сѣни, преходятъ бо; яко же бо дымъ на воздусѣ благая и злая расходятся» (237).

(236) Ibid. стр, 665.
(237) Полное собраніе сочин. М. А. Максимовича томъ III стр. 665.

Въ Львовѣ, гдѣ давно уже было православное братство, и, какъ указываетъ надгробная надпись московскаго первопечатника, типографское дѣло, Ѳедоровъ надѣялся найти болѣе удобную почву для «сѣянія духовныхъ сѣменъ», болѣе подходящую среду для роста врученнаго ему таланта. Но не сбылись эти надежды, вмѣсто ожидаемаго религіознаго воодушевленія, Ѳедоровъ нашелъ здѣсь полное равнодушіе къ книгопечатному дѣлу. Много разъ, по его собственнымъ словамъ, обходилъ онъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ Львова съ поклонами и слезными мольбами, упросилъ священниковъ оповѣщать въ церквахъ о крайней необходимости поддержать его благое предпріятіе, но все было напрасно. Только «мали нѣціи въ іерейскомъ чину, инiи же неславніи въ мірѣ обрѣтошася, помощь подающе, разсказываетъ Ѳедоровъ, не мню, отъ избытка имъ сія творити, но якоже оная убогая вдовица отъ лишенія своего двѣ лептѣ ввергшая» (238). Съ этимъ скуднымъ вспомоществованіемъ приступилъ онъ къ печатанію Апостола, окончивъ его 15-го Февраля 1574 года, т. е. почти ровно чрезъ десять лѣтъ послѣ изданія въ Москвѣ той же книги (239). Но не посчастливилось тутъ Ѳедорову. Вызванный Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ для устройства въ Острогѣ типографіи, онъ принужденъ былъ, для того чтобы имѣть возможность выѣхать изъ Львова, заложить еврею Израилю Якубовичу всѣ свои типографскія принадлежности и 140 экземпляровъ изданнаго во Львовѣ Апостола за 411 золотыхъ (240), и прибылъ въ Острогъ около 1580 г. Первымъ желаніемъ князя было напечатать полную и

---

(238) Странникъ 1883 г. кн. 12 стр. 710.

(239) Русскій Вѣстникъ 1872 г. кн. 5 стр. 340.

(240) По смерти Ивана Ѳедорова, Израиль предъявилъ этотъ залогъ, требуя за него 1500 золотыхъ. Львовское братство заплатило жиду эти деньги, собравъ ихъ по міру въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и положило такимъ образомъ основаніе Братской типографіи.

исправленную Библію. Съ этою цѣлью давно уже были предприняты предварительныя работы по части исправленія текста, сличенія списковъ. Для этого капитальнаго изданія Ѳедорову пришлось приготовить все необходимое по типографскому дѣлу, отлить разной величины мелкіе шрифты церковно-славянскіе и греческіе (241). Всѣхъ шрифтовъ, приготовленныхъ имъ для печатанія Библіи, шесть, но два изъ нихъ безъ сомнѣнія отлиты Ѳедоровымъ по прежнимъ матрицамъ—это первопечатный московскій и виленскій Петра Тимоѳеева, изъ типографіи Мамоничей (242).

Впрочемъ первою книгою, выпущенною изъ новоустроенной Острожской Типографіи была не Библія, а Новый Завѣтъ съ Псалтирью. Это было какъ бы пробное изданіе предъ грандіознымъ трудомъ изданія Библіи, предварительныя работы къ началу котораго тогда еще вѣроятно не были окончены. Напечатавъ въ томъ же 1580 году хронологію, а въ слѣдующемъ 1581 году полную Библію, которая долгое время служила оригиналомъ и образцомъ для изданій славянскихъ Библій, Иванъ Ѳедоровъ, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ причинъ и побужденій, опять возвратился во Львовъ, гдѣ до самой смерти не могъ выкупить своей типографіи. Онъ жилъ въ крайней бѣдности въ предмѣстьѣ Львова—Подзамче. Смерть, послѣдовавшая 1583 года 5 Декабря, избавила его отъ житейскихъ невзгодъ и постоянныхъ странствованій. Тѣло его похоронили на кладбищѣ при Онуфріевской братской церкви, гдѣ, вѣроятно уже гораздо позже, положена каменная надгробная плита. На ней, по сторонамъ герба стоитъ слѣдующая надпись: «Друкарь Москвитянинъ, который своимъ тщаніемъ друковане занедбалое обновилъ, представися року *афп̄г декевр...» Вверху надъ гербомъ слова: «Оупокоенія, воскресенія из мертвыхъ чаю», а внизу: «Друкарь книгъ

(241) Русскій Вѣстникъ 1872 г. кн. 5 стр. 341.
(242) Ibidem.

предъ тымъ невиданныхъ»—слова, которые говорят краснорѣчивѣе богатыхъ и роскошныхъ памятниковъ...

Но было бы ошибочно думать, что указанными лицами ограничивался кружокъ дѣятелей Острожской типографіи. За ними слѣдуютъ, быть можетъ, еще десятки именъ утраченныхъ для потомства. «Найдовалися тут, замѣчаетъ Захарія Копыстенскій въ своей палинодіи, и мовцы оному Демосфенови ровныи, и Сафанове и иные различныи любомудрцы. Найдовалися и доктористе славныи, въ Греческомъ, Словенскомъ и Латинскомъ языкахъ выцвѣчоныи. Найдовалися и математикове и астрологове превыборныи» (243). Мы не будемъ вдаваться въ различныя гаданія относительно этихъ остальныхъ лицъ, ограничившись сдѣланными выше указаніями, основанными на болѣе или менѣе точныхъ историческихъ данныхъ.

(Продолженіе впредь).

ЛѢТОПИСЬ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ.

Движеніе Латышей и Эстовъ въ православіе.—Изъ Гапсаля въ эстонскую газету «Wirulane» пишутъ, что на островѣ Гія (Эстляндской губерніи) въ теченіе трехъ дней перешло въ православіе сто двадцать семь человѣкъ. Баптистскіе и ирвингіанскіе миссіонеры оставили упомянутую мѣстность, такъ какъ ихъ дѣятельность осталась безуспѣшною. По словамъ рижскихъ газетъ, въ окрестностяхъ города Тальсена около двухсотъ пятидесяти человѣкъ приняли православіе.

Газета «Свѣтъ» сообщаетъ о важномъ событіи готовящемся у береговъ Пейпуса: Эсты, населяющіе пространство отъ станціи желѣзной дороги Еве до самаго Пейпуса хотятъ сплошною массой перейти въ православіе.

— **Миссіонерская дѣятельность въ Уфимской епархіи.**—Въ видахъ усиленія и улучшенія миссіонерскаго

(243) Русская Истор. Библіотека. Спб. 1878 г. т. 4 стр. 1136.

вліянія на инородцевъ обращенныхъ въ православіе, духовенство Уфимской епархіи, между прочимъ, признало полезнымъ приступить къ открытію миссіонерскихъ училищъ во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ жители не тверды въ православіи. Кромѣ того, Уфимское духовенство пришло къ заключенію что въ приходахъ съ инородческимъ населеніемъ священники должны безвозмездно совершать для инородцевъ богослуженіе и требы, для чего взамѣнъ платы за требоисправленія священникамъ должно быть назначено опредѣленное содержаніе отъ казны; затѣмъ, на обязанность церковнослужителей возложить заботу объ устройствѣ, смотря по церковнымъ средствамъ, при церквахъ складовъ недорогихъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и иконъ для продажи ихъ прихожанамъ, причемъ затраты на устройство такихъ складовъ производить изъ кружечныхъ и кошельковыхъ церковныхъ суммъ. Наконецъ, для борьбы съ пропагандой раскола и мусульманства назначить особыхъ миссіонеровъ.

— Пособіе народнымъ школамъ въ губерніяхъ Люблинской, Сѣдлецкой и Сувалкской.—Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе объ ассигнованіи суммъ на улучшеніе и распространеніе народнаго образованія въ поуніатскихъ мѣстностяхъ губерній Люблинской, Сѣдлецкой и въ части Сувальской, населенныхъ возсоединившимися съ православною церковью греко-уніатами.

— Закрытіе на Кавказѣ армянскихъ школъ.—По распоряженію главноначальствующаго краемъ на Кавказѣ и попечителя учебнаго округа съ 23-го по 25-е февраля послѣдовало закрытіе армянскихъ училищъ въ краѣ, содержимыхъ на счетъ церквей и прихожанъ. Распоряженіе послѣдовало вслѣдствіе отказа эчміадзинскаго синода исполнить правила отъ 16 февраля 1884 года; по мнѣнію синода, измѣненіе въ строѣ церковныхъ училищъ принадлежитъ компетенціи верховнаго патріарха, избраніе котораго послѣдуетъ 19 апрѣля.

— Судьба изданій Пашковцевъ.—«St.-Petersb. Evangelisches Sonntagsblatt» сообщаетъ, что конфискованные прошлымъ лѣтомъ пашковскіе релизіозные трактаты разрѣшено те-

перь распространять въ публикѣ, но съ тѣмъ, чтобы они не продавались въ разносъ.

— **Празднованіе юбилея преосвященнаго Леонтія архіепископа Варшавскаго.** «Новое Время» сообщаетъ что 13 марта, членъ Св. Синода архіепископъ Холмско-Варшавскій Леонтій принималъ поздравленія по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія своего архіерейства отъ духовенства своей епархіи и множества частныхъ лицъ, почитателей уважаемаго архипастыря. Члены Синода, высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, оберъ-прокуроръ Синода К. П. Побѣдоносцевъ съ товарищемъ помощника попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества генераломъ Гедеоновымъ, городской голова И. И. Глазуновъ и другія официальныя лица и множество членовъ свѣтскаго и монашескаго духовенства приносили свои поздравленія. Пріемъ продолжался до 2 часовъ.

— **Открытіе Сербскаго подворья въ Москвѣ.**—По ходатайству высокопреосвященнаго Михаила, митрополита Сербскаго, Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшено открыть вновь Московское Сербское подворье, на Солянкѣ. Управлять онымъ порученю сербскому іеромонаху Іоанникію.

— **Столѣтіе со дня рожденія гдафа Д. Н. Блудова.**—19 числа февраля мѣсяца въ 1864, въ Москвѣ, скончался графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, столѣтіе рожденія котораго исполнилось 5 апрѣля текущаго года. Въ 1866 году появилось сочиненіе Ег. Ковалевскаго: *Графъ Блудовъ и его время* (Царствованіе императора Александра I), вышедшее вновь въ 1871 году въ первомъ томѣ собранія сочиненій Ковалевскаго. Н. Тургеневъ издалъ по этому поводу въ 1867 году брошюру, которая напечатана была на русскомъ языкѣ въ Лейпцигѣ въ типографіи Бэра и Германна, а на французскомъ—въ Парижѣ книжною торговлей Франка. Черты изъ жизни графа Д. Н. Блудова были приведены въ № 4 *Домашней Бесѣды* 1865 года. Біографію графа находимъ въ № 3 *Семейныхъ Вечеровъ* (старшій возрастъ, стр. 132—142) и въ № 6 *Всемірной Иллюстраціи* 1872 года.

— **Новая газета въ Галиціи.**—Во Львовѣ основывается новая русская газета «Миръ». Это будетъ клерикально-польскій

органъ, на изданіе котораго, по свѣдѣніямъ газеты «Слово», ассигновано поляками 80,000 гульденовъ. Цѣль «Мира» вовсе не мирная: онъ долженъ противодѣйствовать существующимъ русскимъ газетамъ и вести среди русинскаго населенія польско-католическую пропаганду. Фельетонистъ газеты «Слово» остроумно замѣчаетъ, что если прочитать «Миръ» съ конца, то выйдетъ «Римъ». Это и есть настоящій лозунгъ новой газеты.

— Слухъ объ упраздненіи Виленской Римско-католической епархіи.—Вопросъ о замѣщеніи вакантной каѳедры Гриневецкаго привелъ къ послѣдствіямъ, не маловажнымъ для дальнѣйшей исторіи нашихъ отношеній съ Римомъ. Какъ извѣстно, самовольно оставленный Гриневецкимъ замѣститель, ксендзъ Герасимовичъ, высланъ въ городъ Вельскъ. Виленскій же католическій капитулъ, въ которомъ противъ требуемыхъ правительствомъ выборовъ высказались прежде всего именно ксендзы, до сихъ поръ считавшіеся преданными Россіи (Жилинскій, Макаревичъ), по свѣдѣніямъ польскихъ газетъ, лишается вовсе права выборовъ, виленская епархія будетъ упразднена, а правительство временно назначитъ туда администратора.

— Благочестивый подвигъ русскихъ паломниковъ въ Іерусалимѣ.—Начальникъ Русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, отецъ архимандритъ Антонинъ, выписалъ для новой церкви, построенной имъ на Элеонской горѣ, большой колоколъ въ 308 пудовъ. Разные подрядчики требовали громадныхъ денегъ и нѣсколько мѣсяцевъ чтобы доставить колоколъ отъ Яффы на мѣсто (отъ 70—80 верстъ). Тогда отецъ Антонинъ кликнулъ кличъ, и наши, человѣкъ 300 мущинъ и женщинъ, сами отправились въ Яффу, припраглись—и притащили колоколъ къ мѣсту назначенія въ пять дней. Всю дорогу они громко пѣли молитвы, къ ночи засыпали тутъ же у колокола и съ разсвѣтомъ—опять за работу; ѣли хлѣбъ, пили воду и чай. Жиды, Арабы, иностранцы—всѣ, говоря объ этомъ торжественномъ шествіи при братскомъ напѣвѣ «Господи, помилуй»,—соглашались что «безъ Божіей помощи» немыслимо было бы такую громаду, безъ всякихъ приспособленій, на четырехъ

колесикахъ, руками, кушаками, платками—протащить чрезъ глубокіе пески и на крутыя, скалистыя горы. Одной старушкѣ, лѣтъ за 70, отдавило обѣ ноги между колесомъ и скалою,—и чтожь?—всѣ поздравляли ее, всѣ ей завидовали. Едва ли она встанетъ, и она собирается умирать съ такою радостью и гордостью что чудно на нее смотрѣть: вся какъ-то преобразилась. Вообще, у нашихъ паломниковъ вѣра глубокая и трогательная своимъ благодушіемъ и прозрачною простотой. Нельзя безъ умиленія слушать нашихъ сѣдыхъ богомольцевъ на палубѣ парохода: одинъ разсказывалъ житіе Святыхъ мучениковъ и отшельниковъ, а другіе, слушая разказъ, плачутъ. («Свѣтъ»).

— **О выполненіи призыва къ отправленію воинской повинности въ 1884 году.**—Министромъ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйше доложенъ, 14-го февраля, краткій отчетъ о выполненіи призыва къ отправленію воинской повинности въ 1884 году. Въ этомъ отчетѣ, напечатанномъ въ «Прав. В.», находимъ слѣдующія цифры. Вынутію жеребья подлежало всего 796,514 человѣкъ, въ томъ числѣ 37,932 евреевъ. Въ число, назначенное по разверсткѣ къ поступленію на службу, принято 221,116 человѣкъ, причемъ оказался недоборъ въ 2,884 человѣка. Въ числѣ принятыхъ заключается 7,774 еврея; недоборъ же изъ нихъ оказался въ 2,559 человѣкъ. Так. обр. почти весь недоборъ призыва 1884 года падаетъ на евреевъ. При осмотрѣ и пріемѣ новобранцевъ не явилось къ призыву 30,108 человѣкъ, въ томъ числѣ 15,732 еврея.

— **По еврейскому вопросу.**—«Новое Время», сообщаетъ, что коммиссія графа Палена сгруппировала отзывы по еврейскому вопросу мѣстныхъ коммиссій девяти южныхъ и югозападныхъ губерній о расширеніи черты постоянной осѣдлости. Нѣкоторыя коммиссіи, какъ Волынская и Кіевская, выразились отрицательно, другія, какъ Харьковская утвердительно. Относительно отмѣны спеціальныхъ сборовъ, уничтоженія еврейскихъ училищъ, измѣненія системы введенія метрическихъ книгъ и упраздненія спеціальныхъ сборщиковъ податей, всѣ коммиссіи высказались въ утвердительномъ смыслѣ. Коммиссіи предлагаютъ также ограничить число депутатовъ-Евреевъ въ мѣщанскомъ и общественномъ управленіяхъ.

— **К. А. Митюковъ (некрологъ).**—Въ Кіевѣ 27 февраля, умеръ проф. римскаго права Калиникъ Андреевичъ Митюковъ, онъ не блисталъ количествомъ своихъ ученыхъ трудовъ, но былъ популяренъ какъ въ стѣнахъ университета, такъ и въ стѣнахъ своего города, по словамъ одной изъ мѣстныхъ газетъ, «какъ учитель правды и добра въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова». Это качество пріобрѣло ему всеобщее уваженіе какъ среди молодежи, такъ и среди всѣхъ гражданъ г. Кіева. Достаточно сказать, что въ 1875 г. Митюковъ былъ выбранъ городскимъ головой, но отъ этого избранія отказался. Въ университетѣ-же онъ былъ извѣстенъ какъ профессоръ-ораторъ, качество чрезвычайно рѣдкое въ наше время. Похороны его были чрезвычайно торжественны.

— **Отъ совѣта прибалтійскаго православнаго братства** въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», отъ 26 февраля, № 46, помѣщено воззваніе о пожертвованіяхъ на сооруженіе новаго православнаго храма въ городѣ Якобштадтѣ, Курляндской губерніи, на мѣстѣ бывшаго—древняго, старѣйшаго въ краѣ храма, пережившаго болѣе двухъ столѣтій, обновленнаго и освященнаго 1 ноября минувшаго года, злоумышленно разрушеннаго и истребленнаго огнемъ 16 января сего года. Помѣщая воззваніе и оповѣщая доброхотныхъ дателей о пріемѣ пожертвованій на сооруженіе храма, совѣтъ прибалтійскаго православнаго братства руководился убѣжденіемъ что каждый Русскій, которому дороги честь и достоинство православія, отзовется на призывъ и что недолго останется въ пустѣ мѣсто исторической православной святыни въ краѣ. Нынѣ совѣтъ братства считаетъ себя счастливымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія что Государь Императоръ, 9 сего марта, соблаговолилъ пожертвовать на сооруженіе Якобштадтскаго храма пять тысячъ рублей. Всего, по настоящее время, поступило по С.-Петербургу на сооруженіе храма, вмѣстѣ со страховою преміей за сгорѣвшій храмъ (13.000 руб.)—19.668 руб. Пожертвованія принимаются: въ Ригѣ—въ канцеляріи лифляндскаго губернатора и въ третьемъ Рижскомъ обществѣ взаимнаго кредита—предсѣдателемъ и членами комитета по сбору пожертвованій на означенный храмъ. Въ С.-Петербургѣ—въ канцеляріи совѣта при-

балтійскаго православнаго братства (у Александринскаго театра, домъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ) и у казначея братства Л. А. Артамонова (уголъ Чернышева переулка и Большой Садовой).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, у книгопродавца А. Н. Ферапонтова, поступила въ продажу вновь вышедшая книга, третьимъ изданіемъ, дополненная, профессора Ѳ. А. Голубинскаго

ПРЕМУДРОСТЬ И БЛАГОСТЬ БОЖІЯ

ВЪ СУДЬБАХЪ МІРА И ЧЕЛОВѢКА

(о конечныхъ причинахъ).

Цѣна за экземпляръ 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Книга эта рекомендуется всѣмъ любителямъ духовной литературы, какъ замѣчательное произведеніе покойнаго профессора Ѳ. А. Голубинскаго, заслужившее большое вниманіе въ духовной литературѣ.

№ 9 Вол. Еп. Вѣд. сданъ на почту 19 Марта 1885 года.

Редакторъ *П. Бѣляевъ.*

Дозволено цензурою. Кременецъ. 21 Марта 1885 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.